

ОГОНЁК

№ 7 ФЕВРАЛЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДНЕВНИК А. С. ПУШКИНА?

Виктор Ревунов. КОГДА ЦВЕЛИ ТАВОЛГИ

ЗИМА ОТДЫХОМ КРАСНА

О МУЖСКОМ БЛАГОРОДСТВЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 7 (1808)

11 ФЕВРАЛЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На площади Пушкина в Москве.
Фото А. Бочинина

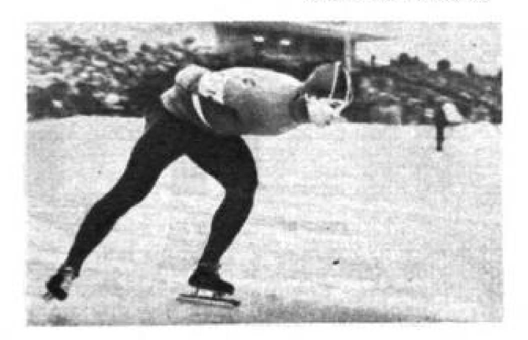
ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

НА ВАГОНАХ КОРОТКАЯ НАДПИСЬ: «ТУРИСТСКИЙ», а железнодорожники называют поезд целинным. В нем путешествуют по стране люди, которые несколько лет назад по комсомольским путевкам поехали на целину. И вот теперь за хорошую работу их отправили в необыкновенную поездку.

Началась она в Целинограде, затем туристы побывали в Харькове, Волгограде, Киеве, Ленинграде, Москве.

Фото Р. Лихач.

СОВЕТСКИЙ КОНЬКОБЕЖЕЦ РОБЕРТ МЕРКУЛОВ завоевал почетное звание чемпиона Европы. Он набрал в сумме четырех дистанций 188,163 очка. Это новый рекорд европейских чемпионатов.

На ледяной дорожке — сильнейший скороход Европы 1962 года Роберт Меркулов.

Фото А. Бочинина.

СЕМЬ ДНЕЙ ПРОДОЛЖАЛАСЬ встреча первого советского космонавта Юрия Гагарина с народом Объединенной Арабской Республики. Высший орден страны «Ожерелье Нила», врученный советскому гостю президентом Гамалем Абдель Насером, горсть порт-саидской земли, преподнесенная мэром города, подлинно народный прием, оказанный герою космоса,— все это говорит о том восхищении, которое вызывают успехи советской науки, говорит о большой дружбе, связывающей ОАР и Советский Союз.

На снимке: Ю. А. Гагарин у знаменитого сфинкса в Гизе.

НАРОД НАЗЫВАЕТ ЛУЧШИХ

В ЭТИ ДНИ НА СОБРАНИЯХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ звучат имена лучших из лучших — выдвигают кандидатов в депутаты Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.

В верховный законодательный орган государства должны быть избраны наиболее достойные сыны и дочери народа. Поэтому избиратели строго и вдумчиво обсуждают каждую кандидатуру.

На многочисленных собраниях трудящиеся единодушно выдвигают в Верховный Совет руководителей Коммунистической партии и Советского правительства, еще раз подтверждая тем полное согласие с мудрой ленинской политикой КПСС.

На снимке: предвыборное собрание на заводе «Серп и молот» выдвинуло кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР Н. С. Хрущева.

Фото С. Раскина.

Поля колхоза еще под снегом, но уже бегут одна за другой машины, везущие торф. На его разработке и вывозке занято 2 экскаватора, 25 самосвалов.

Навстречу Пленуму ЦК КПСС.

ЗАБОТЫ ПР

Есть в Красногорском районе, Московской области, колхоз «Ленинский луч» — хорошее, крепкое хозяйство. Десять лет председательствует в нем Тихон Сергеевич Пряхин, человек заслуженный и уважаемый, опытный, умелый руководитель. В воскресный день я отправился к нему и застал его в правлении.

— Ну вот, хотел в выходной посидеть с главным бухгалтером, спокойно в делах разобраться, прикинуть, как лучше финансы распределить, а вы тут как тут,— развел руками Тихон Сергеевич. И, узнав, что я хотел бы с ним поговорить о заботах председателя в преддверии весны, предложил:

— Давайте сделаем так: беседовать не будем, а завтра проведем денек вместе. И заботы увидите и работу. Потом помножите это на триста шестьдесят пять, вот вам и станет все ясно.

Утром в кабинет Пряхина один за другим идут бригадиры, члены правления, звеньевые.

Тепличный комбинат колхоза жалуется на деревообделочный завод: не собирают рамы.

— Заготовки есть? — спрашивает Пряхин.

— Есть.

— Сами соберем, еще и дешевле обойдется, забирайте у завода заготовки.

Бригадир животноводов докладывает, что с комбикормом заело... Строители сетуют на нехватку железа... Полеводы требуют семена гороха... Всего и не перечислишь!

— Сделать надо так...— Председатель в нескольких словах подсказывает, как лучше решить вопрос, и каждый свой совет заключает одинаково: — А теперь действуй самостоятельно, да не один, со всей бригадой, а ко мне заявляйся, если совсем уж туго придется.

Наконец самые срочные вопросы решены, и Тихон Сергеевич говорит:

— Едем на болото. Это сейчас один из важнейших участков,— объясняет он по дороге,— там решается судьба урожая: торф нужно вывезти на поля. Удобрения — девяносто процентов успеха. Закладываем, конечно, не только торф, будут и минеральные и навоз, но торф у нас хороший, под боком, потому на него главный упор. Нашли мы еще один «склад удобрений» — неподалеку есть свалка, туда из города много лет возили всякий мусор, теперь он перегорел, и его можно использовать. Специалисты определили, что две тонны этого мусора могут заменить тонну навоза. Выгодно?

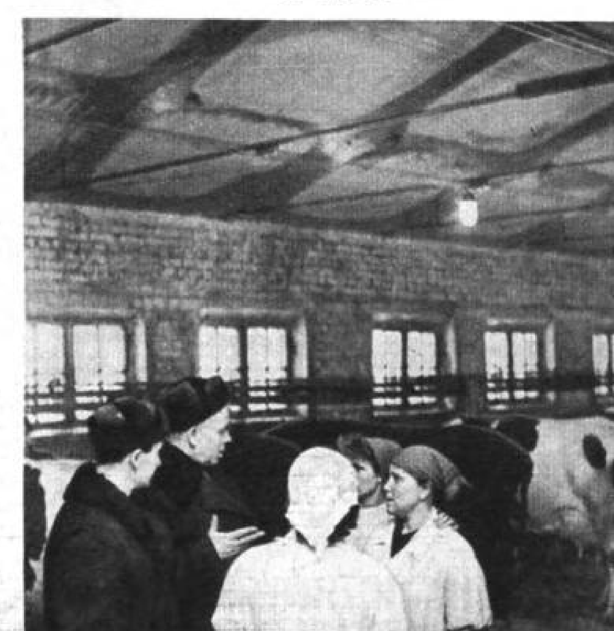
В этом году мы решили перейти на пропашную систему. В два раза увеличиваем площадь под кукурузу, в девять раз — под кормовые бобы, в три раза — под сахарную свеклу. Но из одних решений урожая не вырастишь, само собой ничего не придет, надо ко всему руки приложить. У нас ведь как? Ошибся, проморгал — и раньше чем через год не исправишь!

Удивляет предусмотрительность Тихона Сергеевича — за большими заботами он успевает заметить каждую мелочь. Почему маляры, ремонтирующие правление, красят стены в такой мрачный цвет? Не годится.

— А ну-ка, братцы,— говорит Пряхин,— подберите колер повесе-

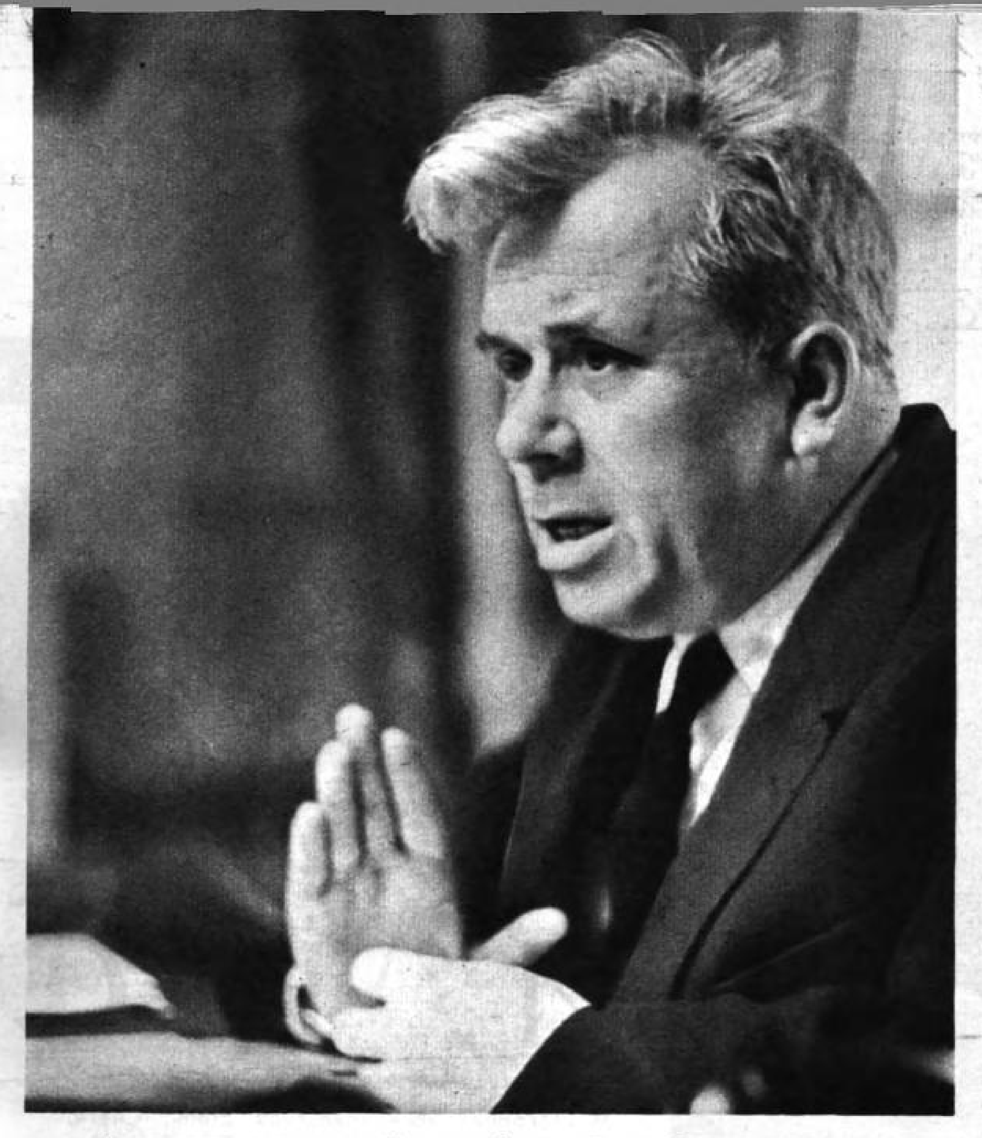
В теплицах готовят рассаду.

Т. С. Пряхин и парторг И. Е. Носков зашли посоветоваться с доярками.

Колхозные ребята помогают дояркам.

Председатель колхоза «Ленинский луч» Тихон Сергеевич Пряхин.

ЯХИНА

лее, чтобы людям зайти сюда было приятно...

Привезли в теплицы ящики.

— Когда освободятся, приберегите,— советует председатель,— цыплят в них возить будем.

Даже на лесной дороге, ведущей к болоту, замечаешь плоды этой предусмотрительности: сделано много разъездов, чтоб не было никакой задержки в движении машин,— шутка ли, сорок тысяч тонн торфа нужно вывезти!

До полудня председатель успевает побывать на животноводческой ферме, в механических мастерских, где заканчивается ремонт техники, а в двенадцать он уже в правлении, на рабочем наряде. Это оперативное совещание колхозного «штаба». А в дверь уже стучится посетитель — пришел проситься в колхоз демобилизованный офицер, майор.

— Работу мы вам подобрать, конечно, и сами можем,— говорит Пряхин,— но ведь работать-то вам. Поэтому советую: походите по колхозу, присмотритесь, выберите дело по душе.

Майор уходит, и Тихон Сергеевич смотрит на часы.

— Ну вот, опять пообедать не успею. Пора ехать в третью бригаду: у них сегодня итоговое собрание. Послушаем, что люди скажут, посоветуемся, поспорим. Ведь обязательства колхоз взял большие: продать государству в этом году 750 тонн картофеля, 1 300 — других овощей, 1 100 — молока, 125 — мяса, яиц — 300 тысяч штук — тут, как понимаете, всем миром навалиться надо, иначе не осилим...

Ю. КРИВОНОСОВ

Фото автора.

На бригадном собрании выступает агроном Людмила Белова.

Патриоты.

НАРОД КУБЫ: «МЫ ПОБЕДИМ!»

Этими словами кончается Гаванская декларация, принятая в прошлое воскресенье второй Генеральной национальной ассамблеей народа Кубы. Гордое слово кубинцев, готовых защищать свою родину от любых происков американского империализма, прозвучало на весь мир. Наш корреспондент встретился с временным поверенным в делах Республики Кубы в Москве Экторoм Риверо Суарес, который сделал для «Огонька» следующее заявление:

— Вторая Генеральная национальная ассамблея народа Кубы, на которой присутствовали полтора миллиона кубинцев, была достойным ответом на совещание в Пунта-дель-Эсте. На этом совещании американский империализм показал всему миру, что его политика — это не только политика репрессий против Кубы, но и политика шантажа и преследований, направленная против всех народов Латинской Америки, стремящихся к свободе. Поэтому Куба решила участвовать в совещании в Пунта-дель-Эсте не для того, чтобы защищать себя. Она пошла туда, чтобы обвинить империализм янки, его политику эксплуатации и закабаления стран Латинской Америки.

Вторая Гаванская декларация выражает не только мысли кубинцев — в ней отражено то, что думают и чувствуют народы латиноамериканских стран. В ней дан объективный анализ положения, которое сложилось сейчас на нашем континенте. Это подлинная история континента, в которой есть немало страниц, залитых кровью рабочих, крестьян, студентов, боровшихся за свободу — за ту свободу, над которой издевается империализм янки, которую он топчет много лет подряд. Гаванская декларация — это набат, призывающий Латинскую Америку сплотить народные силы против общего врага.

Куба знает, что она не одинока, что крепнет во всем мире движение солидарности с ее борьбой. Братские народы Латинской Америки доказывают это мощными демонстрациями в поддержку Кубы. Мы знаем о силе симпатий к нашей борьбе в социалистических странах, мы уверены в помощи народов этих стран и прежде всего героического советского народа. Во всем мире все прогрессивные люди на стороне Кубы.

Куба сейчас — это не маленький остров, не семь миллионов людей. Вся Земля похожа ныне на Кубу, потому что всюду поднимаются люди на борьбу за мир и справедливость. Таких людей бесчисленное множество.

ЗИМА ОТДЫХОМ КРАСНА

До сих пор еще многие считают, что лучшим временем для отпусков являются летние месяцы. Так ли бесспорно подобное утверждение? Судите сами.

Наши корреспонденты побывали в Закарпатье, в Ленинградской области, на Кавказе, в Эстонии, и вот перед вами их отчет об увиденном и услышанном.

Нет, совсем не случайно все больше и больше людей самых разных возрастов и вкусов находят радость в отдыхе на снегу. Конечно, зимой не полежишь в блаженном оцепенении на солнышке, не поплаваешь по озерам, не поживешь в палатке на морском берегу. В зимнем отдыхе есть одна особенность: он не терпит пассивности, лени, неподвижности. Он требует, чтобы кровь быстрее пульсировала в жилах. Но для этого ведь есть одно прекрасное средство — спорт.

Да, зимний отдых—это отдых активный, и в этом-то его прелесть. Отдыхать на лыжах, на коньках, в туристских походах — это двигаться, дышать глубоко, побеждать усталость. Вот почему туристские базы неразрывно связаны с отдыхом в зимние месяцы. Не все еще продумано в работе этих баз, есть еще вопросы, которые ждут своего решения, не всех удовлетворяет отдых, где не всегда встретишь удобства и уют, без которых зимой трудней обойтись, чем летом. Но ведь эти недостатки можно исправить!

Познакомьтесь же с тем, как надо отдыхать на снегу, а выводы делайте сами *(см. страницы 25—29).*

Три богатыря — Зиннат Хикматов, Николай Булдин, Илья Сидоров — водители минских «четвертаков».

Бригадир маляров С. П. Алексанов.

И В С

Многогорбая южноуральская степь. Снега, снега, безлюдье... И вдруг над белой степью белые дымы. А в дымах заиндевевшие краны...

Так возникает в метельной дали Гай.

Последний поворот перехваченного поземкой шоссе, и оно заканчивает свой пологий взлет: Гай. Так вот ты какой!

Высоко гнездится город, говорят, четыреста метров над уровнем моря. Здесь морозы жестче, чем там, внизу, в Орске; здесь чаще одолевают бураны, здесь свирепее ветры. Не оттого ли тут перекроили старую присказку: «Не говори Гай, пока не перепрыгнешь!» Трудная стройка. Но это еще и стройка всесоюзная. И ударная. И комсомольская.

Гаю весной только исполнится три года. Ему пока даже и не присвоили звания города. Но город есть.

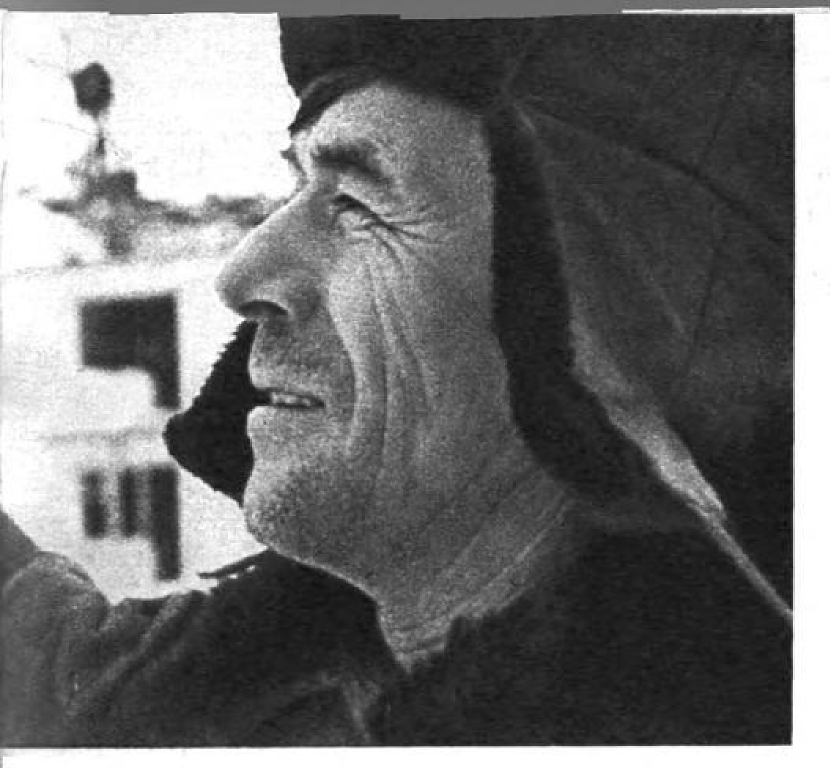
...Вале Коряк, двадцатилетней крановщице, некогда даже мельком взглянуть на панораму этой гигантской строительной площадки, на город, обрастающий блоками, кирпичами, все новыми и новыми скрипучими, засыпанными снегом лесами. А кругозор у девчонки завидный!

Изморозь в кабине крана, свистит за стеклами ветер, с ледяным звоном бегает по стреле колючая от инея каретка, глухо доносятся подсказки: «Майна, майна...» Некогда Вале оторвать глаз от смерзшегося флажка бригадира Петра Овчинникова. Нужен раствор, кирпичи, снова кирпичи и снова раствор.

Иногда она видит другую Валю — Цветочную, из Винницы. Та стоит на самом краю белой кирпичной пропасти, орудует тяжелой ло-

В С

Им. малярам и плотникам, шоферам и штукатурам из Гая, голосовать впервые.

18 МАРТА — ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

ТАЛ ГОРОД

Н. БЫКОВ,
Я. РЮМКИН

патой — раствор подает. А с кельмой в руках — это Сережка Сиротенко из Ярославля.

Дальше уже крановщица ничего не видит. «Майна, майна...» Раствор, кирпичи, кирпичи, раствор... Некогда Вале.

А через улицу, напротив этого будущего 62-квартирного дома, стоит красавица школа. Такой и в столице, поди, не сыщешь. И бронзовый Ленин у входа встречает ребят. А за школой поднялся 11-й квартал. Жилой, многоэтажный. Рядом — 9-й квартал, здесь закладывали самый первый в Гае дом. И монетку на счастье города клали торжественно, и митинг по этому случаю был.

А еще дальше, за сугробами, там, где ходят кругами, с равными интервалами 25-тонные самосвалы («четвертаки»),— там карьер. Идут вскрышные работы. Рядом шахта. На копре — звезда, в вагонах — руда, из-за которой и встал в степи этот город.

А еще дальше, за горизонтом, за спящими степными пашнями другой такой же город юности — Светлый. Неподалеку от него — годовалый Ясный...

Города, стройки, металлургический комбинат, шахты, богатейшие совхозы Адамовского района — все это нынче, в дни предвыборной кампании, породнилось особым родством. Указом Президиума Верховного Совета СССР здесь образован новый избирательный округ — Целинный с центром в Орске.

Валя Коряк 18 марта будет впервые выбирать депутата в Верховный Совет СССР. Четыре года назад она еще не имела избирательных прав. Не было тогда и Гая — ни на карте, ни на земле, как нет на картах и посейчас ни Ясного, ни Светлого... Да и самого Целинного избирательного округа не было.

Не всем в Гае голосовать впервые. Бригадир маляров, бригадир первой на стройке бригады коммунистического труда Сергей Петрович Алексанов в шестой раз пойдет к избирательным урнам. И это его шестой город-новостройка!

В новой школе поселился избирательный участок, здесь же и первый в городе агитпункт. Вечером собрались агитаторы. С чем идти к избирателям? Ну, конечно, надо им, строителям, рассказать подробнее, каким будет наш Гай. И еще — для чего он здесь строится и как много надо для него сделать...

Конечно, трудно в городе, которому не исполнилось и трех лет, отыскать завершенные архитектурные ансамбли... В Гае еще трудно с жильем — построено вдвое меньше даже того, что запланировано. Очень тесно в поликлинике, расположенной пока в жилом доме. Возле поднимающихся зданий в снегу и на кирпичах играют дети: молодым матерям не на кого их оставить дома...

И все же мы уже разглядели будущие улицы, площади. Поднялся уже на два этажа больничный городок. Теперь уже открылся и второй детский сад. Это—прекрасное современное здание, хорошо спланированное, оборудованное со вкусом и щедростью. А в марте строители обещают сдать третью школу, такую же красивую, просторную, как и две первые,— со столовой, спортивным залом и производственными мастерскими. Пока вместо кинотеатра в Гае тесный, приземистый клуб. Но будет, будет в городе и кинотеатр и стадион!..

Город живет большими буднями. Идут уроки в школе, кладут кирпич за кирпичом каменщики, тесно в комнатушке музыкальной школы, в клубе — репетиции драматического и танцевального кружков. Семиклассник Володя Скурдин после уроков — сразу к своим голубям. Заместитель главврача городской больницы Лидия Николаевна Чернавская, когда-то единственный медработник бивачного Гая, подводит итог рождаемости в минувшем году: около пятисот младенцев, как и в 1960 году! Слесарь-монтажник Саша Юрьев в обеденный перерыв готовится к экзаменам за 4-й курс индустриального техникума. Таня Степанова, строитель на все руки, тоже учится в техникуме; она, недавняя разнорабочая, нынешний маляр, хочет стать электромехаником. На карьере вот уже третий год за баранкой три богатыря: Николай Булдин, Илья Сидоров и Зиннат Хикматов. Они возглавляют экипажи коммунистического труда. Более трехсот тысяч тонн вскрышной породы вывез из карьера каждый экипаж! А под землей гремят станки бурильщиков Георгия Устинова, Файзулы Саянова, Сергея Андреева. И все больше и больше выдает руды бригада Зиялы Кисаметова...

Всех не перечислить. Но многих хочется хотя бы только назвать. Почему? Ведь это все лица исторические! Они меньше чем за три года, на полях, где желтела пшеница совхоза «Гай», построили рудник и город. Они обжили нежилую степь. Это только благодаря их высокому присутствию в Гае, Светлом, Ясном, Медногорске, в адамовских совхозах — здесь образован Целинный избирательный округ. Исторические люди!..

Т Е П И ...

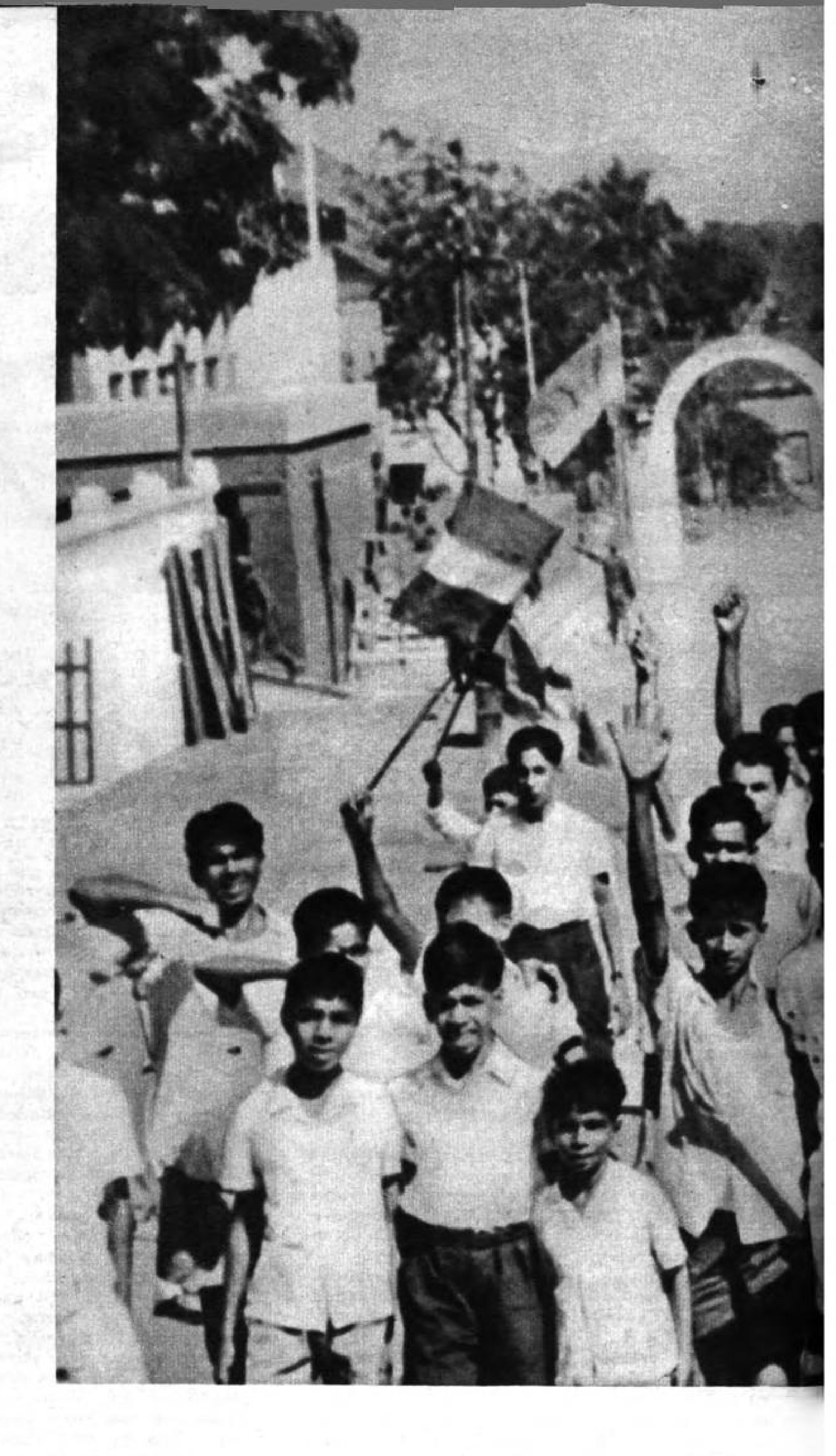

В тот день солнце навсегда зашло для португальских колонизаторов.

Военные трофеи. Оружие, которое Салазар получил от НАТО, теперь уже никогда не будет обращено против народа.

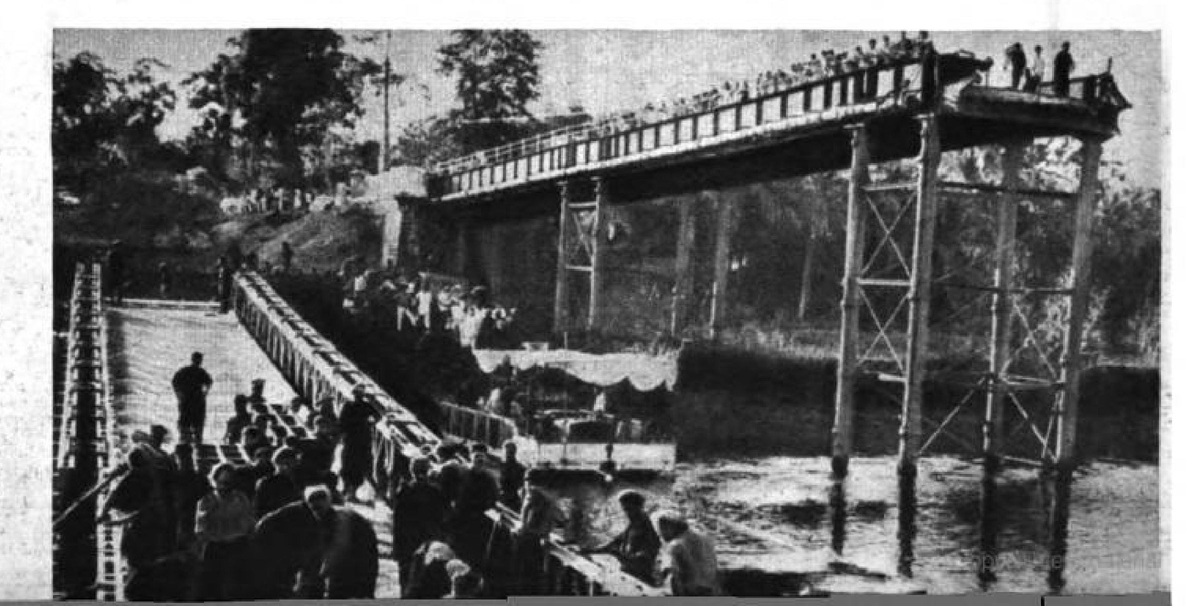
Эти снимки по нашей просьбе прислал в редакцию «Огонька» индийский фотокорреспондент П. Шарма. Он побывал в освобожденном от колонизаторов Гоа и рассказывает о своих впечатлениях советским читателям.

СВОБОДА

Оставляя индийскую землю, колонизаторы взорвали здания аэропортов в Дамане и Диу.

Индийские войска восстанавливают мост. Он тоже был взорван португальцами.

Радостно встречали гоанцы своих освободителей.

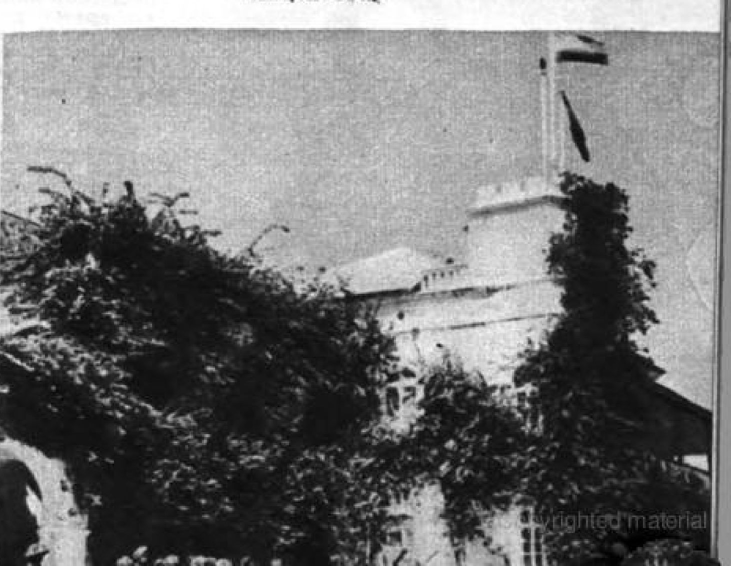
В ГОА

Такого здесь раньше не было. Люди в военной форме распределяют деньги и продовольствие среди крестьян. Слева — генерал-лейтенант вооруженных сил Республики Индия Б. М. Кауль.

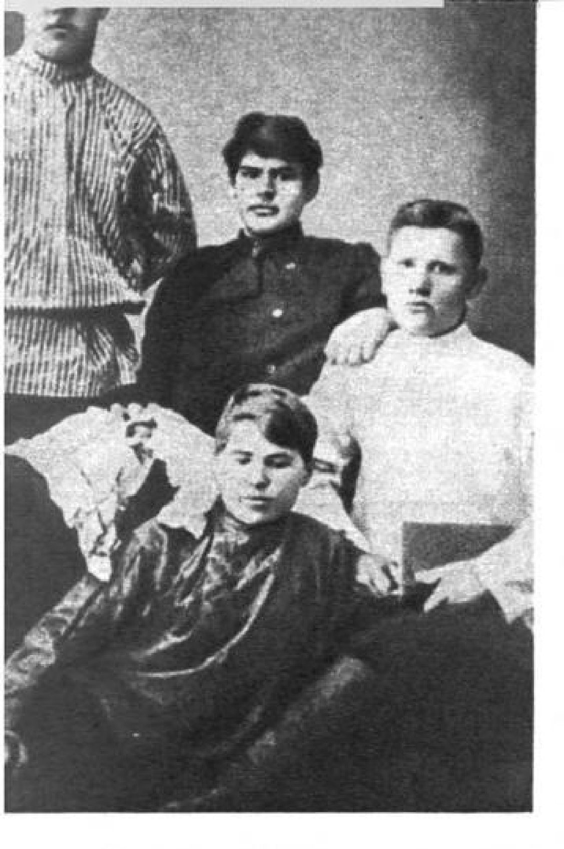
Индийский флаг развевается над Панджимом, столицей Гоа.

По совету Фурманова

Е. АРТЕМОВ

В. Чапаев (в центре внизу) с товарищами. 1908 год.

Трудно встретить сейчас человека, который бы не знал имени народного героя гражданской войны Василия Ивановича Чапаева. О его боевых делах и героических подвигах сложены песни, стихи, легенды, сказы, написаны книги. По мотивам известного романа Дмитрия Андреевича Фурманова был создан замечательный фильм «Чапаев», заслуживший известность во всем мире. И, несмотря на это, при всей великой популярности легендарного Чапая до сих пор многие стороны его жизни и боевой деятельности остаются малоизвестными и слабо освещенными даже в мемуарной литературе.

Об этом писал еще Д. Фурманов, да с тех пор мало что изменилось. «...Мне Чапаев рассказывал про себя... Верить ли — не знаю. Во всяком случае, на иных пунктах берет меня сомнение, например, на его родословной,— очень уж явственно раскрасил. Мне думается, что в этом месте у него фантазия, однако ж передам все так, как слышал,— отчего же не передать? Вреда не вижу, а кому захочется точно все установить — пусть-ка пошатается по тем местам, про которые говорю,— там сохранились у Чапая и друзья и родственные люди. Они порасскажут, верно, немало про жизнь и борьбу степного командира».

Следуя совету Фурманова, я и решил пошататься по тем местам, где проходили детство, юность Чапаева, его боевая деятельность.

Теперь уже можно говорить о результатах проделанной работы. Записано много воспоминаний, собраны документы, фотографии.

Вот несколько страничек из новых моих записей.

В. И. Чапаев и его жена Пелагея Никаноровна. 1909 год.

В деревне Будайка, где родился в 1887 году 9 февраля Василий Иванович Чапаев, жили в основном крестьяне-переселенцы. Жили здесь прапрадед, прадед, дед и отец Чапаева. Фамилия в их роду менялась с каждым новым поколением. Любопытно, как произошла фамилия Чапаев.

После реформы 1861 года бедняки Чапаевы стали наемными рабочими. Дед Василия Ивановича — Степан Гаврилов — работал то на извозе, то в лесу, то на лесосплавах по Волге. Степан, старший в артели мужиков, подрядившихся к лесопромышленнику или купцу, во время работы часто покрикивал, когда поднимали грузы, падали или уплывали бревна по реке: «Чеп! Чапы! Чепай!» — Хватай, цапай, бери, держи!

Отсюда и пошло прозвище деда — Чепа, Чапин, Чапав, Чапай. Это прозвище так и осталось за дедом Степаном, а затем перешло к его детям и стало фамилией рода.

В дни отпуска с фронта. В. И. Чапаев с женой Пелагеей Никаноровной. 1916 год.

Отец Василия Ивановича Чапаева, Иван Степанович, был самым бедным крестьянином в деревне. Деревянная избушка в три окна, где жила его большая семья, была покрыта соломой и тесом. Чапаевы имели небольшое хозяйство и мизерный, ничтожный клочок земли, с которого собирали урожай. Хлеба едва хватало до рождества. Семья Чапаевых всегда бедствовала, жила в страшной нужде. Захудалое хозяйство еще больше приходило в упадок.

Отец ходил на заработки, внаем к помещикам, купцам, лесопромышленникам. Когда не находилась работа в соседнем округе, надо было идти в волжские хлебные губернии. Но и это не давало достаточного заработка. И Чапаевы в 1897 году продают клочок земли, избушку и подаются в поисках лучшей доли в город Балаково.

...В 1913 году Василий Иванович Чапаев вместе с семьей из Балакова переезжает в Мелекесс. Плотничает.

С начала империалистической войны Чапаев призван в армию.

После ранений и контузий старший унтер-офицер В. И. Чапаев 13 марта 1916 года получил кратковременный отпуск.

Бывший чапаевец балаковского полка К. И. Пантилеев вспоминает о приезде Василия Ивановича в Балаково. «Весть об этом быстро облетела весь город. Особенно много говорили о награждении Чапаева несколькими георгиевскими крестами за храбрость и геройство. В этих рассказах вместе с правдой было немало и выдуманного. Поэтому каждому хотелось самому посмотреть на героя и послушать его. В мартовское воскресенье я вместе со своими товарищами зашел в трактир, где за одним столом собралось много народу. В защитной гимнастерке, увешанной крестами и медалями, с браво закрученными усиками и прической под ласточку — Чапаев. Он с увлечением рассказывал что-то собеседникам.

За буфетом стоял улыбающийся хозяин. Видно, был доволен, что его бывший половой стал героем. Хозяин сам подносил к столику, где сидел Чапаев, горячий чай и бутылки с пивом и вином.

А фронтовик рассказывал о самоотверженности и храбрости русских солдат, о тяжелой и опостылевшей окопной жизни: война всем солдатам осточертела, и они не хотят больше класть головы свои ради наживы толстобрюхих богатеев. Хотят они мира, земли и хлеба.

Стоявшие вокруг стола заводские рабочие, пристанские грузчики и приехавшие на базар крестьяне переговаривались:

— Здорово наш Васька режет!

— Видно, окопная жизнь многому его научила.

Цеховой мастер Савин шепчет стоящему рядом с ним рабочему:

— Слышишь, как Василий ловко в политике разбирается, наверное, с большевиками якшается.

Протиснувшись к нам, Коля Малов затараторил:

— Слышите, кому война-то на руку! А зачем нам она?..»

Так начиналась революционная биография легендарного героя гражданской войны.

Время всегда неизбежно накладывает свой лоск на фигуры героев, а воспоминания современников наполняют их жизнью и теплом. И передо мной из рассказов людей, знавших Чапаева, вставал живой облик смелого, умного, талантливого человека.

И в этой жизненной полноте образа еще раз возникало величие народного героя.

ТВОРЦЫ

Всего десять лет назад здесь изготавливали лишь электрооборудование для тепловозов. Однако уже в 1954 году коллектив завода собрал первый турбогенератор с водяным охлаждением мощностью в 12 тысяч киловатт — «ТГВ-12». Машина была сделана по чертежам ленинградских коллег.

А вскоре с маркой завода появились гидрогенераторы — на Каховской, Новосибирской, Кременчугской ГЭС. Кроме того, харьковчане сами сконструировали и изготовили турбогенератор мощностью в 30 тысяч киловатт. Испытания машины показали явные ее преимущества перед «ТГВ-12», и чертежи тридцатки были переданы другим предприятиям для серийного производства.

Восемь лет я не был на этом заводе и недавно снова приехал сюда.

Прежде всего меня повели в цех крупных машин. Станки высотой с двухэтажный дом обслуживают двое-трое рабочих.

— Здесь мы заканчиваем сборку и испытываем серийный турбогенератор мощностью в двести тысяч киловатт,— говорит слесарь-сборщик из бригады коммунистического труда Тимофей Короп.— Но эту машину мы уже считаем старушкой. А вон там, видите, самый высокий статор, это «ТГВ-300» — наша гордость.

Турбогенераторы, которые создаются на «Электротяжмаше», пользуются большим успехом у заказчиков не только в нашей стране, но и в Румынии, Болгарии, Индии, Польше, Китае. Если запускается в производство новая энергомашина, то о ней говорят все и всюду: в цехах, в отделах, в столовых и просто на улицах. Каждый хочет знать, что представляет собой новый турбогенератор, чем он отличается от тех, которые выпускались ранее. Это не пустое любопытство. Рабочие хотят вникнуть в планы конструкторов для того, чтобы как можно четче определить свои задачи. И когда я спросил у главного конструктора Лазаря Яковлевича Станиславского, сколько же на заводе рационализаторов и изобретателей, он даже растерялся:

— Видите ли, у нас их так много, что я затрудняюсь назвать цифру. Считайте так, что каждый рабочий, техник, инженер — настоящий творец. А вот о некоторых предложениях, наиболее интересных и важных, мне хотелось бы упомянуть. Во-первых, именно мы — инициаторы строительства открытых электростанций. То есть таких, где машинный зал располагается под открытым небом. Экономия, сами понимаете, большая. Затем сейчас у нас проектируются гидрогенераторы капсульного типа для Киевской ГЭС. Непонятно? Ну, тогда представьте себе гидрогенератор, который устанавливается на дне реки под колпаком. Ясно теперь? Для упрощения производства и транспортировки будущих огромных турбогенераторов, скажем, мощностью в пятьсот тысяч киловатт, да и в один миллион — есть у нас и такая задумка,— разработан эскизный проект «ТГВ» без корпуса статора. Так вот, это — изобретение нашего конструктора Петра Андреевича Гурова. Это новшество, по предварительным подсчетам, даст государству примерно полмиллиона рублей экономии за год. Как видите, работы у нас много, а энтузиазма и того больше. Ведь машины, которые мы сейчас проектируем, будут работать при коммунизме.

М. НАЧИНКИН

Готов еще один гигант «Электротяжмаша» — якорь машины для слябинга Ждановского металлургического завода.

Телевизионная установка помогает сотрудникам заводской испытательной станции увидеть, как работает ротор турбогенератора.

На снимках:

Слева. Проверить расцентровку рамы сердечника ТГВ-200 не так уж легко: по его стенке приходится забираться на высоту 8 метров.

Молодой инженер Альберт Гизе и опытный конструктор Леонид Угрюмов заняты ответственным делом: они готовят чертежи нового турбогенератора на рецензию главному конструктору.

Ученые Харьковского политехнического института помогают электротяжмашевцам создавать новые турбогенераторы. Поэтому доцента кафедры металловедения и термообработки института Александра Григорьевича Селезнева (в центре) часто можно видеть в цехах завода вместе с конструкторами Николаем Игнатьевичем Романовым (слева) и Петром Андреевичем Гуровым.

Вверху. Аппаратный цех завода первым в Харькове завоевал звание коллектива коммунистического труда. Более опытные здесь всегда помогут новичкам. Вот и сейчас изолировщица Люда Бояркина (справа) пришла посоветоваться со старшей подругой Майей Ратниковой.

Внизу. Так размечают деталь новой энергомашины.

Фото автора.

КОГДА ЦВЕЛИ ТАВОЛГИ

Виктор РЕВУНОВ Повесть Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

I

Под мостом, у песчаной каемки берега, кустятся таволги. Листва, зеленая и серебристая, просвечивается солнцем, от которого прозрачно брызжут зарницы в гуще завьюженных цветами ветвей. Слышно прерывистое гудение пчел и шмелей, они липнут к цветам. Разлита в воздухе медовая пахучая испарина, но чуть лишь засквозит от дороги ветер — загорчит жара пылью полынной.

На мосту сидел, свесив над рекой ноги, мужчина в просторной рубашке и в лыжных брюках. Свиты ветром его волосы, выгоревшие до седого, даже кварцевого какого-то блеска, от которого еще разительнее свежесть утренней синевы в его глазах.

Он с задумчивой радостью глядел на таволги, на золотистую рябь быстрины, то, сощурясь, вглядывался в расплавленную зноем даль.

Давно, с войны, не был здесь Кирилл Поярков; когда-то обошел по багровым на закате бурьянам родные места — подальше от вдовьих слез, от могил: остыть, отдышаться хотел.

Здесь он вырос, отсюда на фронт ушел, по этой дороге топал среди серебристо-голубой, жаворонками звенящей ржи.

Это была давняя его мечта — вернуться в свою деревню.

На мосту остановилась «Волга», сверкая лаком, никелем и стеклами. Сразу же распахнулась дверца, и выпрыгнула черно-рыжей масти овчарка с лосиным в медных бляшках ошейником. Следом вышла девушка в красных плавках, высокая, тонкая, с бледным лицом и длинными черными волосами. Красная кофточка чуть лишь прикрывала обнаженный живот. Ниже — пламенно-красный поясок плавок. Они перекошены на бедрах.

Рина звали девушку. Она знакомая хозяина машины — Дмитрия Козырева. Он хирург, еще молод, лицо косметически чистое и белое, с серыми, чуть подголубленными глазами, волосы ранней осенней желтизны заинелись сединой на висках.

На нем чесучовая с короткими рукавами рубашка, синие узкие брюки и желтые босоножки.

Он приехал на рыбалку на целый месяц в знакомые с детства места.

— Вот и Угра, смотри,— сказал Дмитрий.

Рина, осторожно ступая босыми ногами по настилу, подошла к перекладине. Вода прозрачная, с холодком, сквозившим из-под моста, листья кувшинок у берега, отражено небо с синими проталинами среди белых, как бы снежным светом вспыхнувших облаков.

— Тут когда-то ходили мои предки, и эта река видела их,— сказал Дмитрий.— Бородатые, в шкурах. А под шкурами нежное, как и у нас, тело, но с яростными мускулами для схваток.

— Я искупаюсь,— сказала Рина и посмотрела на Кирилла, который, улыбаясь, шел к ним.

— Кажется, знакомы,— сказал он Дмитрию.

Лицо Дмитрия вдруг порозовело.

— Кого вижу!.. Кого вижу!.. Рина, гляди, друг моего детства — Кирилл Поярков. Вместе за горохом лазили, воевали.

— Это потом,— сказал Кирилл.

— Да, да, мох курили... Двадцать лет прошло. Двадцать лет! Не может быть, не верю. Это же целая жизнь от пеленок до юности с этакими усиками. А будто и не жили. Нет, нет — жили, и крепко. Одного стаканчика из нашей жизни хватит, чтоб иного свалило. А мы ничего, стоим.— И Дмитрий потряс за плечо Кирилла.— Железобетон, черт возьми!

Рина сбежала с моста, пробралась через таволги.

— Как пахнут эти цветы! — крикнула она, прижала таволги к лицу, засмеялась.

— Жена? — спросил Кирилл.

— Пока любовь...

Река замглилась пятнами и засверкала, как ртуть, когда Рина бросилась в воду — поплыла.

— В отпуск еду; на реке, в колене хочу пожить, в траве поваляться,— сказал Дмитрий.

— Я тоже в Невесель. Вернуться решил.

— Постой, постой, а ты как жив остался? Расстреляли тебя, слышал.

— Некуда было девать нашего брата на том свете, не влез, назад вывалился.

— Чудеса-то, значит, бывают?

— Чудес всяких полно. Разве не чудо первый цветок где-нибудь в обочине? Еще снег, а он зажелтел. А летящая в небе звезда, которую человек сотворил? А песня за рекой...

— Согласен, но как же ты все-таки...

— Почему жив?.. Да вот так — жив, да и все!.. А она хорошо плавает. Давай купаться!

Рина легла на спину. Какое небо, как далеки синие проталины в седых паутинках, горит солнце... И вдруг — глухой удар: это Кирилл бросился с моста — поплыл, сильно разгребая перед собой воду.

— Вода чистая, ее пить можно,— сказал он Рине.

— У нас в термосе чай.

— Чепуха! Это вода с солнцем.

Он поднял руки и скрылся под воду, его долго не было. Он наступил на какой-то холодный камень на дне, раскрыл глаза. Вокруг — зеленый свет, а над головой — желтое пятно солнца, рядом — Рина, как тень, вились ее ноги и руки.

Она почувствовала, как он проплыл под ней: тело ее обдало всколыхнувшимся снизу холодом.

Кирилл вынырнул у берега, схватился за корень.

«Пока любовь...»

Раздался гудок машины: Дмитрий звал Кирилла и Рину.

Они пришли мокрые, с блестевшими на ресницах и волосах каплями. Дмитрий набросил на плечи Рины халат.

— Ты вся дрожишь!

II

Они сели в машину. Кирилл — с Дмитрием, Рина — сзади, с овчаркой, которая разлеглась у ног на ковре в красных и зеленых цветах.

За мостом — луга с березами, стекает по их ветвям струистое серебро, а вдали — всклубившиеся орешники с приземлившимся к ним облаком, из которого, преломляясь, вырывается солнечный луч.

— Как тебе нравится тут? — спросил Дмитрий Рину.

— Мне нравится. Очень!

— Великолепие! А воздух какой! Сердце наше — огонек. Когда закопчен воздух, то и этот огонек коптит и тусклы бывают чувства и желания... Но тут великолепно! Рина, видишь, какое там, по краю, небо? Глаза ломит, кажется, в природе света прибавилось. Это потому, что чист воздух. Что там, в нашем колене? Прежде это было прекрасное место. Помнишь, Кирилл: травища, цветы, а из леса земляникой пахнет?

— Там везде хорошо.

— Так ты решил вернуться?

— Да.

— Что так?

— Не знаю. И нет родного окошка, а все кажется, что есть.

— Ты скажи, как у тебя насчет счастья?

— Неважно.

— Оно всегда дорого стоило. Но ты, душа, здорово заплатил за него. Как же так?

— Начну все сначала, буду жить, любя каждый свой день,— вот так и счастлив буду. Надо быть от себя счастливым, брать от себя, что у тебя есть, хоть крупицу, не желая большего. Ты с талантом, а у меня его нет. Нет! Я умею резать сталь, сдвигать землю бульдозером, водить машину, косить и, конечно, пить умею: не падаю с ног. Вот и весь мой пятачок. Из него полтинник не отчеканишь, если что фальшивый какой-нибудь.

Кирилл внезапно отвернулся: прямо перед ним в стекло хлестнула гроздь бузины. Сзади зашумели отпрянувшие ветви. На стекле — оранжевые крапины сока.

— Ты слышал про валютчиков? — сказал Дмитрий.— Последняя новость! Это рассказал мне один знакомый: идет следствие. Миллионеры! Только у одного из них капитал в пять миллионов, представляешь?

— Не представляю. Когда сто рублей в кармане, это я представляю.

Овчарка жадно лизнула ногу Рины: от нее пахло рекой.

«Жарко тебе, милый ты мой пес. Но мы скоро приедем, потерпи, возьми пример с этого мужчины. Ты не жалкий, ты сильный и красивый пес». И она погладила его, когда он сурово покосился на нее.

— Это то, что с поверхности взяли,— эти пять миллионов, а в тайнике припрятано где-нибудь на даче в лесу, под сосной зарыто, под корнями во мраке для будущего, когда после тюрьмы с особым удовольствием испить захочется. Видишь, душа, как счастье понимается. Миллион! Разные совсем колеса, из-за которых, кстати, вся, по-моему, и тряска на земле.

Кирилл положил свою руку на белую и мягкую руку Дмитрия, которой он сжимал баранку.

— Что ж ты думаешь, такой я, что счастье ко мне близко и подойти боялось, и в себе его

ищу, хоть крупицу от себя взять, раз люди не дают? Нет, я был счастлив, знаю, что такое настоящее счастье, а не зарытое где-то под корнями во мраке. Я был счастлив от человека: я любил, и она любила меня, все в ней любил, в ней было мое счастье, и это-то счастье берегла. Берегла до последней минуты, с ним и ушла... Она сказала, что пойдет дней на пять к матери. Захотела побыть у матери. «Не унывай тут»,— и улыбнулась. Она никогда так не улыбалась, как-то замигала, вот так, будто гаснул на ветру огонь. А вскоре и открылась для меня эта ее улыбка. Она, Митя, умерла в больнице после операции на пятый день. Она уходила на операцию, а не к матери. Я помню, как она перешла улицу — я почему-то посмотрел в окно, вот что-то во мне от ее улыбки заныло, — оглянулась, а я и не знал, что сейчас навсегда за угол свернет. На заборе там афиша, какие-то красные буквы. Свернула. Вот и нет ее.

В глубине зеркальца, над ветровым стеклом, где, отражаясь, как бы течет зеленое свечение леса, Дмитрий увидел глаза Рины с живой, в гуще ресниц мерцающей влагой.

«Она была так красива в театре, у нее были точно такие глаза»,— вдруг вспомнил он, как он посмотрел на нее, когда опустился занавес: глаза ее были, как в росе, нежно блестели. Но это от музыки, от лебедей — от всей той чудесной сказки. А почему сейчас у нее такие глаза? Неужели от его рассказа?

«Но красота — моя!» Дмитрий уверенно провел через рытвину машину, так, что ее не качнуло.

III

Проехали мимо старой березы с искривленным и обломившимся стволом. Кора отопрела, промшилась, висит клочьями, а из трещин, куда намело праха, змеятся плауны, и, кажется, где-то тут затаилась тень седого поверья, глядит лесным мраком на дорогу с новеньким перемостком, в следах шин, на которых густо алеют пятна раздавленной черники.

Кирилл вышел из машины. Доехал чуть ли не до деревни.

— Заходи завтра,— сказал Дмитрий.— Посидим с коньячком. А то и сам навещусь. Ты у кого будешь?

— У кого-нибудь буду — найдешь!

Машина свернула в лес, на просеку в розово зноившихся кострах иван-чая.

— А ты знаешь, он был расстрелян, даже могила была,— сказал Дмитрий.

Рина протянула из машины руку, сорвала целую горсть цветов иван-чая. Посыпались лепестки.

— Как же он остался жив?

— Не знаю, не знаю; случайность, удача, а может, и тайна...

— Его за что-то любила женщина. За что? Это всегда интересно. Идет человек, он незаметный, совсем незаметный, но его любят. За что? Что в нем есть такое, что и остановит, за этим пойдешь? Ты заметен, ты, как чудо, на которое можно посмотреть, которое может улыбнуться, обнять, увезти в машине, исполнить любое желание.

— Я рад, Рина, что ты вдруг так сказала обо мне. Я хотел бы быть чудом для тебя.

Впереди, среди колышущегося под ветром луга, прямо из травы блеснуло солнце.

— Река!

Овчарка поднялась и со стоном зевнула, раскрыв влажную, с белыми клыками пасть.

Машина остановилась в высокой траве у самой воды. За травой — узкая полоска песка, а на той стороне — олешники, луг ярко перекипает красными, синими, белыми и голубыми цветами.

— Здесь! Приехали,— сказал Дмитрий и сел в траву, снял рубашку и лег на спину, раскинув руки.

Рина пробежала к берегу по плещущейся теплыми метелками траве. Прокаленный песок был горяч, радужным жемчугом отливают расколотые ракушки. Она сбросила кофту и, прижимая к груди руки, отдаляясь от берега, опускалась все ниже и ниже в воду, чувствуя, как прохладой сжимает тело, и, когда стало трудно дышать, поплыла, легко выбрасывая руки.

Потом она выплыла из воды, прижалась к жгущемуся песку.

— Хорошо!.. Как хорошо!

Дмитрий заплыл на ту сторону, прямо из воды полез в олешники, перевитые хмелем, шиповниками и смородиной. В глубине, где сумрак, дрожат слезинки света по серым ольховым стволам с висящей на них после половодья засохшей тиной, обнажены корни, сочится из-под них родниковая сырость.

«Тут... тут было,— закружило голову тоской, когда вспомнил, как лежал тут жуткой военной ночью. Тогда был страх — теперь стыд за тот страх.— Никто не знает. Один знаю».

Он отпустил ветвь, которая сразу и скрыла то место с искривленным корнем в сумраке.

Вернулся с горстью не созревшей еще смородины. С мокрых плавок текло на длинные мускулистые ноги. Сел в траву.

Вейники мягко щекотали спину.

— Я всегда любил это место. Вон в тех лопухах,— Дмитрий показал на пушившиеся цветами заросли таволги,— стоял когда-то мальчишка с удочкой. Мальчишки нет — сидит мужчина. Тот мальчишка и мужчина — это все одна жизнь. А зарубок на ней и пометок, как на аршине у прежнего плотника!

Рина прижалась щекой к скрещенным на песке рукам. Река на повороте выпукло вспыхивала, стрекотали в тлеющем зное кузнечики. Закрыла глаза: так было хорошо полежать после дороги в прохладе.

Рина заснула. Дмитрий кофтой укрыл от солнца ее голову. Между лопаток прилипла к смуглисто-гладкой коже травинка.

«Тишина-то какая!» С бьющимся сердцем глядел он на Рину. В ней дышала жизнь — его счастье.

«Нет, не только от себя, а и от всех красот мира не вспыхнешь без этой вот искорки».

Тихо отошел. Достал из багажника маленький с железным обушком топор: надо было ставить палатку. Для кольев выбрал орешину на краю леса, за лугом. От удара орешина вздрогнула, обнажился из-под коры ствол, завлажнел от сока. Орешина была усыпана орехами в восковистых сотах, в листьях разлито солнце, дрожат янтарные блики и искорки на коре. Дмитрий отошел от орешины. Он хотел поискать засохшее какое-нибудь деревце. Заслышал голоса. По тому берегу шли женщины с граблями и вилами. Увидели Рину.

— Гляди, бабы, свистуха какая-то себя показывает!

Женщины остановились. Они были в белых косынках, приспущенных на брови, лица как просмолены загаром. Одна из женщин — невысокого роста, с блестяще-зелеными дерзкими глазами.

«Дарья!.. Это же Дарья»,— узнал ее Дмитрий.

— Как зовут тебя, бедовая? — спросил он.

— А тебе что, для протокола надо? — ответила она и засмеялась.

— А я по глазам имена угадываю.

— Видать, что чародей! Ишь, какую зачаровал, и не ворохнется!

— А может, и чародей, Дарья! — назвал он ее.

IV

Он не ошибся: это была Дарья Жуланова, жена Павла Жуланова, у которого в это время был Кирилл.

Они сидели за столом. Хозяин был старше Кирилла года на четыре, запустил усы, так что и не виден был уродливый шрам на губе — след осколка, хотя усы старили его лицо с черными живыми и печальными иногда глазами. Посивевшие волосы расчесаны на пробор с витком чуба на лбу. Военная рубашка обвисла на покатых плечах.

Кирилл сидел на табурете возле окна, за которым огород залопушен листьями огурцов в желтых цветах, яблоня у плетня. За плетнем — дорога, луг в белых ромашках с клеверами и донником, вьется тропка к Угре.

Милое детство так, кажется, близко, голос матери чудится в вечных звуках деревенского предвечерья... Вдруг войдет...

«Сынок». — И, как от золотых тех дней, блестят, блестят слезы в глазах Кирилла.

На столе бутылка с горькой, веселит и печалит.

— Ты ешь, вино принимай. А гостить у меня будешь. У меня тихо: я, жена да малышка, — плохо тебе не будет. К тому же и снасть всякая рыбацкая есть. Рыбу половишь.

— Я, Павел, насовсем сюда приехал, конечно, если приживусь. Корни здесь свои совсем почти оборвал.

— Была бы земля, а земли полно, и родная она тебе — прорастешь. Женщины хорошие есть, молодые. Специальность у тебя какая?

— Последнее время шофером на стройке работал.

— Это только у нас скажи, что шофер, — и баранку в руки... Жил и письмишка не написал. Ведь дружили.

— Не забыл, к тебе вот приехал.

Павел налил вина и с ласковой задумчивостью посмотрел на Кирилла.

— Выпьем, друг. Немного нас осталось: ты, я и Дмитрий. Так до деревни и не доехал Митя.

— Не до деревни ему: любовь!

— Любовь... Ты помнишь Алешу-гармониста? Как он играл! Золотые пальцы, на всю округу сверкал. Женился, любил жену, так любил, что себя забыл перед ее красотой, не для него будто ее красота, будто рядом с ним она с какой-то своей мечтой живет. «У каждого есть мечта. А я не могу, — говорит, — быть твоей мечтой, не верю, чтоб я твоей мечтой был». Эту мечту ее хотел разгадать, всю его душу только она и держала, и до того заплела, заглушила, что голову никак не вскинет по сей день.

— Что ж не пожалеет?

— Любила — пожалела бы.

— Сложно тут все, Паша. Может, и выдумал себе ее, мечту.

— А по-моему, не хватает тут обыкновенной бабьей ласки, ладошки ее теплой на неспокойную голову его, и мечты никакой нет, а просто ладошка холодновата, не греет. Осеннему солнышку июльского жарку не поддашь.

— Прости, развезло. Признаться, и спать хочу.

— Это потому, что воздухом закусывал. Хоть он и воздух, а тоже требует опоры под грудной клеткой.

— Ничего, для опоры ремень есть.

— Раз ты любитель воздуха, то пошли — свеженький продувает, прямо с поля откупоривает.

Павел проводил Кирилла на сеновал. Сена было немного: еще только начинали косить. Ворох клевера в углу сухо тлел, курчавился донник с белым лепестком, переплела его чина луговая, трепетно бьются перед пламенеющей от заката щелью золотистые ее сережки; тут и вейники, и душица, и зверобой, и ромашки, и овсюг, и ятрышник, и мята, и даже веточка смородины с загоревшей корой — перевенчала цветы и травы коса.

— По душе тут или нет? — спросил Павел.

— Хорошо, Паша.

— Хорошо! Разве ты скажешь, когда плохо?

— Хорошего-то всегда больше. Если бы не было больше, то все и пропало бы, в низость пришло, а раз не пропало, то и верить можно: как ни плохо, а хорошее перетянет.

— На это я перед тобой один вопрос поставлю. Не сейчас, еще будет время, даже интересно, что ты мне скажешь. А сейчас отдыхай.

Кирилл лег на разостланное одеяло и едва лишь заснул, как сразу увидел слепяще-солнечный свет и Рину. Она шла по воде с мокрыми, перехлестнувшими лицо волосами, сквозь которые прямо на него дьявольски красиво блестели ее глаза, и когда Кирилл внезапно проснулся, он еще видел эти глаза.

Он привстал, прижался спиною к стене. В щели над дверью зеленовато прорезывалась звездочка.

V

Выполосканы травы в росе, сотами пахнет от таволг, согретых ночной теплынью реки, лаком отливает вода в мглисто-черной тени кустов, то вдруг розово всполыхнет отсветом далекой грозы.

Рина плохо спала в эту ночь: будоражили запахи, и шум леса, и скрипение ольх. Рядом в кусту с дымящимся в гуще листьев туманом что-то вспархивало и осторожно щелкало. Что там? Рина долго ждала и вглядывалась в тот куст, темный с одной стороны, а с другой — в мерцающей глазури росы. Раздался необыкновенной красоты печальный свист, от которого как будто бы светом дрогнула ночь. Соловей! Отцвела его песня с первым покосом, и напрасно ждала Рина: теперь до новой весны — со сладкой каплей на березовом листе встрепенется его песня.

Но как ни плохо спала Рина, ей было хорошо: оживало в ней радостное ощущение счастья.

Она приподнялась на локтях и через раскрытое окно машины посмотрела на Дмитрия. Он спал рядом в палатке с распахнутым пологом, упиваясь свежестью, жадно дышал, казалось, дышало все его тело — сильное, белое.

«Люблю ли я его? Возможно, любовь — это что-то другое? Но нам хорошо сейчас, а это главное, что хорошо сейчас. Можно и обольстить себя мечтами, но так бывает, что побежишь от ягод в поманившую вдруг траву, где нет никаких ягод», — как-то между прочим подумала она, увлеченно перед зеркалом прикалывая сережки. Приколола. Пылали они изпод черных волос свежими, как в осень, рябиновыми гроздками.

Вышла из машины. Было рано, но из наступившего дня с его солнцем она хотела взять все до крупицы. Вчерашнее жаркое цветение луга погасло под росой, было сыро и тускло вокруг. На том берегу вдали чернел лес, и похоже, что это горы, до которых туманно разлилась река. Там уже зрела заря в розовом мареве.

Она спустилась на песок и села у самой воды. На реке дымился туман розовыми, красными, шафранными от зари клубами, среди которых какой-то призрачной тенью поднялся человек и медленно поплыл — взмахнул зажатым в руке тонким лучом, и что-то, длинно блеснув, пронзило туман. А через минуту тень быстро схватила этот блеск и снова метнула его.

Рина встала с песка. Что это? Она сильно крикнула: позвала Дмитрия. Тот вышел из палатки, потягиваясь.

— Ты посмотри! — сказала она.

Дмитрий посмотрел в туман, тень широко взмахивала руками и, казалось, ликовала среди клубившегося огня.

— Да, картина величественная! — сказал Дмитрий. — А по существу, обыкновенное преломление тумана, мираж.

Тень грозно стукнула, от звука упала капля с куста и расколола затонувшее в реке рубиново-блестящее ядро зари — рассыпалась по воде огненная зыбь.

Тень надвинулась на эту зыбь и сразу пропала. В лодке стоял Кирилл. От его рубашки курился пар.

Он взмахнул спиннингом — блесна с тонким звоном, упруго прорвала воду. Вода выпукло качнулась, пошла кругами, заколыхались камыши с зашуршавшими в них стрекозами.

— Вот и весь мираж. Ты узнаешь его? — спросил Дмитрий.

— Он непохож, сегодня какой-то другой.

Кирилл, отгребаясь бухавшим об лодку шестом, подплыл к берегу. Вот и она веселыми, влажно блестевшими в гуще ресниц глазами встретила его... и точно такая же радость, как это было во сне, охватила его.

— Как улов? — спросил Дмитрий.

Кирилл поднял со дна лодки щук на кольце. Бросил их в траву.

— Что вижу! Это же чудо! Я думал, тут уж и пескарей не осталось, всех на сковородке исследовали во имя науки. А оказывается, трепещет жизнь.

Кирилл, смеясь, снял намокшую рубашку.

— Еще одна такая ушла: в последний момент, видимо, решила, что в чугунке ей места не будет.

— Это ты сам виноват, надо было заранее оповестить, что чугунок у нас просторный, с удобствами — и отопление, и горячая вода, и прекрасный вид на реку. Клюй, пока не поздно, а то как под Москвой перелицуют все леса на заборы и курятники, боюсь, и тут начнут кроить эту нашу родиминку с колокольчиками.

Щуки лежали в траве, и какая-то усмешка кривилась в разрезе их пастей. Рядом — спиннинг с блесной. Блесна — обыкновенная, сплющенная и обточенная с краев солдатская пряжка. В дырке — тройник с красным лоскутком.

«Просто, что сразу и видно: очень уж просто, так, кажется, и не обманывает, — подумал Дмитрий. — Тут-то вся и хитрость, пожалуй, расчет не по штампу, которым уже предостаточно проучили рыбешку».

Подбежала к щукам овчарка и легла рядом покараулить, покосилась на Кирилла и вдруг навострила уши, когда он посмотрел на Рину, как она по-вчерашнему в красных плавках пошла к воде.

Дмитрий, забравшись в реку, намыливал лицо, шею и руки.

— Красотища! А главное, не видать нигде загорающего с массовой песней человечества... Уха будет, Кирилл, а то я зубы начищаю?

Кирилл скоблил за кустом щук.

— Павел обещал прийти.

— Павел придет! Да не может быть!..

Павел пришел после косьбы: на лугу с трех часов — еще и зорька не мрела, как взял косу. В плечах ломит, парко под пиджаком, виснет карман от лука для ухи. В одной руке — чугунок, там соль, пшенца стакан, в другой — буханка хлеба. Взглянул Павел: в кустах машина, ковер на траве, на ковре бутылка с серебряным горлышком, яблоки. На реке смех, ликующий лай овчарки, которая, играя, бросалась на девушку, брызги и слитки воды, сверкая, разбивались вокруг.

— А ну, покажись, погляжу на тебя! — сказал Дмитрий, оглядывая Павла, который снял пиджак и обгладил рукава белой косоворотки с перламутром пуговиц, как на гармони.— Невероятно все-таки, что это мы: все отлетело, растаяло — белозубая молодость, провожания и первый поцелуй, как удар тока. Вот она, жизнь: пришел срок — и отдай, как казенное.

— Хорошо еще, что казенное — отдавать надо, а то такая бы лотерея была: кому — молодость со всей оснасткой, а кому — части от какого-нибудь деда.

Кирилл топором рубил хворост для костра. Распрямился и сказал:

— Молодость тогда старались бы заслужить, в виде награды ее выдавали бы.

— Дыши во все ноздри, чтоб кровь не ржавела, и без всяких там подач: своего заряда на всю жизнь хватит.

— Великолепно, Паша! — со смехом воскликнул Дмитрий, даже прослезился, достал платок.— Нет, так где-нибудь не скажут, чувствуется наша, смоленская ядренинка, черт возьми!

VI

В тени ольхового куста в траве — чугунок с ухой, горка рыбы на лопушином листе, хлеб и бутылка с коньяком. Пахуче дымится уха из прокопченного и каленного на кострах верного чугунка.

— Удачно это у тебя вышло, Кирилл: таких ведьм выхватил,— сказал Павел и не спеша отхлебнул из ложки.

— Мне кажется, одну я просто блесной убил, промеж глаз ударил, когда она зевала.

Смеется и Рина. Ей хорошо среди этих здоровых, молодых и веселых мужчин, и она чувствует, что многое говорится для нее. Она в легком ситцевом платье с желтыми подсолнухами, кажется, свет в них бьется, и они прохладны. Да что не покажется от ее глаз и от ее улыбки?.. Кирилл — напротив нее.

Дмитрий еще подлил вина в стаканы.

— Стой, Митя,— остановил его Павел,— а то забушуем. Вино это, дьявол его возьми, похитрее нашего простака самогона. Наш хоть с незамаскированной дурью, как есть, в живом виде, а эта дурь подзолоченная, чтоб стоять на столе повыше, чтоб уважал эту дурь не только забулдыга какой-нибудь, а и ученый, допустим. Возьми умного и дурака возьми. Думаете, дурак глупее? Нет, он дурак потому, что ему на позолоту не повезло. А повезет, так и умный перед ним дураком станет, даже в глазах собственной жены ты дурак непутевый, и терпит она тебя только за то, что есть над кем поторжествовать, это уж шоколаду женщине не надо, а дай ей поторжествовать над мужем со скалкой в руке; у двери ждет, одно спасение — окно, прыгай и беги. Главное в этом отступлении — через плетень перескочить, не зацепиться. А зацепился — будет из твоего пиджака пыли выбито, что после и в химчистку не надо ходить. Тут уж не орлиные какие-нибудь мечты, тут жареному петуху на сковородке позавидуешь в таком положении... Что ж, поделюсь опытом, даже некоторые секреты раскрою. Я на всякий случай ход в плетне имел, за лопушком скрытый. Бегу — и прямо в этот самый ход, как пуля. Пока жена глянет — мой и след простыл.

Но разве женщин проведешь, тем более мою жену! Вы только скажите, по какой части у женщины таланта нету? По всем статьям талант: и по сыскному делу спец, и по экономическим вопросам, и по внутренним делам, а про внешние и говорить не приходится: тронь щепку кто — война, насмерть стоять будет, все кастрюли из принципа перебьет, а не отступит. При такой обширной деятельности иногда выходной ей выпадает на любовь со стиркой. Не говорю уже, что ее с мужчиной сравняли во всех правах, так что и мешки с ним вместе таскает и на работу прямо от печки бежит грудь в грудь. Придет домой, ляжет — только пожалеть ее хочешь, а ей уж красивые картинки снятся.

Вот и обнаружил мой министр, куда это я от нее во время отступления исчезаю. Решила, постановила. Забила мой ход. Случилось мне от ее горячей руки бежать. Бегу и со всей радостью вперед головой в знакомое место за лопушком. Пробил, конечно, ее работу и как в вершу попал. Голова — там, а остальное туловище со всеми тылами — здесь. По тылам жена лупит, а голову куры клюют. Подойдет стервец-петух: не так, мол, клюете, курочки, не так, глядите, как надо, да как стукнет в макушку, цель, значит, даст им, а они и пошли молотить. Ругаюсь на них, даже иногда известные слова срываются. А жена думает, что это я на нее. «Ах, ты, окаянный, ты еще критиковать меня такими словами!»

«Что,— кричу,— слова сказать нельзя?»

А куры под руководством петуха, чую, плешивого решили из меня сделать.

Но самое обидное — верный мой пес стоит и ухмыляется. «Вот как жениться. То ли у меня жизнь, которую в известном смысле презирают: побегаю, погоняю по деревне своих длиннохвосток для продолжения потомства — и в конуру спать. И сам здоров, нервы никто тебе не дергает, и потомство растет, развится».

«Что ж ты, черт рыжий, глядишь? — кричу.— Хоть на кур гавкни. Хозяин тебя кормит, кости тебе дает, а ты его на растерзание оставляешь!»

Нос к небу поднял, на ястреба глядит: я в семейную жизнь не вмешиваюсь, это — ваше дело. Нейтралитет, а у самого хвост так и ходит: это, мол, и хозяйка поймет, что не вмешивался, таким маневром ей помогал, а вместо твоей обглоданной кости она еще мне с мясцом кость бросит. Так-то вот, сам понимать должен, что мы власти служим.

Дмитрий смеялся, держась за сердце.

— Нет, ты, Павел, перестань: умру, ей-богу, и ухи не попробую.

Рина улыбалась, а Кирилл и смеялся и глядел на друга с восторгом: вот врет, это же надо так уметь врать!

— Ты просто герой, Паша: в таком положении еще успел в собачьей политике разобраться.

— Когда бить начнут, тут сразу разберешься, что почем стоит...

Громче всех засмеялась Рина, смех звонко взорвался в ней.

— Что, это все правда?

Павел загородился рукой от солнца и посмотрел на нее.

VII

— Помнишь, Кирилл, вчера ты сказал: живи и верь, как ни плохо бывает, а хорошее перетянет, потому что хорошего-то больше,— сказал Павел.

— Да, говорил так.

Дмитрий открывает вторую бутылку, зажав ее между колен, выхватывает пробку.

Рина лежит в траве, уткнувшись подбородком в руки. Пьянят и вино, и воздух, и звон в лугах. Прямо перед ней, в гуще травы, вспыхивают и гаснут молнии солнца. Что это за кустик с корявыми стеблями, по которым вспушились похожие на васильки цветы? Лепестки почти прозрачны, с голубым светом. Откуда этот свет? Почему он голубой в этих лепестках, а вон в тех гвоздиках розовый?.. Она слышит голос Павла:

— Пусть хорошее перетянет... Да хорошо-то всем не будет все равно. Значит, кто-то верить и ждать будет хорошее для себя, даже что-нибудь такое делать начнет — подтягивать хорошее. Так что хорошее всегда есть, только не для всех. Вот что ты мне на это ответишь?

Через кустик с цветами Рина глядит на Кирилла. Он давно снял рубашку, тело у него по-юношески стройное, цвета каленого ореха. Он чокнулся и с Дмитрием и с Павлом, но не выпил, поставил свой стакан в траву, и видно, как в вине словно бы кристалл сверкает.

— Я так думаю: как перетянет хорошее, то и будет хорошо всем. Конечно, нужно и время, и терпение, даже жертвовать жизнью, чтоб не отдать, что уже есть. Немцы перед войной отдали хорошее, поверили в ложь, ко лжи пошли, и это дорого стоило людям. Но хорошего в мире было больше, и оно все-таки перетянуло.

Рина глядит на Кирилла.

«Зачем, для чего они все это говорят? Кругом так хорошо. Надо только радоваться, пока хорошо». И она пригибает к лицу кустик с цветами. Как они пахнут! Ноздри ее чуть-чуть расширились. Они пахнут ветром, эти цветы.

«Глаза у нее черные, но светлые, тут-то самая и красота, секрет, вот оно что, они у нее светлые»,— заметил Кирилл.

— А ты что, Кирилл, на электронной машине подсчитывал, чего больше: хорошего или плохого? — сказал Дмитрий сдержанно, но с вызовом.

— Хорошего всегда было больше; если б не было больше, то и человека не было бы, захирел бы он, зачертополошился. Как свет тянет деревья в рост, так и человека тянуло хорошее. Оглянись — сколько красоты он оставил, это его следы к хорошему, которое пробивалось сквозь кровь, и войны, и тюрьмы. Крепостные стены не могли сдержать, доты, сталь с огнем, смерть. Что там ни говори, как ни дурмань ложью, а люди идут к счастью на всей земле. И они придут, потому что хорошего с нами стало еще больше.

Никто не ожидал, что Кирилл скажет с таким пылом. Он побледнел, и что-то словно дрожало в нем.

«А взрывучий ты мужик, оказывается!» Теперь уже Павел с восторгом глядел на друга.

Дмитрий не то чтоб не согласился с Кирил-

лом, нет, он даже хотел поднять стакан, с возгласом выпить всем за хорошее, но стакана не поднял и после сильно жалел, что не сделал этого.

— Человека без конца учат, как понимать жизнь, как жить, в чем смысл жизни. Учили мудро философы, поэты пытались возбудить нежные чувства, учила религия — все пытались объяснить зло и найти секрет счастья. Устрашали под звон колоколов адом с чертями за грехи, за отступление от заповедей. Не убий, гласит одна из заповедей... Не убий... не убий... А взгляни — вся история, все ее страницы запятнаны и залиты кровью, и чем дальше, тем больше убивали. В последнюю войну было загублено и изуродовано шестьдесят миллионов. Шестьдесят миллионов! Куда там какие-то варвары, они просто птенцы перед современным солдатом в своем боевом оперении. В его руках бомба, которой можно всю планету на распыл пустить. А раз так, то и бери от жизни, все равно от нее ничего не останется, один только пепел с дождиком. Ведь она, чертова бомба, всех, целым государством вверх поднимет, а назад уже в переработанном виде выдаст пыль там всякую, лоскутья...

— Бери от жизни! Митя, Митя! А кто работать будет, чтоб было от чего брать? — сказал Кирилл.— Брать удобно, когда другие работают: ты берешь, а другие работают, восполняют взятое и заботятся, чтоб все было — и ракеты для обороны, и хлеб, и ботинки, и платки носовые. Не откуда-то с неба берешь, а от человека. Я тебе случай расскажу. Конечно, всего не передашь, надо, чтоб самого до слезы пробило, иногда через слезу яснее видать, даже сверкнет вдруг все перед тобой от слезы... Вошел он в наш вагон. Как сказать — кто? Маленький мужичонка в стеганке, в резиновых сапогах. Пусть не обидится, что так я назову его. Положил он пилу свою под лавку и сел, только чуть-чуть места ему было, могло быть и больше, если бы другие потеснились или сам бы он попросил. То подремлет, опустив голову на колени, то закурит, и сидеть-то ему неудобно, но даже и не замечает, словно бы и привык к тому, что есть, тем и доволен, хоть краешек этот имеет. Через три станции сошел. Поглядел я в окно случайно. Вижу, бегут к нему двое мальчат, одному — года четыре, другому — пять или шесть, головенки, как одуванчики. Восторгу-то: папаню встретили. Старший за ногу его обнимает, другой — по руке лезет. «Папаня, папаня приехал!» — кричат. Для всех он так, мужичонка обыкновенный, а для них — папаня, вся их радость в нем, их это папаня. Взял он их на руки, пила под мышкой — пошел.

Видели бы вы, как эти мальчата на наш вагон посмотрели! «Вот какой у нас папаня!» И за шею его обнимают, целуют, чтоб видели все, какой у них папаня, как они жалеют его... Что ж, Митя, от них, что ли, брать?

— Вывел на чистую воду меня, злодея, вывел. Я сказал в компании, среди друзей, чего не скажешь в компании, а ты уж карандашом подчеркнул и нервно так. Нервный ты, Кирилл. Купайся по утрам и перед сном непременно. Вино исключено, и брось курить, как врач тебе говорю, брось: вино и никотин угнетают, вот и взрывы, мятежи душевные. Пусть что-то ты и доказал, согласен. Но что от этого изменилось? Как сидели мы у чугунка, так и сидим; как колдуют физики с атомом на нашу голову, так и будут колдовать. Что изменилось?

Но почему-то Рина поднялась и пошла к реке, села на берегу, обхватив колени.

Улыбка на лице Дмитрия вдруг пропала, лицо его словно обнажилось, было красным и раздраженным.

— Видишь, и ей настроение испортили. Мировые проблемы решаем, а сами возле ухи не усиделись. Но ничего, люди свои, как свои и поговорили, бывает. А все-таки я тебе скажу, Кирилл: я ничего ни от кого не брал, мне все моя работа дала, вот эти руки, которыми отвел не одну смерть. А взял я только то, на что имел право. У тебя дом был, мать. А у меня ничего и никого не было. Что-то я должен был взять. Я в прелых лаптях подпаском ходил, ты знаешь, и жил по чужим дворам. Единственный двор, где хорошо мне было, был ваш двор. Ты про мужичонку рассказал, а я тебе о твоей матери расскажу, как она как-то раз будила меня. Не спал я, с закрытыми только глазами лежал. Подошла она, затихла, стоит, чую, жалко ей будить меня. Чуть свет, дождь холодный. «Митенька, милый, вставать тебе надо... Вставать тебе надо». Все еще спят, и это только мне вставать надо, и словно бы она в том виновата, что будит меня. «Митенька, милый» — вот это любовь, только два словца, а какой я тогда радостью залился в то утро! «Митенька, милый» — по сей день слова ее помню. А ты, Кирилл, не в мать: резковат. И поэтому многое теряешь.

— Я богат и счастлив жизнью, Митя. А ее только раз теряют.

Кирилл встал и пошел за спиннингом, который лежал возле машины.

Встал и Павел.

— Пожалуй, и пора. Спасибо за хлеб-соль. Посидели, поговорили, ничего, что со спором. Заходи в гости, Митя, рады будем. Что надо будет, заходи. А то и на покос загляни. Покосишь для зарядки.

— На покос с удовольствием. Косы, каша с дымом, сеном пахнет. Где косите?

— У могилы Фомина. Политрук, расстрелян был в сорок первом, какой-то гад выдал, говорят.

— У могилы Фомина?.. Политрук?

— Да. Так мы уж это место называем. Тут недалеко, прямо за дорогой.

Павел попрощался и пошел вдоль берега, высматривая, где бы попить. Кирилл протянул Дмитрию руку.

— Будет серчать...

Дмитрий оттолкнул его руку и сказал в упор:

— Слушай, ты, богатый и счастливый жизнью, был только один шанс у тебя на эту жизнь. Ты это сделал?

— Что сделал?

— Знаешь, подлец!.. Фомина ты выдал?

Окончание следует.

ПОЕЗДКА В МОНАКО

Игорь КОБЗЕВ

Морское дно

В Монте-Карло попав,
как правило,
Выбирают из двух одно:
Кто — в музей океанографии,
Кто торопится в казино...

Я пошел бродить по музею,
Где стеклянная тишина,
Где подолгу стоят, глазея
На чудовищ морского дна.

Из каких пучин, из подспуда,
Извлечен этот скользкий скат,
Эти змеи — щупальца спрутов,
Этот рыбий, бесплотный взгляд?!

Жилы стынут от этой мрази.
Ухожу скорей в казино.
А в глазах, как склад безобразия,
Шевелится морское дно...

...В казино, углубившись в дело,
Будто это серьезный труд,
Пожилые миллионеры
Молча выигрыши гребут.

В голубых париках старухи
Прихоть случая сторожат,
И холеные, в перстнях руки
На зеленом сукне дрожат...

И, наверно, я что-то спутал,
Потому что увидел вдруг
Те же щупальца черных спрутов
Вместо белых, холеных рук.

Я увидел с собою рядом
Все, что прятала глубина:
Лица с рыбьим, холодным
взглядом,
Мерзких тварей морского дна,

Неулыбчивых, скользких слизней,
Что живут без чувств, без мечты,
Отгороженные от жизни
Километрами темноты.

«Парк самоубийц»

Сколько в мире всяческих
маньяков,
Разных изуверов и тупиц!
Существует княжество Монако,
Есть в Монако «Парк самоубийц».

За рулеткой ночь сидят, играют...
А наутро (так заведено)
Со скамеек в парке соскребают
Кровь людей, казненных казино.

Если кто продулся до сантима,
Принц готов обратный дать билет.
Но уж раз судьба неумолима,
Здесь предпочитают пистолет!

В парке пальмы в ласковом узоре,
Все кругом красивое на вид.
Только не на море, а на горе
Это злое княжество стоит.

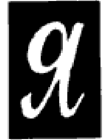
Кто-то в море нежится на яхте,
Даль небес лазурна и чиста.
Как же в мире на такой неправде
Держится такая красота?!

Девушки цветы везут из Ниццы.
Апельсином пахнут ветерки.
На песке лежат самоубийцы.
Порохом обкурены курки.

Право на уважение

Вл. НЕМЦОВ

Заметки писателя

Я хочу поговорить о мужском благородстве. Возможно, кое-кому из читателей такой разговор покажется не совсем правомерным. Почему именно о мужском благородстве? Разве это не касается женщин? И если говорить всерьез, то в нравственных принципах строителя коммунизма нет никакого разграничения между мужчиной и женщиной. А из этого следует, что родители отвечают за воспитание детей в равной мере, и нечего постоянно подчеркивать особую роль матери.

Но по разным причинам в жизни так не получается. Самой природой, особенностями характера, душевной теплотой женщина призвана быть воспитательницей, и не только детей, но и взрослых. Вспоминаются слова Алексея Максимовича Горького, высказанные им в одном из писем: «Женщина — мать миру. Не потому только мать, что родит детей ему, а потому — главное — что воспитывает человека, давая ему лучшие радости жизни».

Как бы хотелось, чтобы эта мысль запомнилась каждому юноше! С самого детства нужно воспитывать в нем мужское благородство, признательность к матери, которая ему дала жизнь, и почтительное уважение ко всем женщинам, на чью долю выпала великая миссия воспитывать человека.

Конечно, мы хотим, чтобы все дети обладали лучшими человеческими качествами: трудолюбием, честностью, добротой. И девочка должна быть мужественной, смелой, выносливой. Но мне думается, что мать, от которой во многом зависит, какими растут ее дети, должна всегда помнить, что в мальчике с самых ранних лет надо воспитывать именно то самое мужское благородство, которое характерно для настоящих людей нашего советского общества.

Нет необходимости уточнять понятие о благородстве вообще. Наша жизнь ежедневно об этом напоминает. Благородство подвига, благородный поступок, самопожертвование во имя долга... Можно говорить о благородном труде врача, воспитателя или, например, о сдержанной, благородной манере творчества художника.

Но этим отличаются и женщины, а сейчас речь идет только о мужском благородстве. В это определение настойчиво вмешивается слово «джентльмен».

Слово это пришло к нам в основном из литературы, было когда-то распространенным в быту, и мы вкладывали в него понятие честного, воспитанного человека, абсолютно не связывая это с моральным и внешним обликом английского аристократа. В современном советском словаре (под редакцией Ушакова) «джентльмен» определяется так: «Человек, отличающийся благородством, порядочностью и великодушием (в духе буржуазно-аристократической морали)».

Вряд ли это слово, столь широко распространенное на Западе, нам подойдет. Слишком много наслаивается неприятных воспоминаний. Американские джентльмены истязали кореянок, галантные французские офицеры зверски пытали алжирских патриоток. С точки зрения буржуазной морали, джентльменами могут быть и те, кто отравляет молодежь проповедями насилий и убийств, порнографической литературой и фильмами...

Нет, пожалуй, в наше время слово «джентльмен» звучит несколько иронически. Оно расценивается нами скорее всего, как показная вежливость.

Нам нужно другое, точное и емкое слово, определяющее характер настоящего советского человека, того, кто следует нравственным принципам строителя коммунизма. Людей таких миллионы, они отличаются и благородством, и порядочностью, и великодушием, а названия для них мы не подобрали. Пробовали разные определения: «хороший человек», «порядочный». В литературных кругах бытует термин «положительный герой». Но все это абсолютно не то. Мало для нашего современника.

«Снежный человек», как говорят, оказался мифом, но для него придумали уже много названий. А тут все гораздо сложнее, потому что подлинный герой современности ходит среди нас, мы его встречаем ежедневно. Он тот, каким бы мы хотели видеть наших сыновей и внуков, которые будут жить при коммунизме.

То, чего не заметили родители

Говоря о воспитании будущего мужчины, мне кажется, что прежде всего надо развивать в нем стремление к самостоятельности. Он должен гордиться началом своей трудовой жизни.

Я как-то встретился с молодым парнем, который по призыву комсомола поехал на большое строительство. И вот в чем он признался:

— С шестнадцати лет я такой рослый. Спорт уважаю, гирьками балуюсь. Волгу переплывал не раз. Бриться уже давно начал. Девчата меня за солидного мужика считали. А я, знаете, когда почувствовал, что мужчиной стал? Верите или нет? Только после первой получки, когда матери деньги послал. Такая у меня появилась радость, гордым ходил.

На этом примере мы видим и чувство ответственности перед обществом, родителями, мужскую гордость, радость содеянного, что является одним из признаков подлинной душевной красоты.

А если родители воспитывали ребенка иначе и труд в семье не считался для него обязательным, причем поощрялись наклонности, отнюдь не украшающие человека, тогда что?

Как известно, дети преступниками не рождаются. Они могут ими стать под влиянием семьи, дурной компании, при неразумном воспитании. Также не рождаются они и слизняками. Здесь уже целиком повинна семья. К сожалению, порой родители не понимают, что воспитать послушного, трудолюбивого мальчика с элементарными понятиями о честности — это далеко не все. Он может быть ласков с родителями (иногда до тех пор, пока от них зависит), никогда не скажет грубого слова, избегает общения с уличными, озорными мальчишками, из школы приносит только четверки и пятерки, аккуратно следит за одеждой, не позволит себе шлепать по лужам. Мама радуется, умиляется, глядя на сына. «Смотрите,— говорит она друзьям.— Мальчику семнадцатый год, а он почти, как девочка. Тихий, застенчивый...» Лицо мальчика покрывается стыдливым румянцем, и он смущенно опускает длинные ресницы.

Проходят годы, ласковый мальчик успешно заканчивает институт. Остается в городе, на хорошо оплачиваемой работе (в способностях ему нельзя было отказать). Женится на студентке, потом приглянулась другая девушка. Видимо, покорил ее своей вкрадчивой ласковостью. Решил развестись. Суд удовлетворил обоюдное желание супругов.

И сразу же после этого начинается новый судебный процесс о разделе имущества. Бывший любящий супруг возбудил дело... о возвращении ему двух шерстяных отрезов. Правда, за собой он оставил «Москвич», холодильник, телевизор. Но он не позволит, чтобы у бывшей любимой оставалось его кровное имущество.

Я случайно оказался в зале суда и был крайне изумлен. Честное слово, всякое в жизни можно простить. Ошибки, заблуждения, обиды, которые этот человек вольно или невольно принес близкой женщине. Но будь мужчиной, вспомни, что существует на свете так называемое мужское благородство. К чему столь оскорбительное для всех нас мерзкое крохоборство?

Перед судом в полупустом зале стоял элегантно одетый двадцатисемилетний мужчина. Опустив пушистые ресницы, он нудно и вяло доказывал, что отрезы на дамский костюм и пальто покупал в комиссионном магазине. В подтверждение этого он вынимал копии чеков и просил суд приобщить их к делу.

И тут же неподалеку, на краешке скамьи, сжалась в комочек маленькая, худенькая женщина. Мне подумалось, что она переживает сейчас самое страшное. Все осталось далеко позади — и оскорбленная любовь, ложь, измена. Она смирилась с трудностями новой жизни — ушла жить к сестре. Ничего ей не нужно, лишь бы поскорее освободиться от всего, что было связано с этим, когда-то любимым человеком. А сейчас она ничего не понимает. О чем он говорит? Потрясает бумажками, доказывает, что отрезы не подарки, а куплены на всякий случай, про черный день... Какое ей теперь до этого дело?

Женщина вскакивает со скамьи и торопливо бежит к выходу. Провожая ее глазами, моя случайная соседка вполголоса говорит своей подруге:

— Да где же у него мужское достоинство?

— Слизняк, да еще подлый...— ответила подруга.

А выходя из зала, я услышал в разговоре двух парней несколько иное определение — «сукин сын». Коротко, ясно, хотя и грубовато. Жаль только, что в лицо этого ему никто не скажет.

Ну, а если дать волю воображению? Представим себе, что после суда сын приходит домой и рассказывает родителям о своем иске к бывшей жене. Рассказывает подробно, вплоть до упоминания о заготовленных впрок отрезах. И вот происходит совершенно невероятное. Отец гневно поднимается и, как в классической драме, бросает сыну в лицо примерно те же самые нелицеприятные слова, которые я слышал в зале суда. Более того, несколько поступившись женской скромностью, даже мать присоединяется к этой справедливой оценке.

Так, конечно, бывает в жизни. Многие родители еще более сурово оценивают проступки своих сыновей, но чаще всего, когда это касается, скажем, нарушения советской законности, общественного порядка, элементарных норм поведения... Короче говоря, родители не могут смириться с хулиганством, пьянством и прочими малопривлекательными делами своих взрослых сыновей.

Ну, а что касается благородства, великодушия, мужского достоинства, то эти понятия далеко не всегда входят в сферу родительского влияния, ибо отсутствия этих качеств в детском и юношеском возрасте можно и не заметить. А кроме того, с точки зрения неко-

торых родителей, нет ничего предосудительного в том, что сын хочет получить свое имущество, которое заработано честным трудом. Подал в суд? Ну и что же? Суд на то и существует.

А суд твоей совести? Существует он или нет?

Я верю, что в нашем светлом коммунистическом Завтра лишь такой суд будет единственным и самым справедливым. Но ведь надо же к этому готовиться. Многие из подобных морально-бытовых вопросов можно и сейчас разрешить товарищеским судом, однако прежде всего надо, чтобы бунтовала и твоя совесть.

Была ли настоящая любовь у этого сутяжника? Нет! Сердце, разум, житейский опыт, вся наша действительность подсказывают: не было у него любви, он не дорос до нее. И пусть за это благодарит родителей. Да, да, тех, кто вовремя не сказал ему властно и внушительно, что если на свет он родился по всем физиологическим признакам мужчиной и если в самой первой анкете подчеркнул, что пол его мужской, то пусть всю жизнь помнит об этом.

Никто из настоящих мужчин не сможет совсем вычеркнуть женщину из своей жизни, если она была ему родной или близкой. Кому, кроме подобных респектабельных пошляков (о котором я только что рассказывал), позволит совесть, получив развод, добивать угасающую любовь близкого человека позорным дележом носильных тряпок?

Слов нет, в таких серьезных жизненных потрясениях, когда разрушается семья, и женщины не всегда бывают благородны. Они также обращаются в суд, подчас с чрезмерными, необоснованными претензиями к бывшему мужу. Но мы привыкли к этому относиться более снисходительно, ибо явление это редкое, так как чаще супруг уходит из дома с одним чемоданом, даже в том случае, если семья распалась не по его вине.

Вот почему нам кажутся дикими и отвратительными случаи, когда мужчина выступает сутяжником против женщины, которая была ему далеко не чужой. Может быть, с точки зрения гражданского права у него есть все основания выиграть дело. Но в глазах порядочных людей он многое проигрывает.

Люди благонамеренные, застегнутые на все пуговицы, будут читать эти строки и удивляться. Как это так? Автор протаскивает весьма сомнительную идейку, что существуют две справедливости: одна для женщин, другая для мужчин. А законы ведь для всех одинаковы.

Во-первых, о законах. Есть специальные законы, продиктованные заботой именно о женщине, в них ничего не сказано о другой половине рода человеческого. Но есть еще неписаные законы большого, чистого сердца. Оно не только подсказывает, но и властно требует, чтобы такие дела, о которых сейчас шла речь, навсегда исчезли из практики советских судов.

А это уже вопрос воспитания.

Когда протестует мужская честь...

Мужская честь! Опять всплывают в памяти литературные ассоциации. Оскорбление смывалось кровью. Дрались на шпагах и пистолетах. Лицо, совершившее поступок, противоречащий нормам буржуазной морали, уже не допускалось в порядочные дома.

Все это давно кануло в вечность, а в современном буржуазном обществе совершенно изменилось понятие о чести и морали.

Однако в те давние времена, может быть, начиная с рыцарского культа дамы, считалось долгом каждого порядочного человека вступиться за ее честь. Эта традиция была и у старой русской интеллигенции и, к счастью, дошла до нашего времени. Так и должно быть в обществе, построенном на великих основах гуманизма и взаимном уважении людей, лишенных классовых разграничений и национальных предрассудков.

К сожалению, у некоторой части нашей молодежи, вульгарно трактующей понятие женского равноправия, не воспитано еще мужское благородство. Достаточно появиться в классе одному юному пошляку, как вокруг него уже толпятся товарищи, которые из естественной в этом возрасте любознательности, а подчас и для развлечения выслушают сомнительные сентенции «гениального пистолета». Так презрительно, гневно называл А. М. Горький некоторых своих юных корреспондентов, обладающих развязностью и наглостью. Он терпеть не мог пошлости и знал, насколько она прилипчива. Навсегда запомнятся его слова: «В юности пошлость кажется только забавной и ничтожной, но понемногу она окружает человека, своим серым туманом пропитывает мозг и кровь его, как яд и угар».

В нашем сегодняшнем обществе великих стремлений, огромных дел, которые воспитывают в человеке подлинное благородство и красоту душевную, мы не так уж часто сталкиваемся с явной, воинствующей пошлостью. А мелкие проявления этого гаденького пережитка подчас и не замечаем. Некогда обращать внимания на пустяки. Вырастет мальчик — поумнеет, самому станет стыдно. Однако мне думается, что здесь нужны профилактические меры. Воспитанием мужского благородства надо заниматься в семье, заниматься настойчиво изо дня в день, прививая даже семилетнему гражданину бережное, заботливое отношение к девочке. Расшалившись, он может и за косу потянуть подружку. И еще какой-нибудь каверзой отличиться в игре. Пусть! Дети остаются детьми. Но если девочка уронила платочек — подними! А если он сам не догадался — подскажите ему. Воспитайте в нем это уважение к девочке. Эстафету от родителей должна принять школа, на помощь обязаны прийти литература, искусство...

Кстати, о литературе.

За последнее время появилась целая плеяда одаренных молодых поэтов. Молодежь увлекается их стихами. Ну еще бы — любовная лирика! Только в лирике этой иной раз проскальзывают мотивы, весьма далекие от мужского благородства. Настоящий мужчина не станет хвастаться своим успехом у женщин. Он промолчит.

Но в других случаях молчать не станет, а поступит так, как подсказывает совесть и долг советского человека.

Вот весьма поучительная история. Служебный автобус. Группа работников завода возвращалась из-за города. Дорога скучная, погода дождливая. Друзья хорошо знали друг друга, работали вместе, и не первый день. От скуки стали рассказывать анекдоты и вскоре перешли к житейским историям.

Молодой техник, с кокетливыми усиками, хвастался своими успехами у девиц, потом, приводя всякие интимные подробности, начал рассказывать о лаборантке, которая приходит к нему домой по вечерам... Все эту девушку знали. Одни качали головами, удивлялись, другие недоверчиво усмехались... Наконец кто-то не выдержал, вскочил с сиденья и подошел к рассказчику.

— Ты знаешь, что за такие разговоры морду бьют? А еще мужик называется!

Сначала все как бы опешили. В чем дело? Парень не такие анекдоты слушал и посмеивался. Может, приревновал? Нет, это отпадает. Он дружит с другой девушкой и никогда не расстается с ней, говорит, что скоро будет свадьба. Но потом всем стало ясно, что так и надо было поступить. Совестно стало, мерзко говорить о девушке, даже если тот не врет. Настоящий парень этого себе не позволит, тем более, что здесь ее все знают.

До драки дело не дошло. Удержали. Но всем стало как-то неловко и противно смотреть на пошляка. А что с ним делать?

— Давайте его высадим,— кто-то предложил будто в шутку.

— Правильно,— послышался голос из угла.— Чтобы в другой раз было неповадно.

Веселому рассказчику стало не по себе. Он вглядывался в лица попутчиков и видел в них осуждение и презрительную усмешку. Все еще не веря, что ребята говорят об этом всерьез, он деланно рассмеялся.

— Неужели высадите? Прямо в грязь?

— Ничего, ты и так по уши грязный. Ребята, стукните там водителю, чтобы остановился...

Должен к этому добавить, что история, которая произошла в служебном автобусе, не повлекла каких-нибудь дисциплинарных взысканий для тех, кто высадил техника посреди дороги. Он опоздал на работу, но, стесняясь сказать, по какой причине, взял всю вину на себя.

Нужно ли об этом рассказывать подросткам!

Наши дети порою бывают развиты не по годам. И, как известно родителям, ребята интересуются не только космическими полетами, футболом, а девочки — танцами. Я нарочно схематизирую и даже утрирую круг интересов применительно к подросткам, чтобы пояснее выразить основную мысль.

Подростки пытаются многое понять, разгадать сложный мир семейных отношений, который далеко не всегда безупречен. Они часами просиживают у телевизоров, смотрят зарубежные фильмы, где чаще всего торжествует буржуазная мораль, а порою и пошлость. Впрочем, пошлость встречается и в наших фильмах. Примеров тому достаточно.

...Переходный возраст. Юность уже не за горами. В это время ребята особенно прислушиваются к разговорам взрослых. А родители осторожничают. «Тот женился, а у этих родился» — вот примерная формула, которая, по мнению многих, вполне удовлетворяет интересы подростка.

Не знаю, как кому, но, вероятно, некоторым родителям покажется малоинтересным эпизод в служебном автобусе. Нужно ли об этом говорить в присутствии юноши за чайным столом?

Мне думается, что нужно! Пусть он поймет, что в нашем обществе нетерпимо не только сквернословие, но и грязная болтовня о женщине, хотя бы даже в дружеской мужской компании.

Здесь не может быть снисходительности. Сколько разбитых надежд, искалеченных душ, больших и малых житейских трагедий связано с этой пошлой, до тупости обывательской бравадой, оставшейся нам от той поры, когда женщина была бесправной и не могла постоять за себя.

Истинная дружба, без всякой корысти, любовь «пограндиознее онегинской любви» — все это характерно для нашего социалистического общества. Только не всегда мы различаем то враждебное, а нередко и попросту гнусное, что, как говорил поэт, «налипает нам на бока». Нет-нет да и у нас, где за сплетню не только не платят, но и считают ее позорной, где нет частных детективов, нанятых следить за той или другой женщиной, которая вас интересует, появляются слюнявые пошляки, которые «по секрету» объявляют «всему свету», что видели Марию Ивановну с кем-то на концерте, в ресторане, в парке.

И вот начинаются телефонные звонки, письма с подписью «Доброжелатель», грязный шепоток, загадочная улыбка при упоминании имени знакомой женщины. Черт возьми, до чего же это пакостно и недостойно мужчины!

Это бывает и у людей старшего поколения. Многое они вынесли, не до того было. У некоторых появились склеротические слабости, когда есть повод для неумной шутки. Скажет иной раз, а потом опомнится: «Совестно-то как, ведь я невольно женщину обидел. Теперь пойдут ее имя склонять. Старый болтун!» А иной и не заметит, как походя теряет свое мужское достоинство, и не думает, к чему это приводит... Ведь уважают человека не только за деловые качества, но и за то, что он умеет ладить с людьми, хороший семьянин, любит детей...

В самом деле, мы пока еще не всегда замечаем, что, допустим, командиру производства, строителю, организатору, отдавшему всю свою трудную жизнь ради будущего, ради счастья наших детей, в характере не хватает самого малого — мужского благородства. Как-то неудобно сказать ему об этом. Но о детях его надо обязательно побеспокоиться. Он по привычке думает, что мужество проявляется лишь в бою, в трудовой доблести, чего его сын пока еще не сумел познать. Увы, сложная, длительная борьба за подлинное благородство души, без чего нельзя себе представить человека будущего, многим родителям не под силу. Да и не только родителям.

Именно поэтому я и хотел подумать вместе с вами, читатели, о том, что не так-то просто решается.

125 лет со дня смерти А. С. Пушкина

Мария Александровна Пушкина, старшая дочь поэта (1832—1919).

Неизвестный дневник Пушкина?

Илья ФЕЙНБЕРГ

До нас дошел дневник Пушкина за время с осени 1833 по февраль 1835 года — тетрадь большого формата, заключенная в переплет, замыкавшийся стальным замком. На переплете ее изнутри написано: «№ 2». Это давно наводило исследователей на мысль о том, что существовал еще пушкинский дневник № 1, нам неизвестный.

После смерти поэта, когда бумаги его были опечатаны по приказу Николая I, жандармы пронумеровали красными чернилами листы пушкинской тетради-дневника № 2, сорвав замок с ее переплета. Но «такая же тетрадь, за № 1, взятая по смерти Пушкина в III Отделение собственной его императорского величества канцелярии, не была возвращена наследникам Пушкина, до сих пор не разыскана и, может быть, уже не существует,— писал в 1909 году П. О. Морозов, поясняя: — покойный академик Сухомлинов, имевший доступ во все архивы, говорил нам, что он всюду тщетно искал эту рукопись, и ничего не мог узнать о ее судьбе».

Так писал не только П. О. Морозов, ученый, которому удалось год спустя расшифровать листок с зашифрованными рукой Пушкина стихами десятой, «декабристской» главы «Евгения Онегина». Не сомневались в существовании неразысканного дневника поэта и такие авторитетные исследователи, как Н. О. Лернер и П. Е. Щеголев. В отличие от них Б. Л. Модзалевский и М. Н. Сперанский отрицали существование дневника; но вопрос о судьбе его исследован, в сущности, не был и оставался нерешенным.

I

Между тем в 1925 году за рубежом, в издававшемся в Праге эмигрантском историко-литературном сборнике «На чужой стороне» появилось неожиданное сообщение. «В 1937 году будет опубликован полностью не изданный еще большой дневник Пушкина (в 1 100 страниц),— писал Модест Гофман в статье «Еще о смерти Пушкина».— Несомненно, что он прольет бо́льший свет на историю дуэли и драму жизни Пушкина, подготовившую эту дуэль; сколько мы знаем, однако, этот дневник еще больше реабилитирует честь его жены, чем все те материалы, которые до сих пор были в распоряжении пушкинистов».

Но ни в 1937 году, когда истек столетний срок со дня смерти Пушкина, ни позднее неизвестный дневник поэта опубликован не был. Существует ли он действительно?

В конце прошлого столетия академик Сухомлинов тщетно искал его в секретном архиве III Отделения. Но разыскиваемый дневник мог там и не находиться. И не только потому, что мог быть уничтожен, поскольку Бенкендорф, шеф жандармов, предписал после смерти поэта: «Бумаги, могущие повредить памяти Пушкина», доставить ему для прочтения, и, «ежели таковые найдутся» (а к числу их мог быть отнесен и неизвестный дневник поэта), по прочтении предать их огню.

Неизвестный нам дневник Пушкина мог избежать секвестра и не попасть в III Отделение, если он в часы посмертного обыска почему-либо не находился в кабинете поэта. Вспомним, что письма Пушкина к жене (которые еще при жизни его чрезвычайно интересовали царя и поэтому перлюстрировались) хранились у Натальи Николаевны, и она сама отдала их Жуковскому, которому пришлось оправдываться перед Бенкендорфом, доказывая, что только эти письма он и вынес в своем цилиндре (из гостиной, пояснял он, а не «из кабинета Пушкина, где стоял гроб его»).

Поэт мог хранить неизвестный дневник вне своего кабинета и сознательно. Таким образом уцелел он скорее всего, если не попал в число рукописей, опечатанных жандармами, и оказался на руках у наследников поэта. Чтобы ответить на вопрос о причинах, которые могли побудить их сохранять дневник в тайне, надо вспомнить о судьбе другого, известного нам пушкинского дневника.

Дневник № 2, страницы которого пронумерованы жандармами, возвращен был вдове поэта, а затем перешел к его старшему сыну Александру Александровичу Пушкину, который удержал его у себя, хотя передал в 1880 году другие рукописи поэта в дар Московскому Румянцевскому музею. Несмотря на то, что дневник этот постепенно публиковался (по копии, сохранившейся в бумагах П. В. Анненкова, редактора сочинений Пушкина), старший сын поэта не любил показывать его даже своим сыновьям и внукам, о чем вспоминают здравствующие ныне в Москве правнучки поэта[1]. Александр Александрович, тот самый «Сашка», о котором Пушкин когда-то сказал: «Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями»,— не склонен был оглашать страницы дневника, содержащие резкие отзывы поэта о царях — Николае и Александре I — и их приближенных. Когда пушкинист В. Е. Якушкин — внук декабриста — прочел на одном из заседаний выдержку из дневника, содержавшую такого рода строки, Александр Александрович, рассерженный, вышел из комнаты, хлопнув дверью. Однажды только, в 1903 году, по просьбе тогдашнего президента Академии наук великого князя Константина Константиновича сын поэта решился переслать в Петербург рукопись дневника для снятия полной копии.

Александр Александрович Пушкин скончался в 1914 году, в день объявления войны, и принадлежавший ему пушкинский дневник перешел к старшей дочери поэта Марии Александровне, вспоминая о которой, П. И. Бартенев писал: «Выросши, она заняла красоты у своей красавицы-матери, а от сходства с отцом сохранила тот искренний задушевный смех, о котором А. С. Хомяков говаривал, что смех Пушкина был так же увлекателен, как его стихи». Вспоминая впечатление, какое она произвела при встрече на Льва Толстого, Т. А. Кузминская рассказывала: «Знаю, что она послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью. Он сам признавал это».

Мария Александровна Пушкина (в замужестве Гартунг) дожила до Октябрьской революции; она умерла в глубокой старости в Москве в 1919 году, и рукописный дневник поэта перешел к внуку его, Григорию Александровичу Пушкину, который был тогда командиром Красной Армии и находился на фронте. 11 октября 1956 года я записал рассказ его вдовы Юлии Николаевны Пушкиной о том, как она одна похоронила в тот трудный год Марию Александровну и взяла пушкинский дневник. Внуки решили наконец передать его в музей.

Юлия Николаевна Пушкина рассказала мне, вспомнив подробности, как она отвезла в Москву в конце июня 1919 года дневник поэта из Лопасни, где работала учительницей. Большой по формату и заключенный в переплет дневник она зашила в холст и спрятала из осторожности под платьем; время было такое, что ехать в Москву ей пришлось на крыше вагона, дневник торчал так, что кто-то, не разобравшись, сказал ей: «Туда же, беременная, а лезешь на крышу». Но довезен был дневник благополучно, и, честно сделав тогда свое дело, Юлия Николаевна показала мне бережно сохраненную ею расписку, где сказано:

«Собственноручный дневник поэта Александра Сергеевича Пушкина принят мною от Юлии Николаевны Пушкиной 20 июня/21 июля 1919 года для Отделения рукописей Румянцевского музея и помещен мною в хранилище рукописей вместе со всеми автографами поэта, пожертвованными музею Александром Александровичем Пушкиным.— Хранитель Григорий Петрович Георгиевский». Несколько лет спустя, в 1923 году, дневник был наконец издан — не по копии, а по подлиннику — Государственным издательством.

Юлия Николаевна, которой пошел теперь 85-й год, живет поныне в Москве, и сын ее, Григорий Григорьевич Пушкин, правнук поэта, работает в типографии «Правды», в том самом цехе глубокой печати, где печатается журнал, номер которого читатель держит сейчас в руках. В Москве живут и работают правнучки и праправнуки Пушкина. Но сведений о неизвестном нам дневнике поэта у них нет.

II

Он оказался, по-видимому, за рубежом; по крайней мере сведения о нем, опубликованные в 1925 году Модестом Гофманом в пражском журнале, шли от внучки поэта Елены Александровны Пушкиной, уехавшей за границу и вышедшей в Стамбуле замуж за ротмистра Н. Розенмейера.

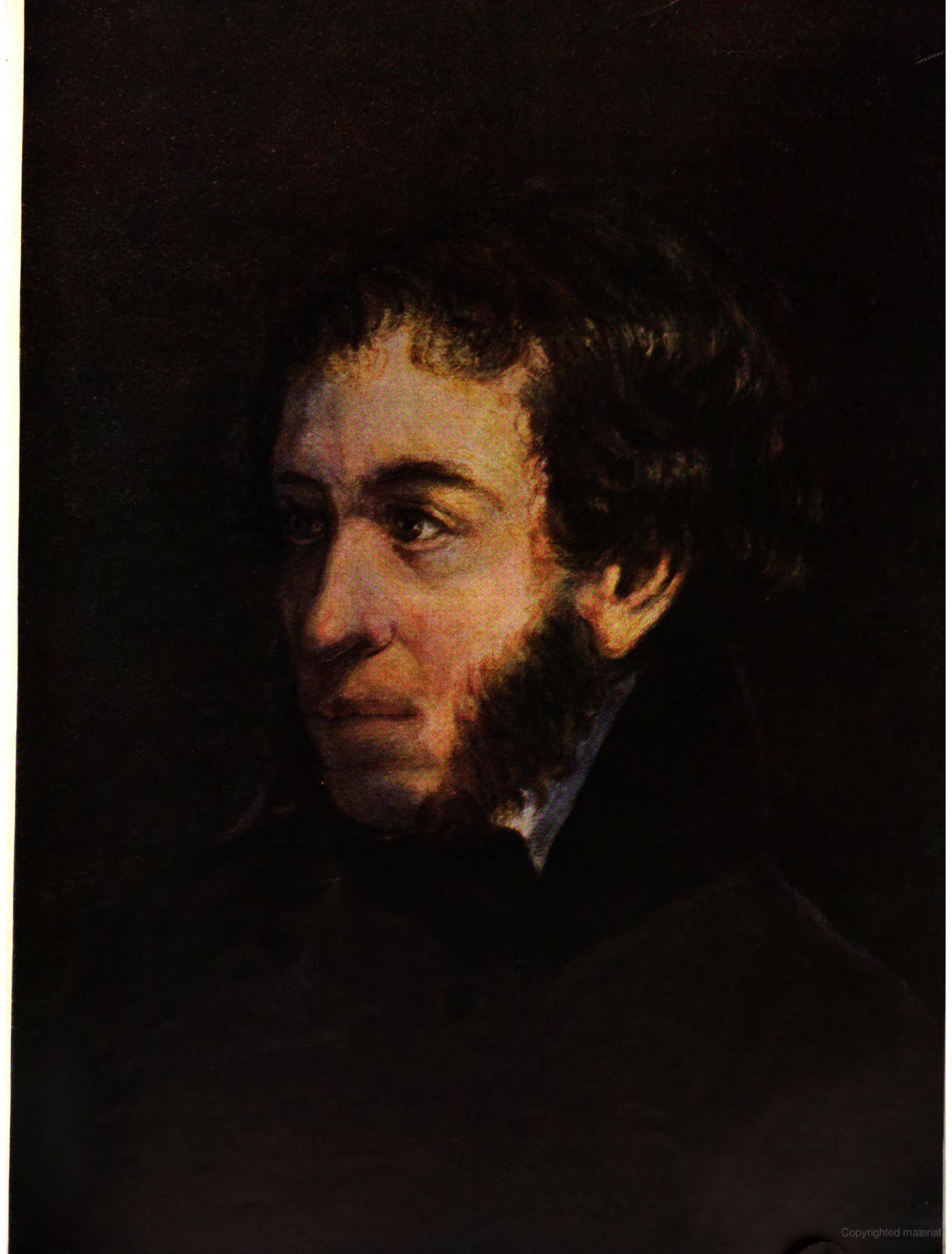
В 1922—1923 годах Елена Александровна писала советскому торговому представителю в Париже М. И. Скобелеву, предлагая приобрести у нее гербовую печать, принадлежавшую поэту, и некоторые другие пушкинские реликвии. В одном из писем она сообщила: «Что касается до имеющегося неизвестного дневника (1 100 страниц) и других рукописей деда, то я не имею права продавать их, так как, согласно воле моего покойного отца, дневник деда не может быть напечатан раньше чем через сто лет после его смерти, то есть раньше 1937 года».

Елена Александровна была дочерью Александра Александровича Пушкина, которому принадлежал известный нам пушкинский дневник № 2, и потому сообщение ее о не изданном еще дневнике

Старший сын Пушкина Александр Александрович (1833—1914)

[1] Об этом рассказывали мне правнучки Пушкина Татьяна Николаевна Галина и Наталья Сергеевна Шепелева. — И. Ф.

И. Линев. А. С. ПУШКИН (1836—1837).
Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград).

Акварель Б. Патерсена. ВИД НА НЕВУ СО СТОРОНЫ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ. **Музей А. С. Пушкина (Москва).**

Неизвестный художник школы А. Г. Венецианова. СУББОТЫ У ЖУКОВСКОГО (1830 год). **Всесоюзный музей А. С. Пушкина (Ленинград).**

А. Ванециан. А. С. ПУШКИН В БОЛДИНЕ. **Музей А. С. Пушкина (Москва).**

И. Репин. А. С. ПУШКИН НА АКТЕ В ЛИЦЕЕ 8 ЯНВАРЯ 1815 ГОДА (1911 год).

Замок в Градчанах, Прага.

поэта не могло не привлечь внимания. С письмом ее вскоре ознакомился Модест Гофман, который незадолго до того был направлен в Париж Российской Академией наук в связи с приобретением ею собрания пушкинских рукописей и реликвий, принадлежавших известному парижскому коллекционеру Отто-Онегину.

Модест Гофман вступил тогда в переписку с Еленой Александровной Пушкиной-Розенмейер, но лишь тридцать лет спустя (так и не вернувшись в Россию) рассказал в печати о своей встрече с ней в статье, напечатанной им незадолго до смерти, в 1955 году, в нью-йоркском «Новом журнале». «У меня есть все основания думать,— утверждал он здесь вновь,— что существует еще громадный неизданный дневник Пушкина»,— добавляя: — «считаю своим долгом рассказать все, что знаю по этому поводу и что, может быть, поможет найти этот ценнейший документ, если он еще уцелел».

В марте 1923 года,— сообщал далее Модест Гофман, вспоминая свою встречу с Еленой Александровной Пушкиной-Розенмейер,— я получил от нее письмо, в котором она писала, что через две недели уезжает в Африку и просит поторопиться с приездом в Стамбул — «дабы я могла передать вам, как представителю Пушкинского дома, дневник и другие рукописи моего деда».

Получив от нее такое письмо, Модест Гофман выехал из Парижа в Стамбул. Внучка поэта, как оказалось, жила там с мужем в большой нужде. Она показала Гофману гербовую печать поэта и акварельный портрет Натальи Николаевны Пушкиной, но вслед за тем муж Елены Александровны сказал: «Что касается до неизданного дневника Пушкина, то тут недоразумение: Елена Александровна никогда не собиралась и не собирается никому передавать дневник своего деда». «Я пробовал снова убеждать, пишет Гофман, ссылаясь на то, что брать с собой дневник Пушкина в африканское путешествие — вещь слишком рискованная, но получил насмешливый ответ: «Не беспокойтесь, он находится в очень надежном и безопасном месте».

«В тридцатых годах,— продолжает Гофман,— я подружился с братом Елены Александровны, милейшим Николаем Александровичем, и очень хотел получить у него разъяснения, но безуспешно». «Я знаю наверное,— сказал Николай Александрович Пушкин,— что дневника у нее нет; где находится этот дневник, я не знаю, но помню, что в детстве видел его у отца».

Николай Александрович Пушкин здравствует в Брюсселе доныне, но трудно решить, видел ли он когда-то у своего отца неизвестный дневник или вспоминал о дневнике № 2, хорошо нам известном. Сестра его, Елена Александровна Пушкина-Розенмейер (ныне скончавшаяся), предлагая в 1923 году неизвестный дневник поэта, не являлась, по-видимому, его владелицей; если он действительно существует, то Елена Александровна могла скорей выступать посредницей, рассчитывая, что другие, известные ей владельцы дневника согласятся — через нее — уступить или обнародовать его. Что, однако, удерживает их поныне от опубликования дневника и не может ли ответ на этот вопрос помочь нам выяснить, кто эти владельцы?

III

Мы помним, как ревниво хранил Александр Александрович, старший сын поэта, пушкинский дневник (№ 2), охраняя в нем, согласно своим понятиям о долге, тайну, семейную и политическую. Вспомним, как возмущен он был, когда младшая дочь поэта, Наталья Александровна, разрешила И. С. Тургеневу напечатать — с некоторыми пропусками — письма поэта к жене. «Вообразите! — писал тогда Тургенев.— Меня какой-то А. В. письменно предуведомил, что сыновья Пушкина нарочно едут в Париж, чтобы поколотить меня за издание писем их отца! Почему же меня, а не родную сестру, разрешившую печатание?» Мистифицировал ли тогда кто-то Тургенева, но письмо, им полученное, отражало слухи, связанные с негодованием, овладевшим сыновьями Пушкина, и в мае 1880 года подлинники писем поэта к жене вместе с ответными письмами Натальи Николаевны были переданы Александром Александровичем Пушкиным Румянцевскому музею — с условием не предавать их гласности в течение пятидесяти лет.

Однако, прежде чем истек этот длительный срок, неопубликованные письма Натальи Николаевны, хранившиеся еще в первые годы после революции в Румянцевском музее, исчезли оттуда. Хранитель рукописей музея в ответ на расспросы говорил, как мне известно, что письма Натальи Николаевны возвращены были наследникам поэта. Письма ее оказались затем за границей, может быть, у тех же владельцев, к которым мог перейти и неизвестный нам дневник Пушкина.

В Англии живут ныне потомки младшей дочери поэта, Натальи Александровны. Дочь ее, Софья, вступила в конце прошлого века в морганатический брак с великим князем Михаилом Михайловичем; таким образом, внучка Пушкина вышла замуж за внука Николая I, и ей дан был английский титул — графиня Торби. Брак этот вызвал гнев Александра III; великому князю был запрещен въезд в Россию, и внучка Пушкина осталась в Англии навсегда. Между тем ей принадлежали доставшиеся от матери подлинники французских писем Пушкина к невесте. Писем этих она никому не показывала (хотя текст их известен был в русском переводе, напечатанном в 1878 году И. С. Тургеневым с разрешения ее матери). И лишь после ее смерти Сергей Лифарь получил возможность издать эти письма поэта по подлинникам в Париже в 1935 году.

Живущие в Англии правнучки поэта принадлежат к высокому кругу английской аристократии (и одна из них, Надежда Михайловна, с тех пор как племянник ее по мужу, принц Филипп греческий, стал супругом английской королевы Елизаветы II, является ее близкой родственницей).

Жившая в Стамбуле внучка поэта Елена Александровна Пушкина-Розенмейер, предлагая неизвестный дневник поэта, могла знать, где он находится; этим, вероятно, объяснялся ответ ее мужа Модесту Гофману, приехавшему в Стамбул за дневником: «Не беспокойтесь, он находится в очень надежном и безопасном месте». Не имел ли этот ответ в виду английских потомков поэта?

Продавать дневник, если он существует и находится в их владении, у английских потомков Пушкина действительно нет никакой необходимости. А взгляды и представления, им свойственные, могли побудить их беречь тайну дневника, как стремились утаить записки Байрона его наследники. Все это может, мне кажется, объяснить, почему пушкинский дневник остается неизданным.

* * *

Дневник, нам известный (тетрадь № 2), охватывает время с осени 1833 по февраль 1835 года, и потому дневник № 1 должен относиться, казалось бы, к предшествующим годам. Но сообщение Модеста Гофмана, утверждавшего, что неизвестный дневник Пушкина «еще больше реабилитирует честь его жены» и «прольет бо́льший свет на историю дуэли», заставляет задуматься, не охватывает ли неизвестный дневник поэта и последние годы его жизни — 1835—1837; предполагаемый же объем дневника — 1 100 страниц — может навести на мысль о том, что дневник этот охватывал весь период тридцатых годов.

Дело в том, что известный нам пушкинский дневник (№ 2), как отметил в свое время Д. Якубович, является, по-видимому, беловой рукописью. Мы знаем также, что свои Автобиографические записки, сожженные после 14 декабря 1825 года, Пушкин, по собственному признанию, переписывал набело с существовавшей у него черновой тетради. И потому может статься, что известный нам дневник № 2 представляет собой лишь переписанную поэтом набело часть его обширного и до сих пор неизвестного нам дневника.

Все это, разумеется, не более чем предположения — предположения о самой возможности существования неизвестного пушкинского дневника, о месте его нахождения и о времени жизни поэта, которое могло быть охвачено этим дневником. Не исключено, конечно, что дневник находится и не там, где мы предполагаем [1].

Но возможно ли вообще в наше время обнаружить огромную рукопись Пушкина, относящуюся к потаенной части его наследия? Отвечаю: найти можно как раз то, что остается неизвестным, потому, что было скрыто или потеряно. Нашли же в 1917 году внуки Пушкина рукопись его потерянной «Истории Петра», которая занимает теперь целый том в собрании его сочинений. Не говорю уже об обнаруженной в Ленинграде пачке писем Пушкина к дочери Кутузова, Елизавете Хитрово, и о двух найденных после Октябрьской революции лицейских поэмах, которые обнаружены были век спустя после смерти поэта, когда изменились все условия жизни нашего общества. Но за рубежом прежние условия еще существуют, и борьба за пушкинское рукописное наследство, начатая у гроба поэта, еще не окончена.

Гераклит говорил, что тот, кто не надеется найти, не найдет, ибо без надежды нельзя выследить и настигнуть. Нам казалось полезным поэтому собрать и изложить в кратком очерке неизвестные читателю данные по вопросу о том, существует ли неизданный дневник поэта, и рассказать о своих предположениях и догадках, не выдавая их за окончательный вывод.

[1] Приезжавший летом прошлого, 1961 года в СССР Сергей Лифарь сообщал, что один из его знакомых видел неизвестный дневник Пушкина еще в 1938 году, то есть пятнадцать лет спустя после переговоров, которые вел Модест Гофман в Стамбуле.

КРАЯ МОСКВЫ, КРАЯ РОДНЫЕ...

Как ни велика роль Петербурга в жизни Пушкина, нельзя забывать, что родина поэта — «мать градов России» — Москва.

Полгода назад в Москве на улице Кропоткина открылся Государственный музей А. С. Пушкина в одном из красивейших особняков пушкинского времени. В этом районе — на бывшей Пречистенке и в ее переулках — Пушкин бывал постоянно, здесь жили его друзья и знакомые.

Но музейная экспозиция не подделывается под стиль старинного особняка. Художественный почерк музея очень современен: легкие металлические конструкции, светлые стенды, стекло, возвышения для экспонатов (подиумы), направляющие движение посетителей.

Что же показывает новый музей? Ведь нужны прежде всего подлинные реликвии и произведения искусства. Между тем известно, что пушкинские материалы уже много лет собирались во Всесоюзном пушкинском музее в Ленинграде и отчасти в Михайловском и Болдинском заповедниках.

Оказалось, однако, что возможности поисков пушкинских материалов и реликвий не исчерпаны. Эта часть работы по созданию музея была самой волнующей, она определяла судьбу всего дела.

Сейчас в музее более 5 тысяч экспонатов и 15 тысяч книг. Сколько вещей, столько историй о том, как они разысканы и получены!

В музее ведется «Книга даров», куда заносятся имена тех, кто безвозмездно передал музею свои материалы. В книге более 250 записей.

Кто же они, наши помощники? Это люди самых различных профессий: учителя, ученые, врачи, художники, артисты...

Профессор А. А. Арендт передал в музей шкатулку красного дерева. В шкатулке находились медицинские инструменты лейб-медика Н. Ф. Арендта, пользовавшего Пушкина в последние часы его.

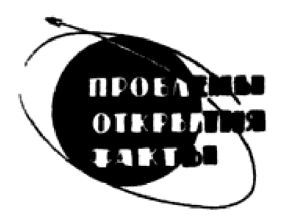
Разумеется, важным источником поступлений были фонды других музеев, библиотек, других учреждений — свой вклад внесли более 100 организаций.

В музее представлены первые издания и многие прижизненные публикации поэта. Особенно интересны рукописи поэта, воспроизведенные фотоспособом на подлинной бумаге пушкинского времени.

Музей стремился отойти от приевшихся шаблонов, ненужного академизма. Очень важно было определить эмоциональное воздействие экспозиции: музей Пушкина не может быть серым, скучным, утомительным. Так появился «уголок молодого человека начала XIX века», где собраны книги, «фарфор и бронза», «лорда Байрона портрет, и столбик с куклою чугунной».

Труд по созданию музея продолжается. Скоро будут открыты залы «Пушкин и наше время», «Мировое значение Пушкина», а также небольшой концертно-лекционный зал, где будут звучать стихи старых и новых поэтов, выступать ученые, музыканты.

Александр КРЕЙН,
директор музея А. С. Пушкина
в Москве

ГИГАНТ «ВТОРОЙ ПРИРОДЫ»

М. АНГАРСКАЯ

Рисунки М. Ушаца.

...Может быть, сюда, к этим местам, где стоит город Новомосковск, обращены слова Михайло Васильевича Ломоносова:

«Веселитесь, места ненаселенные, красуйтесь, пустыни непроходные: приближается благополучие ваше...

Но тогда великой участнице в населении вашем, химии, возблагодарить не забудьте, которая ничего иного от вас не пожелает, как прилежного в ней упражнения, к вящему самих вас украшению и обогащению».

Нет, не забыли жители этих мест возблагодарить химию — «вторую природу» — своим особым прилежанием. Они возвели огромный химический комбинат...

БЕЗ ТОЛКАЧЕЙ

Основной поставщик комбината — сама природа. А она не допустит перебоев в сырье, к ней не надо посылать толкачей. Щедро, без всяких промедлений снабжает она комбинат своими дарами.

Как же это происходит? Вот одна из труб «вдохнула» в себя воздух и передала его в стальные легкие комбината. Тут воздуху предстоит соединиться с природным газом, тем самым, на котором мы готовим себе пищу.

Но, оказывается, природный газ предпочитает встретиться с кислородом наедине, без всяких посторонних свидетелей, таких, как азот, углекислота, и других примесей, находящихся в воздухе.

Чтобы разложить воздух на составные части, его подвергают сверхарктическому холоду. А лютый мороз каждый из газов переносит по-своему. Например, азот наиболее закален: он удерживается в газообразном состоянии дольше. Кислород же сдается раньше, становится жидкостью и, таким образом отделяясь от остальных частей воздуха, спешит в другой цех, навстречу природному газу. А тот, в свою очередь, тоже проходит ряд процедур. Сначала подогревается, затем принимает циркулярный душ. Но вот, наконец, кислород и природный газ встречаются в огромном агрегате. Основной продукт этой встречи — водород. Он соединяется с азотом, полученным тоже из воздуха.

Так, путем целого ряда химических превращений из воздуха, которым мы дышим, и природного газа получается аммиак — сырье для удобрений и пластмассы, для искусственных волокон и целого ряда других продуктов.

КОМПЛЕКСНЫЙ ОБЕД ПОЛЯМ

Я присутствовала при пуске одного из интереснейших производств — комбината-цеха сложных удобрений. В его многоэтажных корпусах приготавливается комплексный обед полям.

До сих пор пища для земли готовилась раздельно и содержала в себе азот, фосфор, или калий.

А не целесообразней ли все эти основные «калорийные блюда» изготавливать вместе?

Опыты показали, что если кормить землю смешанными удобрениями, то урожайность намного увеличится.

И вот в цехах Новомосковского химического комбината впервые в нашей стране начали отпускаться такие «обеды», состоящие из фосфора, азота и калия. Все эти три блюда содержатся в одной грануле.

«ПРИЕЗЖАЙТЕ ГОДИКА ЧЕРЕЗ ПОЛТОРА...»

У рабочих комбината надолго осталась в памяти встреча с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Никита Сергеевич рекомендовал как можно скорей реконструировать старые цеха. Особенно советовал обратить внимание на производство карбомида (мочевины). Ведь этот продукт обладает исключительно разносторонними свойствами, является не только хорошим удобрением и питательной приправой к кормам животных, но и прекрасным сырьем для всевозможных пластмассовых изделий.

Беседа с Никитой Сергеевичем была всего три года назад. А сколько нового появилось на комбинате с тех пор!

...Вот цех, в котором велись самые трудоемкие работы по очистке кокса; он считался самым загрязненным на комбинате, а сейчас прослыл чистоплотным красавцем. Солнечные зайчики весело прыгают по металлической поверхности новых мощных агрегатов, в которых рождается карбомид. Технология его производства совершеннее той, которая существует в соседнем, старом цехе. И хотя выпуск столь ценного продукта за это время увеличился почти втрое, начальник цеха Иван Павлович Белоусов не совсем доволен поведением своего детища.

— Уж очень расточительный у него характер! — огорченно поясняет Иван Павлович.

Оказывается, во время своего появления на свет карбомид забирает много аммиака, но полностью его не использует. Как найти способ заставить его вести себя поскромней, довольствоваться меньшими дозами?..

И вот на столе у Ивана Павловича лежит схема, только что присланная из научно-исследовательского института. В ней разработаны новейшие методы «перевоспитания» карбомида.

— В ближайшее время увеличим его выпуск более чем в пять раз,— говорит Белоусов.— Приезжайте годика через полтора, сами убедитесь!

«ТЕХНИЧЕСКАЯ ЗНАМЕНИТОСТЬ»

Скоро новомосковские химики готовятся отпраздновать новоселье.

На одну из главных магистралей комбината в специально отстроенный коттедж въедет огромная электронная машина.

«Техническая знаменитость» возьмет на свои могучие плечи работу нескольких десятков людей. Находясь в своем особняке, она будет управлять всем газовым производством, то есть сразу пятью цехами.

Получив полную информацию от более чем тысячи агрегатов — начиная с момента встречи природного газа с кислородом и кончая образованием аммиака,— машина самостоятельно подсчитает все технико-экономические показатели. Она определит себестоимость аммиака, отпечатает полученные данные на пишущей машинке, а затем, «логически поразмыслив» над результатами, примет наиболее эффективные решения, устранив даже самые незначительные нарушения процесса.

— Однако, чтобы понять такие машины, изучить их сложную натуру, надо много знать, — поясняет заместитель главного инженера Виктор Тесленко. — Без специального образования сюда и близко подходить нельзя... Недавно в Новомосковске открылся филиал московского химико-технологического института имени Менделеева, так что работаем и учимся, как говорится, со всеми удобствами, — улыбается командир новой техники.

Руд. БЕРШАДСКИЙ

РАСХИТИТЕЛ

Белоусов

С Борисом Михайловичем Белоусовым Лагутин, можно сказать, дружил. И не на почве выпивки, как нередко бывает на севере,— ничего подобного. Иной раз, правда, и выпивали — зарока, чтобы в рот спиртного не брать, никто не давал,— но не было это ни целью жизни, ни регулярным времяпрепровождением.

Их сближало многое. И то, что души в детях оба не чаяли, и то, что к делу золотопромышленному оба относились ревностно; интересно было и о прогнозах добычи потолковать, и о том, почему так, а не иначе залегает металл в том или ином забое, и как можно было бы рационализировать откатку, спуск в шахту, да кое-что еще. Борис Михайлович был понастойчивей, как говорится, в повышении своего образования. Решил во что бы то ни стало «добить» заочный техникум — уже на четвертый курс перешел — и все корил соседа: почему тот спасовал... Да они, ко всему остальному, были и соседями, добрыми соседями. Когда Белоусову надо было отремонтировать к зиме свою «избушку», как он ее ласково называл, то первый, кто помог ему, невзирая на выходные и на то, что в летний день тянет и на охоту, и поудить, и просто поваляться на травке, был Василий Герасимович Лагутин. И дров на зиму заготовить опять Василий Герасимович подсобил.

И почти ровесниками они были: одному — сорок, другому — тридцать восемь, в один и тот же год на войну пошли. Это тоже на всю жизнь сплачивает. В торжественные дни праздников Борис Михайлович надевал колодки орденских ленточек — дети просили: «Папа, надень!» И любо-дорого было посмотреть! Два ордена Красной Звезды, медаль «За отвагу», медаль «За трудовую доблесть» (эта уже тут была получена, на прииске) и еще медали... Вспомнят, бывало, фронты и затянут: «Идет война народная...»

Когда врачи второй раз сказали Лагутину, что ему надо неотложно отправляться на курорт, но на прииске позабыли при этом помочь человеку — денег на дорогу сколько надо! — Белоусов возмутился. Но хоть и посчитал он, что с Лагутиным поступили неправильно, никому из тех, кто мог бы исправить ошибку, возмущения своего не высказал — покипел в беседе, да и все.

И стало Лагутину еще тяжелее. Он ведь не просто так выложил другу свою обиду: Борис Михайлович был для него не только добрым соседом, но и самым близким из всех знакомых членов партии. И к тому же — заместитель парторга. А вышло, что и тот чувствует себя бессильным! Куда ж податься тогда?!

...Сидит передо мной раздавленный Белоусов. Сидит и все время старается удержаться от слез. О детях заговорит — не может, прерывается голос. О том, что из партии его исключили,— тоже. Вспоминает:

— На фронте меня принимали, в сорок третьем году... А теперь, когда коммунизм уже строим, я оказался за решеткой. За что жизнь под откос полетела? За что?!

Спрашиваю его:

— Расскажите, как же все это случилось у вас. Можете?

— Придется... Началось так. После того, как врачи велели Лагутину ехать второй раз на курорт, а с деньгами, я знал, у него было туго, он пришел ко мне и говорит: «Борис Михайлович, ты, кажется, себе наряд на старание выписал? Верно?» А я действительно оформил себе тогда в старательском секторе бирку: в отпуск уходил и наметил недели две постараться — может, повезет. Но ничего не получилось. Угробил день, и второй, и третий, а не намыл ни грамма. Ну, и решил не тратить больше времени. Золото, оно ведь причудливое. Иной раз за ним годы можно гоняться, и все впустую. «Верно,— говорю.— А что?» «Так у меня к тебе,— отвечает он,— просьба. Мне неудобно, я государственный контролер, а у тебя бирка в порядке, кто знает: намыл ты что-нибудь или нет? Сдай-ка мое золотишко, есть у меня немножко». Мне даже стыдно стало ему в глаза смотреть. Да и он от меня свои прячет. Оба ведь понимаем, о чем речь идет...

Окончание. См. № 6.

ЕСЛИ для планирования железнодорожных и автомобильных перевозок использовать электронно-вычислительную технику, то можно получить большую экономию. Например, сосчитанный машиной план десятидневных перевозок грунта от экскаваторов, работающих на различных стройках Москвы, оказался почти вдвое экономичнее по сравнению с планом, составленным человеком.

ЕСЛИ котельные многих заводов и фабрик оборудовать золоуловителями системы Г. Ярина, воздух в наших городах станет намного чище. Как нам сообщил главный инженер московского завода «Галалит» И. Мишурис, примененный на этом заводе золоуловитель очень эффективен, работает на естественной тяге, создаваемой трубой, и, самое главное, очень прост по конструкции. Его можно изготовить на любом предприятии, имеющем механическую мастерскую.

ЕСЛИ при взрывных работах аммонит заменить игданитом, то можно сэкономить довольно крупную сумму — около ста рублей с каждой тонны взрывчатки.

Новое взрывчатое вещество недавно создано в Институте горного дела Академии наук СССР. Игданит — близкий родственник пороха: его основным компонентом служит аммиачная селитра. Хранение и транспортировка нового взрывчатого вещества безопасны...

ЕСЛИ на тысячах воздушных и газовых компрессоров, днем и ночью работающих на различных предприятиях нашей страны, поставить системы автоматического регулирования, то можно сберечь колоссальное количество электроэнергии, расходующейся сейчас даром.

Оригинальные устройства системы регулирования разработали сотрудники отдела автоматизации Ленинградского филиала Научно-исследовательского института химического машиностроения...

«ГАСТРОКАМЕРА»

Японская компания оптических приборов выпустила специальную аппаратуру, дающую возможность быстро и точно ставить диагнозы рака желудка и других желудочных заболеваний. Этот новый прибор, названный «гастрокамерой», состоит из эластичной металлической трубки, на конце которой находится миниатюрный фотоаппарат. Трубка вводится через рот больному, и аппарат делает несколько снимков слизистой оболочки желудка. Снимки могут быть и цветными.

А. ДМИТРИЕВ

НУМИЗМАТИКА И МЕДИЦИНА

Мальчика больше всего интересовали наконечники от стрел. В окрестностях осетинского аула Нузала (его родители врачевали в районной больнице при Садонских цинковых рудниках) он находил наконечники десятками. Очищал их от ржавчины и проволокой прикручивал к палкам. Получались отличные, на зависть приятелям, пики.

Однажды Эдуард Грибанов раскопал несколько старинных, тронутых зеленью монет. В местном краеведческом музее ему рассказали, что это за монеты, когда и кто их выпустил. Мальчику было всего восемь лет, время для него исчислялось месяцами и неделями. А найденные им медные кружочки жили сотни лет...

В 1959 году на I Всесоюзной конференции историков медицины Эдуард Дмитриевич Грибанов, аспирант Института организации здравоохранения и истории медицины, выступил с сообщением «Медицина и нумизматика» и демонстрировал в помещении Военно-медицинского музея свою коллекцию. Оказалось, что музей не обладает и половиной богатств московского аспиранта.

Значки-амулеты с надписями: «Хранитель против холеры, моровой язвы, проказы — лучшее, незаменимое средство от этих болезней». Рядом скромная серебряная медаль на зеленой ленточке. Ею награждали российских лекарей за массовые прививки во время эпидемии оспы 1763 года. Человеку любознательному медаль может о многом напомнить и рассказать. О сроках первой вакцинации в России, и о том, что уровень медицинской культуры тех лет был куда выше, чем в странах Западной Европы, и, наконец, о том, что Англия — страна, давшая миру средство борьбы с оспой, до сих пор не может провести через парламент закон об обязательном оспопрививании...

Особый раздел коллекции Э. Д. Грибанова посвящен международному обществу Красного Креста и Красного Полумесяца.

Увлекательное занятие — коллекционирование! Знакомишься с интересными людьми, слушаешь их рассказы, переписываешься. Среди корреспондентов Э. Д. Грибанова — профессор Альфред Берндорфер, заведующий кафедрой педиатрии Будапештского университета, профессор-педиатр Болеслав Гурницкий, ректор Штеттинского университета, товарищ Эдуарда по аспирантуре Ли Ден Юр, вернувшийся теперь на родину, в Корею.

Но коллекционирование не только увлекательное занятие. Экспонаты — скромные свидетели близкого и далекого прошлого — незаменимые спутники в наших странствиях в глубь истории. Так и коллекция Э. Д. Грибанова стала его лучшим помощником на лекциях. Ведь он теперь заведующий кафедрой организации здравоохранения и истории медицины в Северо-Осетинском медицинском институте.

В своей диссертации, посвященной Всероссийским съездам здравотделов, Грибанов упоминает об одном значке. Маленький самолетик из серого металла, красные кресты на крыльях. Кто, когда и по какому поводу выпустил этот значок? Поиски были долгими, но раскрыли интересный эпизод.

В 1924 году, после смерти Владимира Ильича, начался массовый сбор пожертвований на усиление военной мощи Красной Армии. На деньги, собранные врачами, был построен один из самолетов эскадрильи «В. И. Ленин». Медики назвали его именем своего коллеги — «Нарком Семашко». И, выступая на V съезде здравотделов, созванном в том же 1924 году, Николай Александрович Семашко сказал: «Я был верным другом и соратником великого Ленина при его жизни. Благодарю вас за то, что и после его смерти я полечу с ним в одном строю».

М. ХРОМЧЕНКО

...И ЗОЛОТА

— И, несмотря на это, вы все-таки взяли от него золото?

— Так ведь если не взял бы, надо было о Лагутине тут же в милицию сообщить!

— И надо было! Вы бы и его остановили этим на первом же разе и своим детям отца сохранили бы...

— Не смог. Выходило вроде предательства.

— А еще глубже закопать человека смогли? Это не предательство? Я уж о вас самом не говорю...

Я знал из материалов дела: Белоусов оказался человеком слабовольным, смалодушничал. Лагутин передал ему тысячу шестьсот граммов золота и велел: золото сдать Сипеевой, она выпишет по самой высокой ставке. Однако на руки даст не все, а лишь часть — остальное возьмет себе «за комиссию» Стукальский.

— Но вы ведь тут увидели, что дело идет совсем не о поездке Лагутина на курорт. Тут уже действовала шайка...

— Мне некуда было отступать...

...Нет, неправ был товарищ, который, узнав, что я лечу в Бодайбо знакомиться с делом расхитителей золота, сказал мне еще в Москве: «Только не вздумай там в их психологии копаться! Пиши документальную детективную повесть, и все! Все они, гады, на одно лицо!»

Нет, не на одно. Одно в них только то, что все они предали интересы народа. Кто — ради корысти, кто — из-за честолюбия, кто — из-за рабской угодливости перед «хозяином» и нежелания рисковать своей спокойной жизнью, кто — за бутылку водки, кто—потому, что обиделся на весь свет, а кто — из-за чувства вот так понятой «дружбы», как понял ее «прекраснодушный» Белоусов!..

Откуда такой!

Первым, кого привлек Стукальский в число поставщиков ворованного золота, был Ковалев. Это молодой человек, ему двадцать семь лет, и он всего три года назад окончил вуз.

Ковалев вошел в кабинет начальника тюрьмы, испуганно озираясь по сторонам. Он знал, что с ним хочет побеседовать журналист.

Меня, естественно, интересовало: почему он начал красть золото?

— Кто крал? Я крал? Я ни грамма не взял!

Я опешил. Как же так? Вот обвинительное заключение, вот следственное дело, а в нем подробные показания Ковалева, протоколы его очных ставок с другими обвиняемыми.

— То есть как не крали? А кто же крал?

— Трухин крал! Володька! Владимир Иннокентьевич! А я лишь сдавал золото! Вы мне лишнего не приписывайте! Не выйдет!

Ах, вот что... Да, действительно, он лично не крал золота, которое сдавал в кассу старательского сектора, он лишь подбил на это своего приятеля — инженера Трухина, так как тому легче было выносить металл из шахты. А Ковалев только обеспечил продажу краденого — сговорился со Стукальским, которого знал раньше, по предыдущей совместной работе в старательском секторе. Он сговорился со Стукальским, что принесет золото и что в кассе его оформят как старательское. Стукальский заботливо предупредил его: «Запомни, сдавать будешь только Соне, больше никому». Сипеева приняла от него золото моментально, не спрашивая ничего лишнего. «Сонька» задала один лишь вопрос: «Фамилию какую писать будем?» «Иванов»,— ответил он...

В следственном деле я видел двойной лист бумаги, весь покрытый одной только подписью: «Иванов». Я сначала даже не понял, в чем дело. Кроме этой фамилии, на листке не было ничего. Но потом сообразил: это следователь заставил Ковалева воспроизвести свою подпись, которую он поставил в знаменитом первом реестре, составленном Сипеевой, том самом реестре, который потом украсили своими визами Ремизов и Кожевин. Ковалев аккуратно исписал весь лист подписями, совершенно точно совпадавшими с той, что на реестре: «Иванов, Иванов, Иванов...» Раз сто!

Да, он золото не крал, он его только «реализовывал»!

Ковалев, огрызаясь, смотрит в окно. Из его камеры можно увидеть лишь тюремную стену, оплетенную поверху колючей проволокой, да узкий четырехугольный, точно отмеренный, кусок неба. Здесь же, из окна,— тюрьма расположена на самом верху города, на горе,—

открывается величественный простор, покрытые молодым снегом дальние сопки с восклицательными знаками деревьев на них. Хорошо пройтись по морозцу на вольной воле!..

— Значит, крали не вы, вы были только передаточной инстанцией?

— Все крали! И Ремизов — будьте уверены! — не даром Михайлову в кассу привел, и Сипеева долю имела ото всех, и Стукальский без конца за чужой счет пил! Что, его за прекрасные глаза поили? Дураков нет!

— И вы решили, что будете дураком, если не последуете их примеру? Так, что ли?

— Как хотите, так и понимайте. Попали бы в мои условия, тоже начали бы воровать!

— Какие это особые условия у вас были? Зарабатывали вы, насколько я знаю, немало...

— Как немало? Откуда немало? Как раз очень мало!

— Ну почему же? Вот мне дали справку из бухгалтерии: за последние (до тюрьмы) двадцать три месяца работы вы получили пятьдесят тысяч триста семьдесят рублей. Это выходит в среднем две тысячи двести в месяц.

— Ничего подобного! Я получал вначале тысячу четыреста, тысячу пятьсот максимум!

— Значит, если первый год вы зарабатывали в месяц меньше на семьсот или восемьсот, то во второй год у вас соответственно пришлось на ту же сумму в месяц больше, то есть две тысячи девятьсот или все три. Что же вы прибедняетесь?

— А потому, что все равно не хватало. Я не один — у меня жена, ребенок. И потом, почему это я должен был без конца считать каждую копейку? Лишнюю кружку пива — подумай! Выходной костюм — воздержись! А я и так всю жизнь воздерживался! В школе учился,— кроме хлеба и супа, не видел ничего. Нас куча детей у отца была, а отец — чернорабочий, что он зарабатывал! В вуз пошел — опять на одну стипендию жался! А вы знаете, как на стипендию жить? Знаете? — Он оторвался от окна, впился в меня бешеным взглядом. Тонкие губы его побелели, они были искусаны от злости.— Что вы все нас учите: потерпите, воздержитесь!.. Кругом люди живут — огого как! А я — воздержись? Сколько мне надо было воздерживаться?! Я пятнадцать лет учился, все ждал, вот стану специалистом... А стал — и пожалуйста: рядовой шахтер получает больше меня, инженера. Скажете, нет?

Неужели мы сами воспитали такого выродка? Да, сами. Он спрашивает меня, знаю ли я, что такое жить на стипендию. Он корит сейчас всех за то, что сидел в школе на одном хлебе и супе, за то, что государство, пятнадцать лет обучая его, кормило при этом не так, как он считал нужным. Он пошел в школу в 1941 году, когда на койке рядом со мной, в медсанбате на Ленинградском фронте, в кольце блокады, умирал Женя Ковжик. Жене Ковжику было восемнадцать или девятнадцать лет, он пошел добровольцем в народное ополчение и был смертельно ранен в первом же бою. Он ни разу не успел даже выстрелить во врага! Он был ранен в горло, у него все клокотало там, он не мог произнести ни слова, он только безмолвно показал нам, соседям по палате, на хлеб, который сестра положила ему на тумбочку,— двести пятьдесят граммов блокадного хлеба с мякиной, дневной паек: «Нате, возьмите, я не в состоянии глотать». И когда он к вечеру умер, мы разделили эти двести пятьдесят граммов на семь человек в палате...

Женя Ковжик не окончил института. Он ушел в ополчение со второго курса. Чего недодал Женя Ковжик этому Ковалеву?

Нет, это перед Женей Ковжиком мы в долгу — вот перед кем! — что посмели уговорить себя: хватит-де, мол, все про войну да про войну вспоминать! И вырастили такого Ивана, не помнящего родства, как Ковалев! Это мы виноваты в том, что решили: ладно, если уж так сложилось, что война исковеркала нашу собственную жизнь, то пусть хоть дети наши не будут отравлены воспоминаниями о ней!

Ковалева по окончании вуза послали работать в Артемовское приисковое управление. Он ехал сюда по железной дороге из Бодайбо. Последняя станция перед Артемовским — Апрельская. Прежде она называлась прииск Надеждинский. Апрельской она названа уже при Советской власти, в память страшного дня четвертого апреля 1912 года, когда здесь расстреляли демонстрацию приисковых рабочих, требовавших от администрации хоть мало-мальского улучшения невыносимых жизненных условий. Двести пятьдесят два человека легли тогда трупами на стылую землю прииска Надеждинского, двести семьдесят свалились ранеными. Это был Ленский расстрел, всколыхнувший всю Россию.

И я помню, как в дни моей комсомольской юности наша страна отмечала каждую годовщину Ленского расстрела. А что знает о ленских событиях Ковалев, хотя он проработал буквально рядом с Апрельской два года?

Я спросил его об этом. Он отмахнулся:

— Знаю! Проходили!

Врет, ничего не знает! Но дело даже не в том, чтобы просто знал... Если был «охвачен» занятиями в соответствующем кружке политучебы, то, может, и знал; даже наверное знал. Но он ведь и комсомолом был «охвачен», и профсоюзом, и многими другими организациями. Вот только в душу ему, видно, никто ни разу не заглянул. С курса на курс переходил без хлопот для всех этих организаций, «нагрузки» нес исправно. Так и проглядели, что у человека вместо души. Так и не заметил никто: шире всего глаза Ковалева раскрывались не на то, чтобы увидеть, как сказочно воспряла наша Родина после неслыханных разорений, принесенных войной, как героически повсюду трудится народ, как, несмотря на многие и многие все еще не преодоленные трудности, все лучше, однако, живут советские люди,— разве можно сравнить уровень нашей жизни с тем, каким он был десять лет назад или пять! Или даже три года назад! Никто не заметил, что шире всего глаза Ковалева были раскрыты только на одно: где, кто и сколько урвал. Он и не хотел видеть ничего другого — только такой взгляд на мир утверждал его в собственной полноценности. А тех, кто не хапал, он считал лишь неудачниками!

...Неожиданно Ковалев переходит в «наступление».

— У меня осталась сейчас больная жена, больной ребенок, они совершенно без средств к существованию. Почему мне не сообщают, разрешили им воспользоваться деньгами, которые оставались у меня на аккредитиве, или нет? Что это за жестокость?!

— Обождите! — Я, кажется, прочел в «деле», что следователь разрешил его жене снять какую-то сумму с этого аккредитива, но точно не помнил.— А какие это деньги у вас на аккредитиве? Те, что вы получали за ворованное у государства золото? Почему вы считаете, что они ваши?

— Все равно, жена и ребенок без средств. Что же, никто о них позаботиться не должен?

Ковалев в тюрьме уже больше четырех месяцев. Но этот человек никак не пришел к тому спасительному для преступника внутреннему убеждению, что да, он виноват, он преступник не только перед законом, но и перед людьми и собственной совестью и что наказание, которое его ждет, он заслужил.

Ковалев все еще дотошно выискивает: а чего ему недодали? Нет, он не все перечислил, дудки! Он перескакивает на совсем другую как будто бы тему, но, однако, и в ней продолжает все тот же разговор.

— В вузе нам рисовали картины высшей механизации, знакомили с самыми передовыми способами добычи металла — с драгами, с чем хотите, а на Артемовском прииске — знаете что? Кайло и тачка! Сорок, а то и все пятьдесят метров лазаешь по стремянкам, как обезьяна, вверх и вниз, даже клети нет!

— Ну и что же?

Он как будто налетел с ходу на неожиданную стену.

— То есть как это что же?

— А вот так. Та шахта Артемовского прииска, на которой вы работали, рассчитана лишь на четыре года эксплуатации. Вы это знаете лучше меня. Там запасы на исходе, и просто уже невыгодно вкладывать сейчас большие средства в механизацию: она не окупится. А драг у Лензолота — жаловаться нечего! — хватает. Сколько их можно насчитать хотя бы по дороге из Бодайбо на Артемовский? Что ж вы клевещете, что вас и тут в чем-то обманули? Как вас понять: вы, дескать, одарили государство доверием, а вам вместо механизации подсунули кайло и тачку! Так, что ли? Но разве профессора в вузе говорили вам, что у нас в золотопромышленности всюду уже только драги и экскаваторы? Нет же!

— Да, но молодого-то специалиста могли послать туда, где применяют самые совершенные способы добычи, а не самые примитивные!

— Ах, вот в чем дело!.. Значит, вам почему-то должны во всех случаях жизни предоставлять только самое лучшее, а что похуже — то остальным. Понятно... А вы не находите, Ковалев, что вы, пожалуй, злоупотребляете словом «должен»? И государство вам должно, и вуз вам недодал, и даже прокуратура, изволите видеть, вам что-то должна... Кто еще вам должен? И что именно?..

Но он не пожелал отвечать на мой вопрос.

Один из главных обвиняемых

Исполняющий обязанности главного геолога шахты № 51 Трухин (или «Володька», как назвал мне его Ковалев, вместе с ним окончивший в 1958 году иркутский горный институт) пользовался по своей должности правом выхода из шахты без контрольного досмотра.

Ковалев не мог перенести, что «бесполезно» пропадает такая богатейшая возможность! Они были в хороших отношениях между собой, Ковалев и Трухин. Их связывали воспоминания о совместной учебе в институте, почти одинаковые трудности, возникающие перед неоперившимися специалистами на первой работе. Привязывало, наконец, Трухина к Ковалеву и то, что он вскоре остался на Артемовском без семьи, один: тяжело заболел ребенок, и жена, Эмма, улетела с ним в Иркутск.

Володя Трухин затосковал... Стал все чаще захаживать в дом Ковалева — хоть у чужого огня немного погреться,— начал прикладываться к рюмочке...

А Ковалев был верным другом — всегда разделял с Трухиным и выпивку и закуску. (Тем более, что и то и другое гость, как правило, приносил с собой.) Трухину в ту пору как-то по душе была даже злость Ковалева. Не тянуло видеть веселые лица, казалось, что такие люди не в состоянии понять его настроения...

Кто знает, если бы душевным состоянием Володи Трухина, человека слабовольного и не приученного прошедшей жизнью ни к каким невзгодам и трудностям, поинтересовались в то время более старшие товарищи, может быть, и не сидел бы он сегодня в бодайбинской тюрьме... Или если бы из комсомольской организации кто-нибудь заметил его настроение... Но он не приходил жаловаться ни к кому ни на что. И до сих пор не может объяснить, как он все-таки согласился красть золото.

— Когда Ковалев первый раз сказал мне: «Володька, а ты знаешь, тебе ж ничего не стоит вынести из шахты один-другой самородок, а мне ты как помог бы... Трудно мне, Володька!..» — я тогда чуть в зубы ему не двинул. «Обалдел ты, что ли?!» «Ничего не обалдел, я тебе — как другу... Государство ж этого золота не потеряет, только пройдет металл не через кассу шахты, а через кассу старательского сектора. Всего и дел...» «Катись ты!..»

В тот раз Трухин ушел от Ковалева, даже не попрощавшись.

— Но через сколько-то времени я снова зашел к нему — деваться-то у нас некуда! А он опять принялся точить: «Вынеси! Разве ты не видишь, каково мне на тысячу четыреста? Да и тебе надо Эмме в Иркутск послать...» В общем, хотите верьте, хотите нет,— я сразу во всем признался. И рад, что признался! Скорее бы суд, и скорее бы мне начать отсиживать свой срок. Я еще молодой. Сколько бы ни дали, выйду из тюрьмы не таким уж старым, вернусь к жене, к детям, скажу: да, был подлецом, сам не знаю, зачем им стал. Однако теперь отсидел все и снова могу вам в глаза смотреть. И я уверен: еще заслужу уважение своих детей. Вот во время войны, я слышал, заключенным разрешали в штрафные роты на фронт идти. Я бы первым пошел!.. И, может, жена все-таки примет меня, когда я отсижу... До сих пор не понимаю, как я взял самородок! Но когда я вышел с ним из шахты, увидел солнце, все будто перевернулось во мне. Бросился, как сумасшедший, назад, вроде забыл что-то в шахте, и в первую же вагонетку швыр-

нул тот самородок. Я же деньгами за золото так и не воспользовался. Ни копейкой!

Как ни странно, но, кажется, это соответствует истине. Из материалов дела видно, что Трухины не приобрели себе ничего сверх того, что позволяла им зарплата. На сберкнижке у них тоже не оказалось почти никаких сбережений. Куда же Трухин дел деньги? Он же получил от Ковалева в общей сложности почти четырнадцать тысяч в старых ценах!

— Все деньги, что я получил за золото, пропил. Ни копейки не смог на себя потратить! Первый раз, когда Ковалев дал мне тысячу с лишним, я пошел на почту — хотел отправить их Эмме. Но как подумал: что ж это получается? Чтоб Эмма от меня получала ворованные деньги? Даже перевода не кончил писать! Разорвал бланк — и прочь из почты! Ходил, ходил по улицам... Дошел до магазина. Давно хотел приобрести себе электробритву «Харьков». Она дорогая — двести двадцать пять рублей старыми деньгами, если в футляре. И в магазине бывает не так уж часто. А тут зашел — она как раз есть. Но опять как подумал, что я каждый день, только начну бриться, стану вспоминать, откуда она у меня,— отдал ее продавщице. Помню, еще сказал ей: «Да, хороша машинка, но денег сейчас не хватает...» Вот как было дело... Больше того: с тех пор, как вынес первый самородок, я даже членские взносы в комсомол перестал платить: сам себя не смел больше считать комсомольцем!

Да, он не врет и тут. Из комсомольского билета, отобранного у него при аресте, было видно, что взносов он не платил больше года.

— И в вашей организации никто на это так и не обратил внимания? Вы же были, по-моему, даже членом шахткома комсомола?

— Да, был... Ну и что... Первое время, правда, спрашивали: «Что ж ты?» — но я отнекивался: «Сейчас денег нет, то да се, вот в получку уплачу...» А потом перестали спрашивать: нет так нет! В конце концов мое дело...

Он мне рассказывает, как много раз ходил возле милиции: все ждал хоть какого-нибудь толчка, чтобы признаться. И я ему верю. Но внешнего толчка не было, а внутренних сил — сделать это самому — у Трухина не нашлось. Шел человек ко дну, показалась пара пузырей на поверхности, и все. Никто даже внимания не обратил...

— Послушайте, Трухин, я не понимаю одной вещи: в ваших показаниях вы утверждаете, что вы человек непьющий, во всяком случае, не алкоголик. А мне говорите, что пропили почти четырнадцать тысяч. Как же так?

— А просто, товарищ корреспондент.— И тут же спохватывается и виновато улыбается: — Простите, пожалуйста, оговорился: гражданин корреспондент. Просто: я ж их не сам пропивал. Вот получу от Ковалева деньги, накуплю водки или шампанского, принесу в общежитие к ребятам, выставлю на стол: подходи, наваливайся! А у нас так: пришел — значит, гость; литр поставил — хозяин!

— И никто у вас ни разу не спросил, с чего это вы все угощаете да угощаете?

— А кто ж у «хозяина» спросит? Нет, никто. Кроме следователя прокуратуры, в конце концов... Но я даже рад был этому концу, честное слово!

Сидит передо мной юноша с беспокойными, тоскливыми глазами и беспрерывно вертит в руках пепельницу...

— Не знаю, захочет Эмма повидать меня, нет ли?.. Как вы думаете, а? Может быть, все-таки захочет?

«Да, с идеологической работой у нас не все в порядке...»

«Дело» я изучил, с основными обвиняемыми (кроме Ремизова) встретился; пора было ехать в Артемовский и посмотреть, как же выглядит этот прииск, где оказалось так легко одних людей склонить к расхищению государственных ценностей, других уговорить помалкивать об этом.

Я приехал в Артемовский в воскресенье. Пассажирский состав из четырех вагончиков одолел семидесятикилометровое расстояние от Бодайбо за четыре с лишним часа: дорога все время кружила между сопок.

«Где золото роют в горах» — эта строчка из песни точна, как если бы была взята из учебника географии, Бодайбо расположен на высоте тысячи двухсот метров над уровнем моря, Артемовский — еще на пятьсот метров выше.

Когда наш паровоз в конце концов справился со своей задачей, все пассажиры, обгоняя друг друга, кинулись за здание вокзала: может, там стоит какой-нибудь случайный автобус? Воскресенье, автобусы управления прииска свободны, можно было бы и облегчить людям передвижение... Но автобуса не оказалось, и все прибывшие потащились по домам пешком.

Беспрерывно трещали на дороге мотоциклы. День стоял солнечный, яркий. Мотоциклов в Артемовском больше трехсот — заработки у горняков высокие. И молодые владельцы «Яв» и «ИЖей» целое утро выходного дня гоняли машины из поселка на вокзал и в другие близлежащие поселки — все-таки развлечение!

Спешить мне было некуда, и я решил посмотреть, как можно провести в Артемовском выходной.

Дорога — мимо магазинов продуктового, промтоварного, книжного, булочной, столовой самообслуживания, приискового управления с громадной, но на редкость казенно оформленной доской почета перед ним — привела меня наконец к клубу. Это едва ли не самое большое здание поселка. Над входом — плакат: «Добро пожаловать». Но воспользоваться приглашением было невозможно: клуб на замке.

Я спросил мальчишек, терпеливо дожидавшихся на морозе начала продажи билетов на киносеанс, не бывает ли клуб открыт также и днем — для работающих в вечернюю смену, но они по одному этому вопросу сразу определили во мне приезжего.

...Я отправился по магазинам. В промтоварном стояла толпа — ни за чем, просто так: разговаривали друг с другом, шутили, разглядывали товары. Товаров было много. Спрашивали, однако, самые дорогие, причем спрос явно превышал предложение.

В продуктовом скапливались очереди, хотя на полках было все, что душе угодно: мука и крупы — рис, пшено, ячневая, манная; картофель, морковь, коренья; мясо — говядина, баранина, свинина, битая птица; рыба — тоже самая различная: таймень, треска, осетрина свежемороженая, сельди соленые и копченые; масло — сливочное, растительное; жиры, сыры; конфеты, наверно, двадцати сортов; фрукты — яблоки, виноград; печенье, джемы, конфитюры, варенья... Но продавщиц непрерывно отвлекали, требуя отпустить «штучный товар»: водку, шампанское, портвейн.

Я спросил у заведующего: «Как выполняется план торговли по спирто-водочным изделиям?» Он усмехнулся: «Да уж не хуже, чем на прииске по золоту! Сто тридцать — сто сорок процентов всегда даем. Было бы только товару в достатке!»

К вечеру я все же попал в клуб. Большой кинозал, просторное пустое фойе, где прямо против входа, на самом видном месте, красовалась выполненная масляными красками доска с обязательствами коллектива прииска. Список подписей под ними возглавляла фамилия Ремизова. Правда, ее замазали белилами, но это не помогло: старые буквы проступали явственно.

Есть в клубе и библиотека, вход в нее отдельный. Она в этот день как раз открылась после того, как полтора месяца не работала: сооружали новые стеллажи для книг. Сооружали их очень долго потому, что решили украсить каждую полку точеной рейкой, которая, кстати, только препятствовала свободно снимать книгу...

Библиотекарша сетовала:

— Просила ведь: не надо! Просто умоляла! Но заместитель начальника прииска распорядился: «Нет, так будет красивей!» И все!

Надо было видеть радость читателей, которые, на всякий случай и сегодня дернув дверь библиотеки, вдруг обнаружили, что она вновь открыта!..

С секретарем парткома Артемовского приискового управления Василием Матвеевичем Князевым я встретился только на следующий день: до ночи я пробыл в клубе, где под аккордеон танцевала молодежь, уплатив по двугривенному за билет, и где то и дело вспыхивали у входа площадная брань и драки. Это ломились в клуб пьяные, они тоже скучали...

Василий Матвеевич — мужчина лет под пятьдесят, местный житель, проведший тут всю жизнь в отличие от большинства нынешних артемовцев, людей приезжих,— спросил меня:

— Ну, как вам у нас понравилось?

Я рассказал все, что видел.

— Да,— согласился Василий Матвеевич,— недоглядели без меня с этими стеллажами, я как раз в отпуск уезжал. Но теперь будьте спокойны! Сразу хозяйственников вздуем! Правда, с рабочей силой у них этот месяц действительно туговато было...

— С какой рабочей силой?

— Ну, с плотниками.

— А вы думаете, если бы библиотека обратилась к читателям с призывом выйти на воскресник, чтобы изготовить все необходимые стеллажи, потребовалась бы еще дополнительная рабочая сила? Вот я вчера посидел часок в библиотеке и увидел, что очень, очень много товарищей предлагали библиотекарше свою помощь — и для того, чтобы расставить книги по порядку и чтобы полки доделать.

— Что ж, эту инициативу надо будет поддержать.

Потом разговор зашел о клубе, о том, как плохо он работает; и что молодежь изнывает там от скуки; и что мотоциклисты с удовольствием посещали бы курсы водителей, но занятия на этих курсах велись через пень колоду и за целый год курсы окончило считанное число людей; и что ребята рады были бы заняться такими видами спорта, как борьба, бокс, самбо,— шахтеры же, здоровяки!

— Ну, этого мнения, положим, я не разделяю: чтобы всем и каждому разрешить заниматься самбо!

— Почему?

— А по очень простой причине! Представляете, если хулиган овладеет всеми приемами самбо!

Но тем не менее товарищ Князев согласен: клуб работает плохо, и тем, кто идет во вторую смену, деться днем действительно некуда.

— Правильно, это все наши промашки. Както недодумали мы этого. Все, знаете ли, план да план — все внимание ему. А кое-что из-за этого, так сказать, упускаем...

— Простите, Василий Матвеевич, что я перескакиваю с темы на тему. Хотел узнать у вас еще одну вещь: как это случилось, что партком чуть ли не перед самым разоблачением всей группы расхитителей золота поддержал выдвижение Ремизова на высшую должность — заместителя управляющего трестом? Не говоря уже о том, как он держал себя с рабочими, он ведь и пил, да так, что это компрометировало его в глазах всего прииска!

— Да, недостаточно мы еще изучаем наши кадры. Выпивки, конечно, замечали, но так, чтобы он на работу пьяным ходил,— этого не бывало. А хозяйственником действительно считали крепким. План выполнялся хорошо...

— Но ведь план — это не только цифры, это и души людей! А между тем я слышал, что у вас даже после того, как милиция и прокуратура раскрыли шайку расхитителей золота, нашлись защитники Ремизова! Разве не странно, что на общем собрании рабочих и служащих, посвященном этому делу, выступает новый начальник прииска, Неудачин, и заявляет, что ничего преступного в действиях Ремизова как руководителя прииска не видит?

— Да, с идеологической работой у нас не все в порядке. На днях как раз проводим партком по этому вопросу. Но, скажу вам откровенно, уж очень трудно раскачивать народ на какие-нибудь культурно-массовые мероприятия. Особенно вот молодежь — какая-то инертная она. И самодеятельность организовали и многое другое налаживаем... Почти никуда ее не затащишь.

— А зачем «тащить»? Я думаю, она сама с удовольствием пойдет туда, где ей будет интересно и где она не будет постоянно чувствовать себя под чьей-то мелочной опекой. Может, дело не в том, что она якобы инертна, а в том, что кое-кто из руководителей не находит с ней общего языка?

* * *

Но я, кажется, сильно отклонился от своей непосредственной темы — о расхитителях золота. Или нет? Во всяком случае, теперь я точно вижу: детективной повести у меня не

получилось. Настолько, что я даже забыл рассказать, как все-таки было раскрыто это дело.

Оно было раскрыто вот как. Однажды (а именно 6 июня 1961 года) «Сонька Золотая ручка», закончив свой рабочий день и опечатав кассу, вдруг спохватилась, что забыла там свою хозяйственную сумку. Это показалось подозрительным, но ей не подали виду, что она вызвала подозрение у охраны, и разрешили вернуться. Когда же затем вынесенную сумку подвергли осмотру, то обнаружили в ней пятьсот четырнадцать граммов золота. Составили акт (присутствовавший при этом Стукальский с перепугу даже дважды расписался под ним!), «Соньку» начали допрашивать, предполагая, естественно, что она связана с каким-нибудь тайным скупщиком. Она заявила наотрез, что никаких скупщиков знать не знает и ни с кем из них ни под каким видом не связана. Тогда ее спросили: «Зачем вы все-таки похитили золото?» «Сонька» ответила, что она его не похищала, что завтра принесла бы это золото обратно. Такое заявление показалось еще более странным.

— Зачем же вы утаскивали золото? Чтобы завтра принести его на место?

— Боялась внезапной ревизии... Золото-то было не заприходовано...

— Почему же вы его не заприходовали сегодня, если все равно сделали бы это, по вашим словам, завтра?

— А вот почему: если завтра золота от старателей поступит мало, тогда можно будет показать, что план выполняется каждый день! — выкручивалась Сипеева.

Однако Сипеева могла проделать такую махинацию только в том случае, если сдатчик золота не требовал от нее квитанции, то есть был с нею в жульническом сговоре. Ей это так и сказали. Тогда она поняла, что надо рассказывать все до конца, во всяком случае, все до конца, что касается самой механики сдачи золота через кассу старательского сектора, разработанной ею и Стукальским. И Сипеева начала называть сообщников одного за другим, при этом старательно выгораживая себя: это, мол, я сделала по распоряжению Стукальского; реестр мне подписали Ремизов и Кожевин; доли за то, что принимала ворованное золото, не получала ни от кого — просто в благодарность мне подбрасывали кто сотню, кто две...

— А случалось, и тысячи?

— Случалось, кто за копейку не жался.

— В «благодарность»?

— А то как же еще? Это традиция такая...

После Сипеевой заговорили остальные, кого она назвала. Одни раньше, другие позже...

...Вот, пожалуй, и все. А детективной повести я и не обещал.

* * *

Рассказ о расхитителях золота уже находился в печати, когда выездная сессия судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда вынесла в Бодайбо приговор по этому делу.

Суд приговорил Ремизова к трем годам лишения свободы, Стукальского, Сипееву, Лагутина и Королева — к пятнадцати годам лишения свободы каждого. Трухина и Ковалева — к десяти, а Белоусова — к шести годам лишения свободы, Михайлову — к шести месяцам лишения свободы, Милашевского — к исправительным работам по месту службы сроком на один год с удержанием из зарплаты пятнадцати процентов. Кроме того, всех, за исключением Милашевского,— к конфискации имущества. Остальные подсудимые также осуждены на различные сроки лишения свободы.

Вынесено судом и частное определение: о нарушении государственного принципа подбора кадров в тресте «Лензолото», о недостаточности контроля со стороны треста за сохранностью золота и о неправильном поведении и злоупотреблении служебным положением со стороны управляющего трестом «Лензолото» Лукинского. Суд определил довести обо всем этом до сведения Иркутского обкома КПСС и Иркутского совнархоза для принятия необходимых мер и поручил также Иркутскому совнархозу взыскать с Лукинского сумму, переплаченную по его вине за самородок золота, найденный мальчиком Невидимовым.

Иркутск — Бодайбо — Артемовский.
Октябрь — декабрь 1961 года.

22 июня 1941 года гитлеровские банды перешли советскую границу. Началась невиданная в истории битва, закончившаяся сокрушительным разгромом коричневого зверя.

22 июня 1961 года, через двадцать лет после рокового для Германии дня, гамбургский журнал «Кристалл» открыл серию публикаций, озаглавленную «Операция Барбаросса». Она продолжается из номера в номер.

реваншизм в целлофане

Г. ГУРКОВ

Несколько месяцев подряд на страницах «Кристалла» гремят пушки, катятся лавины танковых атак, идут дорогами войны солдаты.

Изучение истории — дело, несомненно, весьма полезное. И можно было бы только приветствовать заявление редакторов гамбургского журнала, что они хотят «честно ответить на вопрос: как и почему это было?» Нужно ли говорить, насколько немцы в Западной Германии нуждаются в правдивом и прямом рассказе о том, как в тихих кабинетах германского генштаба готовилась агрессия, о чудовищных преступлениях нацистских палачей, о великом подвиге Советской Армии, освободившей мир от фашистской чумы?

Да, такой рассказ принес бы немалую пользу.

Но «Кристалл» не был бы «Кристаллом», если бы взялся за это.

Цель и смысл его «исторического экскурса» становятся ясны с первого же номера:

ОДУРМАНИВАНИЕ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО ЧИТАТЕЛЯ НОВОЙ ПОРЦИЕЙ РЕВАНШИСТСКОГО ЗЕЛЬЯ.

«НАХ ОСТЕН!»

«Вот уже три дня они со своими танками и бронетранспортерами находились в мрачном еловом лесу. В ночь на 20 июня они с выключенными фарами въехали туда»,— так начинается повествование «Кристалла».

Солдаты ждут. Зачем они здесь? Никто не знает. Тишина. Лягушки квакают у берегов Буга. Что-то должно произойти, но что? Разговоры самые противоречивые. Неужели все-таки... Лейтенант посмотрел на часы. «Потерпите еще час»,— сказал он многозначительно и шагнул в палатку. 10 часов вечера. «4-я рота, я зачитываю приказ фюрера»...

«Оргия темпераментов! — живописует «Кристалл».— Итак, против России!»

И дальше — подробная характеристика боевых группировок нацистского вермахта, их задач. Имена генералов, ответственных за операции. Пунктуально, со знанием дела.

3.10 утра. Из танка с желтой буквой «G» на башне выпрыгивает Гудериан. «Доброе утро, господа!» 3.15. «Гигантская молния разрывает ночь, — взахлеб сообщает «Кристалл».— Мир мертв».

Быть может, это обстоятельство вызывает сожаление у редакторов «Кристалла»? О, нет! В стиле и тоне гитлеровских фронтовых сводок они описывают действия подразделений вермахта. Невозможно передать, с каким щенячьим восторгом это делается.

И ни на секунду редакторам «Кристалла» не приходит в голову, что все, чем они так восхищаются, имеет точное и ясное определение. ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ МИРА.

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ В МУНДИРАХ!

«Снабжение питанием мирных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью».

«Погибнут ли десять тысяч русских баб от изнурения во время рытья противотанковых рвов, меня не интересует. Для меня важно только одно — когда этот ров будет закончен для Германии».

«Здравое чувство мести и отвращения ко всему русскому должно не подавляться у солдат, а, напротив, всячески поощряться».

Нет, это мы цитируем не по «Кристаллу». Это отрывки из документов, представленных Международному военному трибуналу в Нюрнберге. Первый — директива генерал-фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке», второй — речь Гиммлера 4 октября 1943 года перед группой генералов СС, третий — приказ № 0973/41, подписанный генерал-полковником Хотом.

Их было много, таких документов. И за каждым из них — тысячи расстрелянных, повешенных, сожженных в концлагерях, задохнувшихся в жутких «газвагенах», тысячи человеческих жизней, растоптанных войной.

«Кристалл» ни слова не проронил о неслыханных злодеяниях, совершенных нацистскими громилами на советской земле. Ему поверить, так выходит, что коричневое воинство сплошь состояло из цивилизованных и гуманных «крестоносцев», воевавших, что называется, «в белых перчатках».

Слезы умиления обильно текут по страницам «Кристалла», когда заходит речь о действиях эсэсовцев — кровавой гвардии бесноватого фюрера. Оказывается, именно они, эти головорезы из дивизии «Рейх», полка «Бранденбург» и других банд СС, служили... образцом для всех солдат. Ничего не скажешь, образцы, достойные подражания!

«Гауптштурмфюрер СС Франц Вардок любил подвешивать заключенных за ноги к столбам и так оставлять их до наступления смерти; оберштурмфюрер Рокита лично распарывал заключенным животы; начальник следственной части Яновского лагеря Гайне просверливал тела заключенных палкой или куском железа, плоскогубцами вырывал у женщин ногти, затем раздевал свои жертвы, подвешивал за волосы, раскачивал и стрелял по «движущейся мишени» [1].

Вот что такое СС, господа из «Кристалла»! Ничего общего с вашими идиллическими картинками, изображающими этаких рафинированных нибелунгов в черных мундирах.

БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ

«Кристалл» до небес превозносит «наследников Клаузевица» — фашистских генералов, нещадно битых героической Советской Армией. «Выдающийся военный руководитель и лично мужественный человек», «блестящий стратег», «смелое и талантливое руководство» — эпитеты на эпитеты нанизывает журнал, расхваливая Гудериана, Манштейна, Хота и других генералов вермахта.

Чем же тогда объяснить их поражения?

Победителями немецких армий «Кристалл» объявляет осеннюю распутицу и зимнюю стужу. А то, что война против Советского Союза не стала подобной походу на Францию или иным «блицкригам», что вступили в действие «генерал Грязь» и «генерал Мороз», в этом, заявляет «Кристалл», повинен Гит-

[1] Из Сообщения Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях гитлеровских оккупантов на территории Львовской области.

«Кристалл» агитирует за бундесвер

лер. Он не захотел послушать многоопытных военачальников, навязал им свой план боевых действий — и вот результат.

Схема не нова. Гитлер — давно уже политический труп, гальванизировать который, правда, пытаются кое-какие неофашистские организации в ФРГ, но сколько-нибудь значительных успехов они не добились. Другое дело — генералитет вермахта. Во-первых, это — воплощение стратегических и тактических принципов, которые сегодня исповедует западногерманский бундесвер. И «Кристалл» видит свою задачу в том, чтобы поднять на щит эти принципы, заставить читателей (особенно молодых) уверовать в их непогрешимость. Во-вторых, десятки генералов вермахта сегодня командуют соединениями бундесвера — и журнал создает им ореол вдумчивых, человечных и, главное, непобедимых руководителей.

Реваншизм «Кристалла» значительно хитрее, чем, скажем, пропаганда реванша на страницах крикливой газетенки «Штальхельм». Та стучит кулаком и изощряется в площадной ругани. «Кристалл» методично и обстоятельно убеждает. Его реваншизм вкрадчив, он закамуфлирован в умело подтасованные фактические данные. Это, если можно так выразиться, реваншизм в интеллигентной упаковке, реваншизм в целлофане. Но от этого он не становится менее опасным.

Зловеще нашептывая о «постоянной угрозе с Востока», «Кристалл» внушает читателям: значит, правы были лидеры «третьего рейха», бросившие свои бронированные армады «нах Остен». Значит, правы Аденауэр и Штраус, требующие для бундесвера ядерного оружия.

Умалчивая о том, что разгром советским народом, Советской Армией нацистских полчищ был неизбежным торжеством передового общественного строя, рождающего к жизни невиданные силы, разглагольствуя о том, что Германия «чуть было не выиграла войну», «Кристалл» пытается заронить в сознание молодых немцев, не нюхавших пороха, ядовитую мыслишку о р е а л ь н о с т и реванша.

Из номера в номер на страницах журнала по соседству с «Операцией Барбаросса» публикуются рекламные объявления бундесвера, преследующие одну и ту же цель — показать, что сильные стороны германской армии остались, а слабые исчезли. Вот, например, характерная реклама: трое юношей беседуют с министром обороны Штраусом. Текст гласит: «Мы дискутируем с Францем Иозефом Штраусом и приходим к выводу: быть офицером сухопутных сил — хорошая профессия». Смотрите, молодые люди, насколько демократична сегодняшняя западногерманская армия, обольщает «Кристалл». Сам Штраус вот так, запросто разговаривает с новобранцами. Видите, какой он простой и доступный. Не то что Гитлер, из-за которого наши храбрые солдаты и умные генералы проиграли войну. Не волнуйтесь, со Штраусом такого не случится...

Д-Р ЦЕЛЛЬНЕР, ГАНС ШТАТЦ И ДРУГИЕ

После первого анонса «Операции Барбаросса» в редакцию посыпались письма. Уже в первом номере, открывающем серию, журнал напечатал некоторые из них. «Я надеюсь, что в конце вы не забудете подвести баланс. И он может звучать только так: никогда больше не должно быть войны!» — писала в «Кристалл» Маргот Шмутцлер из Ганновера.

Ваши надежды не оправдались, фрау Шмутцлер! Вывод, который напрашивается после чтения напечатанных материалов, совершенно иной. Не к миру, а к новой войне, к реваншу зовет «Кристалл»!

Редакторы гамбургского журнала хотят показать, что они не одиноки в своих взглядах. На помощь мобилизуются читатели. Большая часть отобранных и опубликованных в журнале писем, как и следовало ожидать, содержит всевозможные похвалы в адрес редакции.

«Ваш материал нашел в нашем штабе широкий отклик»,— сообщило «Кристаллу» командование IV военного округа ФРГ. «С большим интересом прочитал первое продолжение документальной серии «Операция Барбаросса» и буду живо следить за дальнейшими продолжениями»,— отозвался полковник генштаба Зицо Хори, военный атташе посольства Японии в Западной Германии. Об «истинном интересе» написал и полковник Лючиано Орландо, военный атташе итальянского посольства в Бонне. Некий Гюнтер Эмке из Дармштадта поздравил «Кристалл» с «мужеством», которое тот проявил, взяв под защиту «оклеветанных» эсэсовцев. А Гейнц О. Винтер из Бад Ротенфельде заявил, что он соберет и переплетет материалы «Кристалла», чтобы в день рождения сына, когда тому исполнится четырнадцать лет, преподнести ему «Операцию Барбаросса» в подарок...

Целый хор милитаристов и реваншистов разных мастей... Но сквозь редакционное сито «Кристалла» просочилось и несколько трезвых голосов. Чтобы создать видимость «объективного подхода», журнал предоставил слово людям, встревоженным тем, что происходит сегодня в Западной Германии, обеспокоенным реваншистскими настроениями, безответственным подстрекательством в прессе.

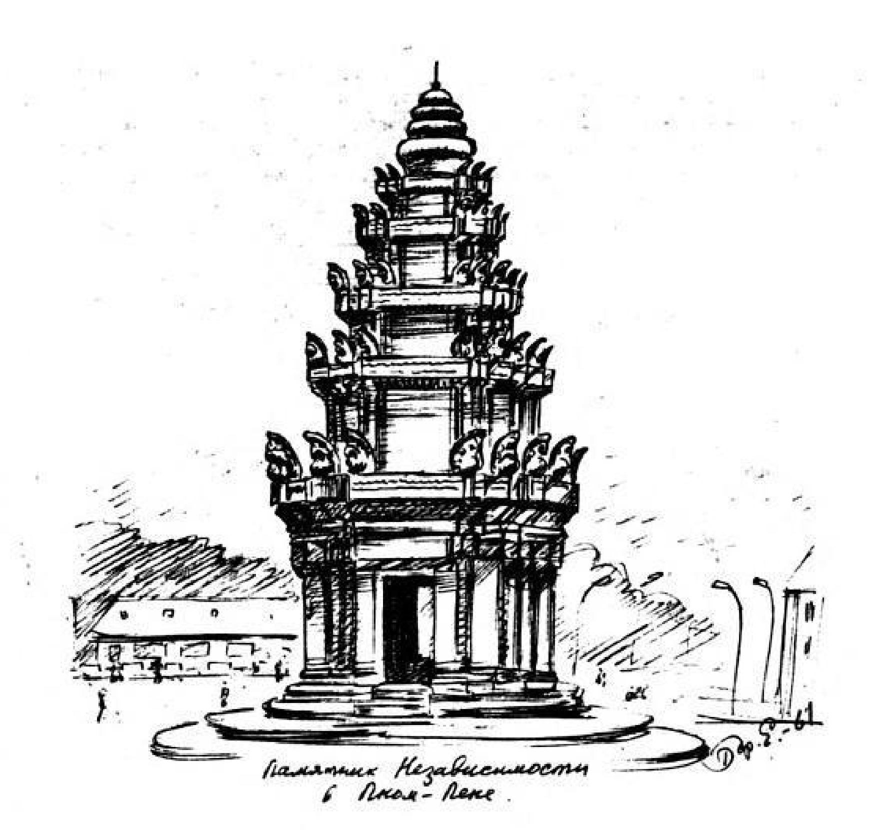
«Когда читаешь ваши военные материалы,— написал в «Кристалл» д-р Цёлльнер из Ваттеншейда,— то создается впечатление, что вы хотите воодушевить немецкую молодежь на новые преступления». А вот еще одно письмо: «Разве это не позор и не стыд, что сегодня дети снова должны играть в войну, тогда как их отцы вернулись домой инвалидами или не вернулись совсем? О письме д-ра Цёллнера я могу сказать только одно: «браво». В порядке информации: я служил в 111-й пехотной и в 510-й моторизованной дивизиях. Свое последнее ранение я получил в феврале 1945 года в Кенигсберге... В доказательство того, что я был солдатом, посылаю тебе и твоим читателям, увлекающимся военными репортажами, свое фото тех времен. Ганс Штатц, Кельн-Бикендорф». Со снимка смотрит молодой солдат с железным крестом на груди...

Немалое число западных немцев сделало выводы из минувшей войны и хорошо понимает, к чему может привести разгул милитаризма и реваншизма в ФРГ. Можно не сомневаться, что в редакцию «Кристалла» пришли не только письма д-ра Цёлльнера и Ганса Штатца, продиктованные голосом разума. Таких писем наверняка было значительно больше, чем их напечатал журнал.

Хочется верить, что голос людей, стремящихся к миру, окажется в Западной Германии сильнее пропаганды войны и реванша и что жители боннской республики сумеют отличить правду от лжи, а здравый смысл — от призывов к национальному самоубийству. Даже если эти призывы преподносятся в целлофановой упаковке.

Трубы и литавры боннских «крестоносцев».

ФАНТАСТИКА ВОСТОКА

Борис ЕФИМОВ

Заметки художника

Неумолкающий ровный звон цикад стоит в ушах. Иногда приходится повышать голос, как в кабине самолета. То бодро шагая по плитам эспланад, раскаленных тропическим солнцем, то осторожно ступая по скользкой зелени бархатного мха, покрывшего ступени темных портиков, где под высокими прохладными сводами шуршат летучие мыши, мы идем среди величественных древних руин. Это настоящие каменные джунгли, густо поросшие джунглями растительными.

В быстро сгущающихся сумерках меж старинных сооружений вдруг появляются странные деревья белесовато-серого цвета. Это «деревья Фромажэ». На высоте примерно пяти-шести метров их голые гладкие стволы вдруг резко расширяются во все стороны прямыми стреловидными гранями, напоминающими стабилизаторы ракеты, и устремляются к земле, расползаясь по ней толстыми цепкими корнями. Подобно гигантским бледным змеям, извиваются они по дорожкам и лестницам, взбираются на арки ворот, оплетают колонны и портики, проникают в трещины старых стен, расшатывают и дробят древние камни. Местами они похожи на щупальца чудовищных спрутов, местами — на хоботы огромных слонов.

Растения, обвивающие седые камни памятников архитектуры, обычно приятны. Но здесь почему-то появлялось иное чувство: становилось жаль прекрасных сооружений, ставших жертвой разрушавшего их дерева-паразита. Невольно приходила на ум аналогия с бездушной и хищной цепкостью колониализма, жадные корни которого, пущенные на благодатной земле Камбоджи, в течение почти ста лет высасывали из нее жизненные соки.

Губернатор провинции Сием Реап, молодой человек в рубашке с раскрытым воротом, рассказывает нам о расширении археологических раскопок, реставрационных работах, о поощрении туризма. Он благодарит нас за посещение и приветствует в нашем лице всех советских людей — друзей кхмерского народа.

Маленький кортеж, предшествуемый мотоциклистом в военной форме и каске, провожает нас до границы провинции. Там все выходят из машин, и на шоссе происходит то, что в официальных отчетах называется «стороны обменялись теплыми речами». Кругом

расстилаются изумрудно-зеленые рисовые поля, рощицы каучуковых деревьев, возле плетенных из соломы свайных домиков кокосовые пальмы покачивают ветвями. Ватага полуголых смуглых ребятишек, раскрыв рты, наблюдает за скромной церемонией. Солнце неистовствует. Впрочем, по местным понятиям, стоит приятная зимняя погода: термометр показывает только тридцать градусов выше нуля. Мы возвращаемся в Пном-Пень после осмотра всемирно прославленных достопримечательностей Ангкора. О них стоит рассказать.

Некогда великолепная столица кхмерского государства, пышная резиденция воинственных и гордых властителей, ныне фантастический мертвый город Ангкор, безусловно, имеет мало равных во всем мире. Раскинувшийся на пространстве около шестисот квадратных километров, этот грандиозный архитектурный ансамбль, созданный тысячу лет назад целой армией рабов, включает более ста храмов, дворцов, галерей, террас, бассейнов, всевозможных святилищ Будды и Вишну.

Торжественные громады Ангкора захватывают величием своих монументальных масштабов. Дворец-храм Ангкор-Ват тянется на полтора километра в длину и километр в ширину. (Вспомним, что длина Колизея около двухсот метров, а ширина — полтораста метров.)

Потрясает необычайное богатство пластических форм Ангкор-Вата — архитектурных и скульптурных деталей, орнаментов, фигур, барельефов, фронтонов, наддверий. Огромный храм с его пятью высокими башнями-куполами сверху донизу покрыт каменной резьбой, создающей удивительно эффектную и контрастную игру света и тени. Здесь нет камня, которого не коснулся бы резец скульптора. Каждый кирпич крепостных стен несет на себе какое-нибудь изображение.

Внутренние украшения храма не менее интересны, чем наружные. С изумлением рассматриваем мы знаменитые барельефы, покрывающие бесконечные галереи Ангкор-Вата сплошным каменным гобеленом, на котором искусные руки неведомых ваятелей прошлого «выткали» картины истории жизни и быта древней Камбоджи. Ритмически повторяясь, подобно изысканному художественному орнаменту, движутся по стенам четкие шеренги воинов, вереницы загадочно улыбающихся девушек-танцовщиц — «апсар». Целые армии, оснащенные боевыми колесницами, слонами и многовесельными галерами, сталкиваются в жестоких сражениях — сухопутных и морских. Придворные церемонии и народные празднества, уличные и семейные сценки, шахматные состязания и петушиные бои — все это продолжает жить в изумительных фресках, еще сохранивших кое-где следы первоначальной яркой раскраски.

Фантастикой Востока веет и от сооружений Байона. Это так называемая «храм-гора» — пагода, в которой нет внутреннего помещения для молящихся: издали, на расстоянии, должны они созерцать величественное обиталище бога. На пьедестале, образованном концентрическими ступенчатыми галереями, поднимаются башни, на которых изваяны огромные лица, обращенные на все четыре стороны света. По существу, это уже не здания, а колоссальные статуи. Увенчанные высокими куполами-тиарами, каменные великаны не грозят, не запугивают — спокойная, благостная и мудрая улыбка играет на гигантских ликах.

Мы идем по древнему городу, добросовестно поднимаясь и спускаясь по немыслимо крутым, почти отвесным лестницам, не переставая дивиться богатству творческого воображения и труду, вложенному в неисчислимые изваяния богов, царей, слонов, львов и мифических существ — полуженщин-полуптиц — «гаруд».

Но самая излюбленная и многократно повторяющаяся здесь скульптура — это огромная семиглавая кобра-нага. Наги господствуют повсюду. Подняв раздувшиеся капюшоны, они встречают вас еще на эспланаде, ведущей к воротам Ангкор-Вата. Их вытянувшиеся на добрую сотню метров цилиндрические тела ползут вдоль парапетов и балюстрад, окаймляют карнизы, сплетаясь хвостами, образуют фонтаны. Сам Будда безмятежно сидит на туго свернутом спиралью туловище наги, как на троне, под сенью ее узорного капюшона.

Из древнего кхмерского искусства наги пришли (вернее, переползли) в современное, став неотъемлемой декоративной деталью новых построек и дворцов. Я видел традиционных змей даже над порталом ультрасовременного здания крупного банка, причем древние кобры были здесь модернизованы, приобретя приятную орнаментальную условность.

Наги венчают и недавно воздвигнутый в столице Камбоджи Памятник Независимости. На каждом из углов пятиярусного монумента пять гигантских кобр грозно поднимают головы, как бы предостерегая врагов, которые вздумали бы нарушить мирную жизнь кхмерского народа. А враги у нейтральной Камбоджи, увы, имеются... На таиландской и южновьетнамской границах не прекращается зловещая возня, раздаются наглые угрозы, под заокеанскую дирижерскую палочку репетируются военные провокации.

Но авантюристам не удается запугать кхмерский народ, полный решимости отстаивать при поддержке всех миролюбивых государств нейтральный и мирный путь развития своей страны.

«Праздник Возвращения вод и Приветствия луне» — так назывались трехдневные национальные торжества, на которых присутствовала и наша делегация Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами.

Жизнерадостная, по-южному пестрая толпа жителей Пном-Пеня плотно заполняет набережную многоводного Тонле Сапа. Каждый спешит занять место пораньше: ведь в 3 часа дня уже начинается программа праздничных водных состязаний. Первое и самое популярное из них — гребная регата. По широкой водной глади несутся ярко раскрашенные пироги. В каждой сорок молодцов в живописных национальных одеждах и карнавальных масках. Стоя или сидя, они налегают на весла, подбадривая друг друга ритмическими возгласами и задорными песнями. Красивое зрелище!

Мы следим за регатой с палубы нарядно убранного флагами, вензелями, коврами и, конечно, неизбежными позолоченными нагами королевского «плавучего дома», пришвартованного к пристани. На местах для гостей преобладают два цвета — белые смокинги дипкорпуса и оранжевые тоги бритоголовых бонз, делегатов Всемирного конгресса буддистов.

После гребной регаты, когда быстрая тропическая ночь вступила в свои права, началось прохождение сказочно иллюминированной флотилии кораблей с аллегорическими изображениями, составленными из электрических фонариков всех цветов радуги. Перед нами проплывали целые живые картины, всевозможные символы и гербы, эмблемы государственных организаций, промышленных предприятий и частных фирм. Одновременно в небе над рекой вспыхивают огромные причудливые цветы фейерверка и, вызывая восторг публики, рассыпаются дождем сверкающих искр.

На плавучей почетной трибуне в центре всеобщего внимания — человек небольшого роста, одетый в простой темно-серый костюм. Его энергичная фигура полна изящества. Он все время в движении, темпераментно разговаривает и спорит, громко и жизнерадостно смеется. Это принц Нородом Сианук, глава государства и правительства, самый популярный и авторитетный человек в стране.

Здесь же в необычной и приподнятой праздничной обстановке произошла беседа принца Сианука с советской культурной делегацией. Руководитель Камбоджи высказал самые сердечные чувства к советскому народу и свои соображения по дальнейшему развитию культурных связей между обеими странами.

Чудесное воплощение советско-кхмерской дружбы мы видели в Пном-Пене — образцово оборудованный госпиталь, с большим размахом построенный советскими людьми в дар жителям Камбоджи. С чувством хорошей гордости обошли мы госпиталь, где рука об руку работают советские и кхмерские врачи. Сквозь стеклянные двери операционной нам было видно, как под наблюдением советского специалиста боролись за жизнь человека молодые кхмерские хирурги.

Не менее выразительным было и другое проявление советско-кхмерских дружеских контактов: в духоте экваториального вечера, умеряемой только вращением вделанных в потолок пропеллеров (неизменная принадлежность любого помещения в Пном-Пене), идут занятия на курсах русского языка. Черноволосый кхмер в клетчатой рубашке поднимается с парты.

— У меня боль-шая семь-я,— старательно выговаривает он непривычные слова,— мой отьец, моя мать, мой брат, моя сестра и я. Мой отьец рабо-та-ет на заводе. Когда он при-ход-ит домой, он отды-хает...

— Очень хорошо. Молодец. Садись,— говорит учительница ленинградка Галина Ивановна.— Кто еще хочет ответить?

О своей большой семье с готовностью сообщают и другие слушатели курсов.

Да, семья действительно большая... Семья народов всей нашей многоплеменной земли. И все члены этой великой семьи, от Пном-Пеня до Москвы и от Москвы до Нью-Йорка, хотят одного и того же — мира, труда, счастья.

В ОБЪЕКТИВЕ — КАМБОДЖА

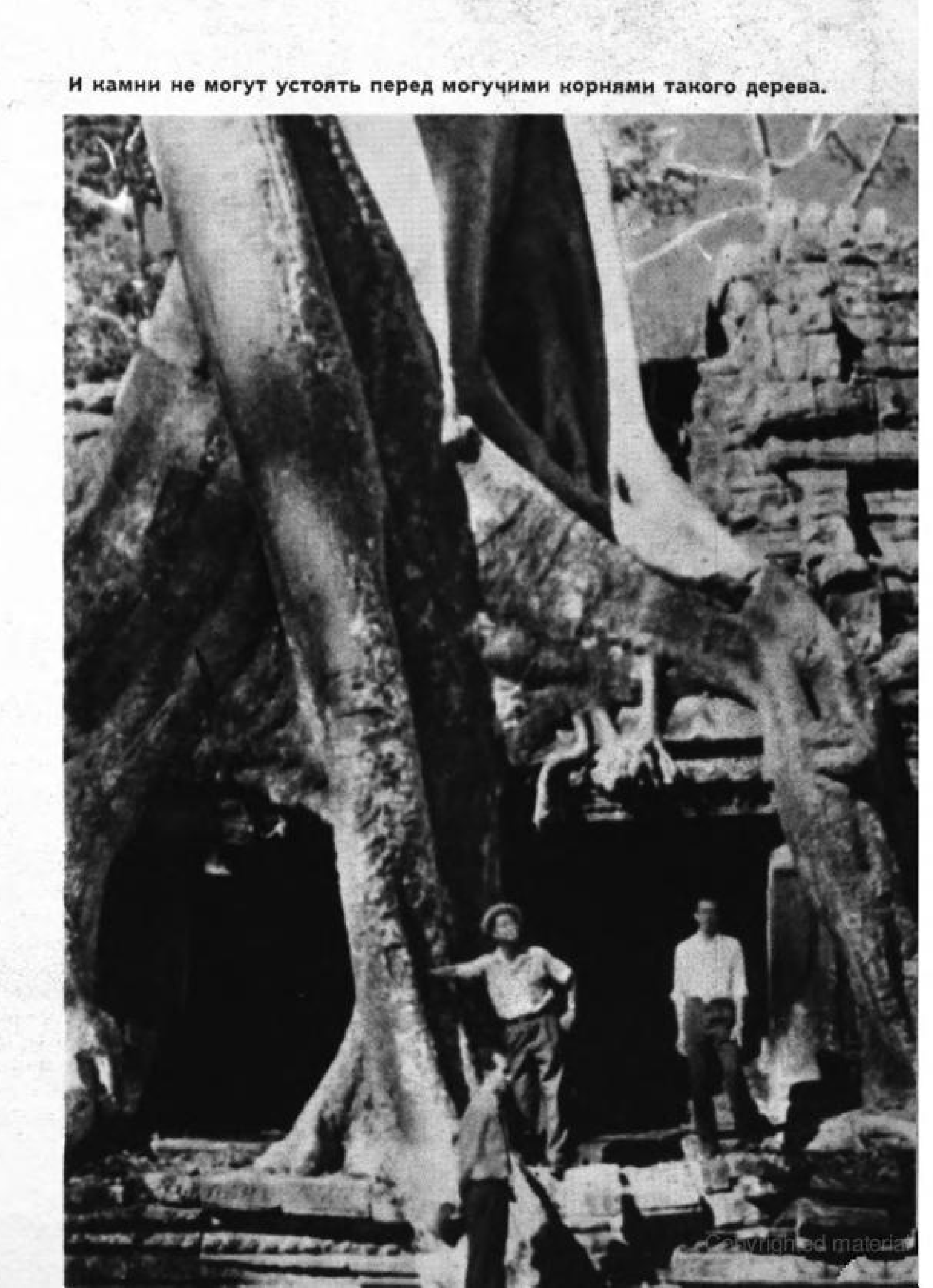
Фото Ю. Яснева.

Над руинами древних храмов плывут звуки народного камбоджийского инструмента аигкуть.

В городах и деревнях, на улицах и рынках — всюду в Камбодже можно встретить бикху — буддийских монахов. Их яркие, похожие на всплески солнца одежды словно хотят поспорить с золотистыми шпилями пагод.

И камни не могут устоять перед могучими корнями такого дерева.

ПРОГРЕСС
КАДРЫ

КУКЛЫ С ХАРАКТЕРОМ

Всякий раз, когда пишут о театральных куклах, начинают примерно так: мы застали их на столе, они сидели молча, лица их выражали удивление... но стоило только прикоснуться актерам, как куклы ожили.

Особенность кукол Екатерины Терентьевны Беклешовой состоит в том, что они продолжают жить и сохранять характер даже тогда, когда к ним никто не прикасается. Перед вами Мефистофель. Посмотрите на выразительный профиль этой куклы. А глаза? Они сильные, умные, злые, зеленовато-ядовитые. Белое лицо в сочетании с черным и красным цветом одежды еще больше усиливает эмоциональное восприятие образа.

Бравый солдат Швейк глядит так, будто сейчас скажет что-нибудь очень заковыристое. Его полное, добродушное лицо, озорные, улыбающиеся глаза, большой нос — все кажется давно знакомым...

Итак, куклы Е. Беклешовой — «самостоятельные» куклы. Ну, а что случится, если все-таки взять их в руки? Выражение их лиц моментально изменится. Произойдет это потому, что Беклешова — создательница мягкомимирующих кукол.

Мягкомимирующие куклы в отличие от других обладают счастливой особенностью: они умеют улыбаться, гневаться и... Словом, у них множество выражений и самые разнообразные характеры. Для того, чтобы научить куклу поразному выражать свои «чувства», пришлось заменить картон, папье-маше, дерево и другие твердые материалы лоскутками тканей. С помощью ножниц, иголки и ниток из крохотных, специально скроенных кусочков шелка, фетра, кожи, сукна составляются части будущего лица, шеи, рук. Каждая кукла «себе на уме» — следовательно, все эмоции должны проявляться у нее индивидуально.

Куклы Беклешовой никогда не походят одна на другую. Художница сама задумывает образ, сама его создает. Екатерина Терентьевна может подолгу разговаривать со своими «питомцами», причем делает она это так, что начинает казаться, будто куклы понимают ее слова.

Есть среди кукол Екатерины Терентьевны особенно известная — лектор, «кандидат околовсяческих наук» Венера Михайловна Пустомельская. У этой дамы выразительны не только звание и фамилия. Вспомните, с каким превосходством частенько появляется она на экране телевизора, на эстраде... Длинная шея, близорукий взгляд, претенциозные прическа и наряд — все это вызывает гомерический хохот еще прежде, чем Венера Михайловна со свойственным ей апломбом начнет лекцию.

А все потому, что характер у куклы очень уж человеческий...

Б. ПОЮРОВСКИЙ

В первом ряду: Собакевич, Плюшкин, Чичиков.

Во втором ряду: Пустомельская, Швейк, доярка Матрена.

В третьем ряду: Коробочка, Варлаам и Мисаил, Мефистофель.

Танцы по-туристски.

Зимняя идиллия.

Расколдованное ненастье

Н. ХРАБРОВА

Фото С. Мигдаля.

Какие осадки должны быть в январе? Что за нелепый вопрос: конечно, снег! А идет дождь! Неделю за неделей он гремит и гремит по ночам о железный подоконник, и кажется, будто кто-то заколдовал зиму, превратил краснощекую Снегурочку в слезливую, раскисшую дурнушку...

И вот начинается густой и темный зимний ароматный лес. Он бережет каждую снежинку, принимает на свои мохнатые ветки дым и копоть, задерживает их на опушках и не пускает в свою глубь теплые морские ветры.

Так и стоят здесь медные ноги сосен глубоко в рыхлых снежных пуховиках, и наперекор двум градусам тепла царит здесь настоящая, свежая зима. И где же? Всего в семидесяти километрах от залитого дождями Таллина! А адрес зимы такой: «Эстонская Швейцария», ландшафтный заповедник и туристская база Аэгвийду-Нелиярве.

Чем ближе к базе, тем пышнее и глубже здесь снег... Стоп! Лыжники! Их много. Весело и ярко пестреют на фоне снега и леса их голубые, зеленые и красные лыжные куртки, вязаные шапочки и пестрые платки. Вот она какая, расколдованная зима! Она несется по крутому спуску так, что свистит в ушах, звонко аукается между стволами и хохочет вон над тем зарывшимся в снег лыжником.

Какой чистый воздух, как хорошо пахнет влажным снегом и хвоей!

А лыжники кто?

Студенты, рабочие, преподаватели, врачи, музыканты. Одним словом, туристы. Те, кто хорошо знает, где прячется зима от оттепели.

Те, кто любит встречный ветер и свежий воздух, качают головой, когда люди жалуются, что нет зимы. Как же нет, если она всегда в это время года есть в Аэгвийду-Нелиярве, только не поленись дойти до вокзала или до автобусной станции! Вы использовали уже свой отпуск летом? Ну, так не теряйте зря конца недели — субботнего вечера и воскресенья: в Нелиярве найдутся ночлег и еда, лыжи вместе с ботинками и костюмами и коньки.

Таллинцы очень любят Нелиярве, особенно нынче, когда снег так дефицитен. А те, кто знает, что зима живет в Нелиярве до конца апреля, заказали заранее места на все субботы и воскресенья. В прошлом году, например, семнадцатого апреля любители солнца в пляжных костюмах загорали в шезлонгах в солярии, а конькобежцы в трусиках и солнечных очках скользили по озеру.

А если есть возможность отдохнуть в будни? Ну, так тоже поезжайте в Нелиярве! Здесь можно получить место и еду на сутки, и на двое, и, если хочешь, хоть на целый месяц. Пятьдесят человек мы застали на турбазе в один непраздничный день в конце января. Студенты Таллинского педагогического института устроили здесь спортивный лагерь: они ходят на лыжах и слушают рассказы бывалых спортсменов. Лыжи, конечно,— главное увлечение зимой. До сумерек пропадают на лыжне и несколько молодых рабочих, приехавших сюда провести пришедшийся на середину недели выходной.

В сумерки лыжи возвращаются на склад, а лыжники — на базу. Выстраивается очередь у бильярда. Победители здесь скромны и не хвастливы, а побежденные стараются как можно больше острить по поводу своих неудач. Кое-кто сидит у радиоприемника, а кое-кто — у телевизора. Высокий парень в клетчатой рубашке на веранде в уголке бренчит и бренчит на пианино: пытается подобрать какой-то несложный мотив.

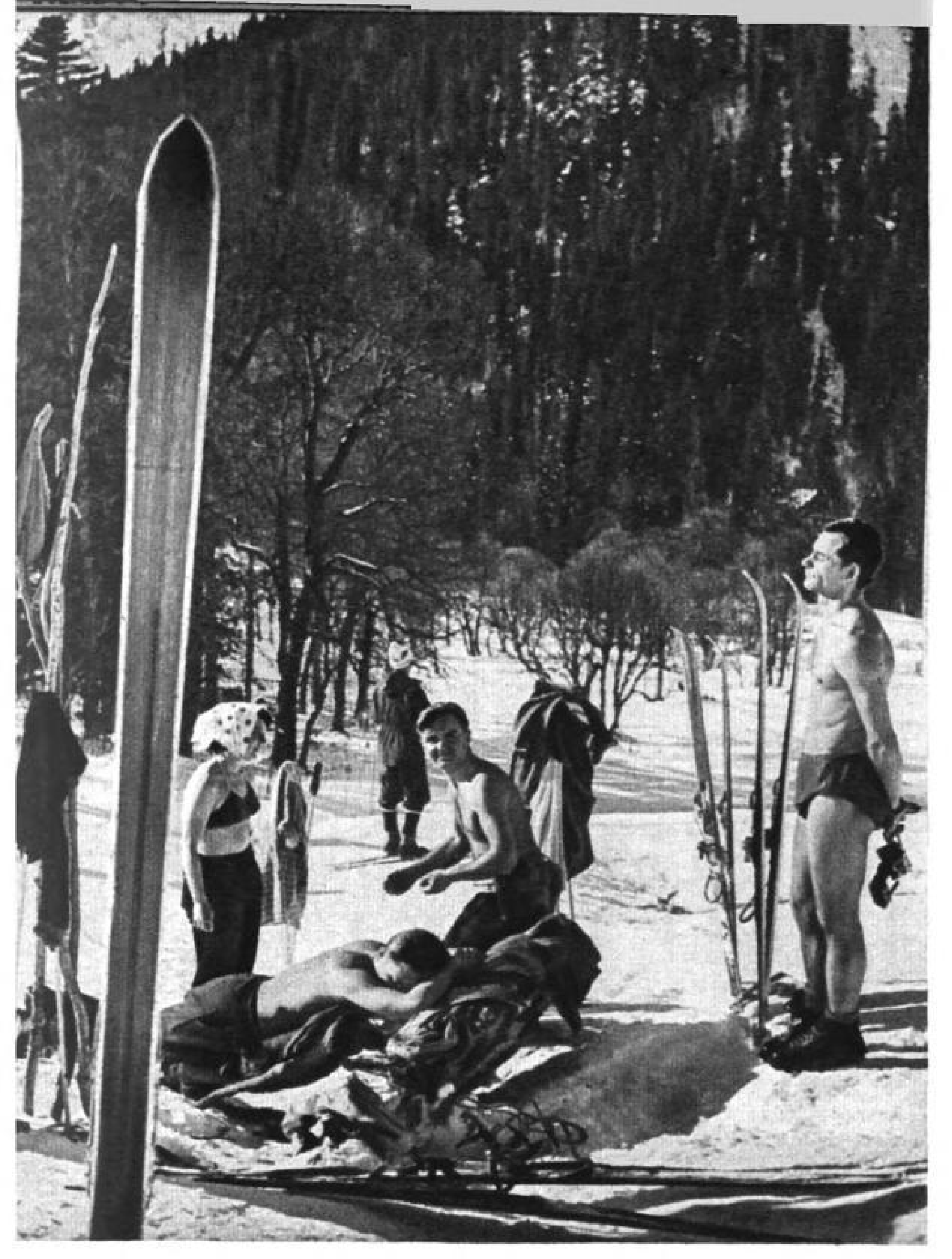
Вечером, когда турбаза светится между елей своими золотыми окнами, на веранду выносят аккордеон, гитару и даже саксофон — среди туристов много музыкантов. И это так понятно: любовь к музыке и любовь к природе живут рядом. Теперь здесь поют, читают стихи, играют. Студенты выбежали на улицу и танцуют вокруг елки похожий на хоровод эстонский танец «Тийна». Потом начинаются танцы современные. Бывают викторины и смешные соревнования: например, кто соберет больше веников. Веники для чего? Ну, конечно, для знаменитой здешней бани! Знаменита она тем, что стоит на самом берегу озера, что в ней парятся почти каждый день, а после парилки некоторые мужественные товарищи ныряют в озерную прорубь. Чемпион таких отважных прыжков нынче — Хейно Липп, в недавнем прошлом известный десятиборец, теперь — преподаватель Таллинского педагогического института.

И невольно думаешь: ну, уж если зимний отдых не лучше, чем летний, то, во всяком случае, и нисколько не хуже!

Весна?

Рис. В. Дрогалина.

Высокогорный лыжный «солярий».

Е. ВАСИЛЬЕВ

Фото Ю. Кривоносова

СОЛНЦЕ С

Домбайская поляна ошеломляет. Красоты Кавказа обступили ее как бы в тщательно отобранном и сконцентрированном виде. Со всех сторон вздымаются ввысь могучие горные хребты. Четко и выпукло обрисовались на голубом небесном экране их ни разу не повторяющиеся, то зубчатые, то пикообразные, то округлые вершины. Убегают к ущельям искрящиеся инеем пихты и сосны. Звенит по обледенелым камням торопливая речка. И повсюду вокруг — плотный, глубокий снег, какой-то стерильной, неправдоподобной белизны. И солнце! Поляна залита ярким, щедрым, ласковым, совсем не зимним, совсем не январским солнцем.

У пассажиров автобуса, прибывшего сюда, на высоту 1 560 метров, разом улучшается настроение. У некоторых оно было значительно ниже нормы. Некоторые считали себя смертельно обиженными судьбой, дирекцией и местькомом. Еще бы! Им не удалось получить отпуск летом. Но здесь, на этой чудесной поляне, кажется, можно недурно отдохнуть!

И вот приехавшие становятся обитателями двухэтажного бревенчатого дома с затейливой башенкой и вывеской «Туристско-экскурсионная база «Солнечная долина». По путевке, купленной за 50 рублей, база обеспечит им на 15 суток кров, стол, лыжный инвентарь, включая специальную обувь, а также спортивный инструктаж и медицинский надзор.

На следующее утро новоселы «Солнечной долины» уже выходят на снег...

Не имеет значения, что одни окажутся в группе разрядников, другие — в группе умеющих ходить на лыжах, а третьи — в группе начинающих. Неважно, что младшему из «нового заезда» 6 лет, а старшему 53 года. Не существенно, кто ты: токарь, музыковед, инженер или бухгалтер... Каждый получит огромное наслаждение от первых же часов, проведенных под солнцем Домбайской поляны.

Для лыжного спорта здесь, как говорится, максимум условий. Всегда безветренно. Морозец днем небольшой. Пасмурная погода — редчайшее исключение. Трассы любые: по ровным местам, по взгорьям, по крутым склонам. Всюду скрип лыж, энергичное движение человеческих фигур, атмосфера веселья.

Новички с необыкновенной быстротой превращаются в завзятых гонщиков и слаломистов. Врача-хирурга, сотрудника одного из московских научно-исследовательских институтов Константина Митрофановича Сиваша я сначала принял за мастера спорта. Уж

Борцы готовятся

С заместителем председателя Федерации борьбы самбо, заслуженным тренером СССР А. А. Харлампиевым мы встретились в борцовском зале, где он занимался со студентами Московского энергетического института. По нашей просьбе А. А. Харлампиев рассказал о возможных выступлениях советских самбистов по японской борьбе дзю-до.

— Как известно, этот вид спорта по предложению японцев включен в программу XVIII Олимпийских игр 1964 года в Токио. Советские борцы знакомы с правилами дзюдо и считают, что они смогут успешно выступить на Олимпийских играх.

Мы не являемся новичками в спортивной борьбе. Если японцы свою джиу-джитсу заимствовали в 1658 году в Китае, откуда приемы этой борьбы вывез японский врач Окаяма, то советские спортсмены могут сослаться на то, что еще в 992 году русский богатырь Ян Усмарь броском победил печенежского колосса, который был на голову выше его. Применение болевых приемов описано в народном калмыцком эпосе «Джангар» и относится к 1440 году. Таких примеров можно было бы привести множество. Опыт использования видов национальной борьбы, которая применялась у нас в стране с давних пор, накоплен немалый. Этот опыт можно успешно противопоставить японской национальной борьбе. Вот почему у советских спортсменов, занимающихся самбо, и созрело желание испытать свои силы в Японии.

Уже сейчас мы имеем возможность назвать многих советских борцов, которые с честью смогут выступить в Токио на соревнованиях по дзю-до. Вот некоторые из них: О. Степанов, московский студент, трехкратный чемпион СССР в полулегком весе; А. Каращук, аспирант Московского энергетического института, трехкратный чемпион СССР в среднем весе; Г. Шульц, преподаватель МВТУ имени Баумана, шестикратный чемпион СССР в полутяжелом весе; А. Кикнадзе, тбилисский динамовец, чемпион СССР в тяжелом весе. Но, кроме этих спортсменов, у нас имеется и одаренная молодежь, которая также готовится к международным соревнованиям. Перед Олимпиадой советские спортсмены выступят на соревнованиях по дзю-до во Франции, Австрии и в других странах.

Интервью «Огонька»

СЛОВО УЧЕНЫМ:

БЫТЬ «МОРОЗОУСТОЙЧИВЫМ»

Профессор В. С. ФАРФЕЛЬ, заведующий кафедрой физиологии Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры

Как физиолог, я должен отдать предпочтение зимнему отдыху прежде всего потому, что он помогает человеку стать более закаленным, «морозоустойчивым», а значит, стать менее подверженным различным заболеваниям.

Возьмите, например, грипп, который так навязчив в пору ненастья, резких перемен температур осенью, весной и в неустойчивые, как сейчас, зимы. Многочисленные исследования доказали, что те, кто занимается зимними видами спорта, кто подолгу бывает на свежем воздухе, почти неуязвимы для столь опасной «мелкоты», как болезнетворные микробы.

Итак, зимние туристские походы повышают сопротивляемость человеческого организма, делают его, если можно так выразиться, «антизаболеваемым». Но не только этим исчерпывается громадная польза длительных лыжных и пеших прогулок. Зимний отдых имеет огромнейшее влияние на центральную нервную систему, а мы к этой сфере относимся совершенно по-варварски и живем по примитивной формуле: работа — дом, дом — работа.

В коротком интервью, естественно, трудно глубоко рассмотреть все положительные факторы зимнего отдыха. Мне хочется добавить только одно: для лиц среднего и пожилого возраста намного полезнее проводить свой очередной отпуск в зимние месяцы, чем «поджариваться» на берегу Черного моря летом, а потом жаловаться на сердце и на повышенное давление.

Итак, дорогие друзья, до встречи с вами далеко за городом, на лесных заснеженных тропах — дорогах здоровья!

Я ЗА «МИКРОТУРИЗМ»!

Профессор В. Н. МАШКОВ, заведующий кафедрой лечебной физкультуры и врачебного контроля Центрального института усовершенствования врачей

По дороге на работу мне часто приходится быть свидетелем одной и той же сценки. Морозное утро. Идет мягкий снежок. На троллейбусной остановке длиннющая очередь. Ничего не поделаешь: часы «пик».

Когда речь заходит о туризме, многие сразу представляют себе человека с огромным рюкзаком за спиной, котелком, запасом продуктов, палаткой и другим снаряжением, человека, который отправляется за десятки километров от города и обязательно на несколько дней. Поэтому-то мне и хочется рассказать о виде туризма, еще не получившем достаточно широкую популярность, — о ближнем туризме, о походе одного дня, о туризме в лесопарковой зоне, окружающей каждый большой город.

Хочется еще рекомендовать, особенно людям среднего и пожилого возраста, городской туризм, или, если хотите, «микротуризм». При поездке на работу сойдите вначале за одну остановку до своей, через неделю — за две, потом — за три. Через месяц-полтора вы так втянетесь, что для вас не представит затруднения пройти до работы 4—5 километров. Взгляните на себя в зеркало после такой прогулки, и вы увидите бодрого и жизнерадостного человека. А от «микротуризма» и походов одного дня до большого туризма один шаг.

Кто же из них первый?

Рисунок М. Каширина.

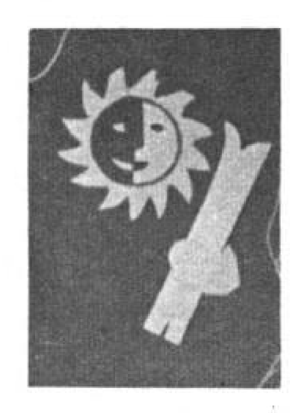
ЛЫЖАМИ В РУКАХ

больно лихо скатывался этот плотный тридцатившестилетний здоровяк с крутых горок и выполнял мудреные повороты. Оказалось же, что Константин Митрофанович впервые в жизни встал на лыжи каких-нибудь десять дней назад. А потом пролетит еще пять дней, и вот позади уже походы к Чучхурскому водопаду, к Гоночхирскому ущелью, к урочищу Алибек. Позади тренировки, зимние солнечные ванны, товарищеские соревнования по слалому и прощальный заключительный вечер.

На вечере «подведены итоги». О, итоги прекрасные! Все поздоровели, все замечательно отдохнули, все клянутся побывать на чудесной поляне еще не один раз. И тем не менее все понимают, что пятнадцать промчавшихся дней можно было бы провести еще лучше.

В таком благодатном месте, как Домбайская поляна, просто грешно сводить многообразие зимнего отдыха к одним лишь лыжам. Отдыхающие на базе не расстаются с лыжами всю первую половину дня. Потом обед, потом мертвый час. Однако «мертвым» остается, к сожалению, и все остальное время до самого отбоя. В темноте на лыжах не пойдешь, да и хватит на сегодня, покатались... И вот люди сидят по комнатам, рассказывая друг другу байки, или же решают нехитрые шарады, предложенные культурником-затейником. Нет, совсем иными должны быть тут вечерние затеи!

Просто удивительно, что нет при базе катка. Пусть даже небольшой площадки, где можно было бы и покататься, и потанцевать на льду, и сыграть в хоккей. Сколько дополнительных удовольствий получили бы приезжающие на Домбайскую поляну! Сколько бы еще пробыли часов на свежем воздухе!

Начальник управления Г. С. Левченко считает, что коньки и катки — это не в плане и не в профиле туристской работы. А вот шарады и байки — в профиле! И финские санки и русские салазки тоже не в профиле и не в плане. По калькуляциям Ставропольского ТЭУ обитатели «Солнечной долины» «отоварены» всем, чем им следует, копейка в копейку.

Но дело, разумеется, не только в том, чтобы наладить работу одной-единственной туристской базы в Домбайской поляне, базы, способной вместить немногим больше ста человек. Район Домбая, как и соседний высокогорный район Карачаево-Черкесской автономной области — район Архыза,— должен стать в ближайшие годы районом массового зимнего отдыха. Решение об этом, принятое в 1960 году, реализуется сейчас с широким государственным размахом.

Строительство в Домбае и Архызе намечено большое, вести его придется несколько лет, но первые новые спортивные базы смогут принять гостей уже через два-три года...

Все материалы, относящиеся к строительству спортивных баз в горах Кавказа, архитекторы метят, чтобы не перепутать, особым значком: солнце держит в руках лыжи. Этот веселый символ может стать эмблемой Архыза и Домбая. Он лаконично выражает самую сущность зимнего отдыха в горах.

Лыжне все возрасты покорны. Самый старший лыжник Домбайской поляны — 53-летний музыковед Дмитрий Васильевич Белобородов из Москвы...

...и самая младшая лыжница — 6-летняя Наташенька Салакина из Ленинграда.

Фотокамера на груди, карабин за плечами

«Бархатному сезону» в Крыму я предпочитаю заснеженный зимний лес, фотокамеру на груди и карабин за плечами. Что из того, что поиски берлоги под Череповцом закончились неудачей? Вместо медвежьей шкуры я привез запас бодрости, интересные снимки и воспоминания о хороших людях, с которыми встречался.

Тысячи любителей зимней рыбалки с субботы на воскресенье разъезжаются по всем окрестным водоемам. Эти «подледники», сидящие на льду Неро, Сенежа и других больших и малых озер, рек и водохранилищ, разве едут на рыбалку только из-за улова? Разве только для этого многие километры шагают они по сугробам, чтобы добраться до «уловистого» местечка? Разве для этого в поте лица долбят и сверлят свои лунки, а потом мерзнут над ними на зимнем ветру? Нет. Они стремятся сюда, не только чтобы наловить рыбы, но и отдохнуть, набраться сил для работы.

Этой зимой я провел свой отпуск на берегах Амура. Со своими дальневосточными друзьями я охотился с ружьем и фотоаппаратом на кабанов и коз, тетеревов и черных дальневосточных белок. Свое положение охотника с ружьем и фотокамерой я считаю беспроигрышным. Посудите сами: окончился зимний охотничий сезон, и я сменил ружье на «Зенит». А добыть хороший трофей с фоторужьем не менее приятно, чем с ружьем обыкновенным...

Так вот, если вы любите русскую природу, если вы не очень изнежены, попробуйте последовать моему примеру. Не пожалеете.

Н. НЕМНОНОВ

Факт... и реклама.
Фото Н. Немнонова, рисунок Ю. Узбякова.

ЗДЕСЬ ГОВОР ТИС

М. АЛЕКСАНДРОВ

Долго будут помниться эти тихие горы, поросшие соснами, и гуцульские приветливые домики с золотистой чешуей на стенах, и улыбчатые ребятишки, и то, как заботливо и дружески старались помочь тебе ближе узнать свой край широкоплечие и статные лесорубы.

Будет помниться и вдруг возникать среди шумов твоего города взволнованный говор стремительной Тиссы, непокорно разрывающей лед. Она неподалеку отсюда рождается и, быстроногая, как желтый олешек, бежит во весь дух с гор к людям.

А форели?.. Зимой они дремлют в искусственных озерцах в горах, неохотно показывая себя шумливым гостям, толпящимся у края прорубей. Можно представить себе, как они будут резвиться летом, обгоняя даже Тиссу!

А снежные тропы, лесные избушки пастухов, возникающие, словно нарочно, как раз тогда, когда очень хочется отдохнуть, сбросить на время тяжелый рюкзак, снять лыжи...

А дружба, веселая и обязательно навеки, молодая дружба, которая началась еще в большом доме турбазы, рубленном из вековых стволов, и с каждым шагом в горы, порой нелегким, с каждой песней, спетой вместе, становящаяся все теплее и надежнее?..

Все это разве забудешь?

И все это называется Ясиня. Точнее: высокогорный район Закарпатья, уголок земли, над которым, как два стража, высятся Близнецы — лесистые вершины, похожие друг на друга, как братья. А если уж совсем точно: Ясинская туристская база Раховского района, что в восьми часах езды на поезде через перевалы и туннели от старинного Львова.

* * *

В этом высокогорном краю раскинулись туристские базы: Рахов, Лумшоры, Ясиня, Межгорье, Хуст, Мукачевская, Ужгородская... Тринадцать туристских маршрутов перекрещиваются в Карпатах. Странники дальних дорог узнали и полюбили эти места. Десять тысяч туристских путевок в Закарпатье выданы в минувшем году...

Много это или мало? Если сравнить с прошлым, много. В 1947 году здесь побывало всего триста восемьдесят туристов. А если подумать о том, сколько людей хочет сегодня побывать в Закарпатье, то мало, очень мало.

Мы несколько дней провели в Ясине среди туристов. Поистине чуть ли не вся страна представлена своими «делегатами» в высоком бревенчатом здании турбазы!..

Приспособился.
Рисунок В. Гальбы.

Ранним утром, когда солнце еще не озарило темные шапки Близнецов, к порогу базы пришла молодежь, усталая, загорелая, с полегчавшими рюкзаками. Это школьники из Кишинева. Они провели каникулы в горах, побывали в походе.

— Здорово! — сказал один.

— Еще как здорово! — подтвердили остальные. — Снова бы пойти!..

А навстречу им в горы собиралась уже другая группа, прилаживались лыжи, утрамбовывались спальные мешки... Обычная очередная группа. Но какой же разный собрался народ!

— Я из Москвы, — рассказывает инженер Лев Сабинин, — приехал как «дикарь», то есть без туристской путевки. Но приняли сразу...

— Мы минчане, — говорили недавние выпускники одного из белорусских вузов Роберт Мирончик и Игорь Петруша, — путевки получили в завкоме... Почему приехали именно сюда, в Закарпатье? Слухами земля полнится. Тут наши побывали — понравилось, а мы за ними!

В одной этой группе, небольшой, уже сдружившейся, оказались геолог-киевлянка Надя Химич, помощник мастера рижского троллейбусного парка Дайна Падома, днепропетровские студенты

«МАРШРУТНИКИ» И «РАДИКУЛИ

В. ВИКТОРОВ

«Маршрут» — одно из самых распространенных слов из лексикона туриста, в то время как «радикулит», казалось бы, не имеет никакого отношения к бродячему племени, чьей эмблемой является компас и объемистый рюкзак. И все же мы ставим рядом эти два полярных термина, а для того, чтобы убедиться в закономерности подобного соседства, нам достаточно совершить с вами путешествие по маршруту Ленинград — Черменецкое озеро.

Нет, нет, это не туристский маршрут. Для путешествия мы используем не лодки, не лыжи и не велосипеды, а комфортабельный автобус, который за два с половиной часа доставит нас до Луги.

С чего же начинается пора зимнего отпуска на Череменецкой базе? С подготовки к маршруту. Новоселы сразу же приступают к формированию групп, создают маршрутные и азимутные комиссии, проводятся занятия по топографии, подбирают лыжи, и инструктор, как правило, сам перворазрядный лыжник, в течение трех дней шлифует лыжную технику своих питомцев. А потом любители зимнего отдыха получают штурмовые костюмы, продовольствие, и вот наконец-то приходит то долгожданное утро, когда двенадцать человек выстраиваются на льду озера, прощаются с остающимися на базе товарищами и уходят на четыре ходовых дня далеко от насиженных мест.

Но почему же не все новоселы покидают базу для увлекательных экскурсий? Почему из восьмидесяти человек тридцать обязательно оказываются домоседами? Объясняется это тем, что на базе работают всего три инструктора, которые в лучшем случае могут обслужить около пятидесяти человек. Вот почему, если вы опоздаете и появитесь на базе, когда группы уже сформированы, и притом еще не выразите особого желания менять надежную крышу на лесной шатер, вас никто не станет уговаривать.

На Череменецкой базе мы познакомились с сильным тренированным лыжником, преподавателем физического воспитания в одной из ленинградских школ Евгением Михайловичем Апальковым. Он опоздал на день, не попал в ряды «маршрутников» и был зачислен в так называемую радиальную группу. Точнее говоря, Апалькову было предложено вместо дальнего похода несколько небольших экскурсий в ближайшие санатории и совхозы, и таким образом туристская база превратилась для него в обычный дом отдыха. Туристские функции Апалькова ограничились тем, что вместе со своими товарищами, как правило, людьми пожилыми, он провожал и встречал «маршрутников», а те, закалившиеся в походах, смотрели немного свысока на оседлых жителей туристской базы, любителей радиальных прогулок и величали их «радиальщиками», а иногда в шутку и «радикулистами» (от слова «радикулит»). Как же противоречиво это соседство оживленной спортивной молодежи, сдружившейся друг с другом в походе, и пожилых обитателей туристской базы, бродящих по территории в своих городских пальто и галошах!

Но давайте продолжим наше знакомство с «маршрутниками». Вот они перед нами, веселые девушки из группы инструктора Евгения Семенова. Все они познакомились друг с другом и со своим инструктором всего неделю тому назад и так сплотились в походе, что только и говорят сейчас о том, как, вернувшись в Ленинград, будут каждую субботу все вместе отправляться на маршрут.

Так обычно всегда завершаются походы, которые возглавляет Евгений Семенов, неудержимый энтузиаст туризма, и прежде всего туризма зимнего. Семенов работает заварщиком ламп на «Светлане» и каждый год отправляется в какие-нибудь новые места. За десять лет он побывал и на дальнем севере и на ближнем юге.

Семенов — замечательный лыжник, отличный ходок, и за четыре ходовых дня он умудряется познакомить новичков со многими премудростями туризма. Сейчас, после похода, все члены его группы — и учительница Татьяна Новикова, и работница типографии Евгения Щеглова, и школьницы Наташа Энтина, Галя Комарова и Лида Старостина, и инженер Лия Леонова, и работница Ирина Левинец — не отходят от своего вожака. Они и здесь, на турбазе, чувствуют себя в пути, вместе отды-

Балерины на катке.
Рисунок В. Соловьева.

сы

Фото Н. Козловского.

Валерий Фельдшон и Адольф Берлин...

Так и получается, что десять тысяч туристов для Закарпатья сегодня очень мало, а завтра — тем более...

— Сто тысяч туристов в наших краях — вот о чем мы думаем,— говорил нам Василий Тихонович Галяпин, руководитель областного туристско-экскурсионного управления. — Закарпатье — край отдыха и здоровья.

Строятся новые и расширяются старые туристские базы, обрастают филиалами. Уже сейчас спрос на путевки в ту же Ясиня вдвое превышает ее возможности.

Строятся туристские пансионаты в Закарпатье, строятся на средства профсоюзов, на деньги, которые выделило Министерство торговли Украины. Так что скоро туристам не будет тесно отдыхать на турбазах. Но нужны еще дороги — шоссейные и подвесные, чтобы связать вместе базы и чтобы приблизился чудесный край к его гостям. Надо восстановить, например, дорогу от районного центра Рахова до Ясини длиной в тридцать пять километров. Затраты не так уж велики. А цель — здоровье человека. Ради этого чего не сделаешь!..

Привал в Карпатах.

сты»

Фото Е. Умнова.

Евгений Семенов (в центре) и его питомицы, отдохнув после похода, увлеклись катанием на финских санях по просторам Черемнецкого озера.

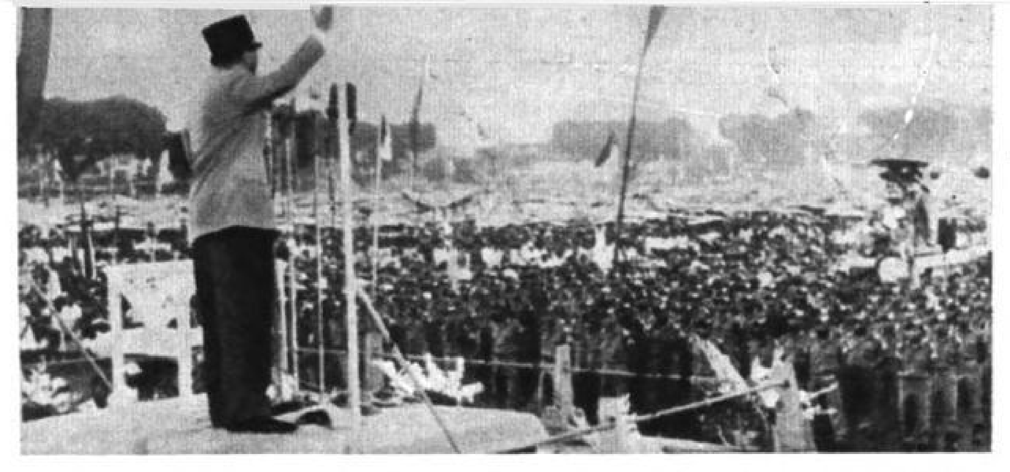
хают, катаются на финских санях по озеру и с сожалением считают остающиеся до отъезда дни. И никак не могут понять питомицы Евгения Семенова, как это кому-нибудь может не понравиться зимний отдых на Черменецкой туристской базе.

А теперь представим себе, что эти девушки на маршрут не выходили, а все двенадцать дней провели в комнатах, где вплотную стоят по четыре койки, где тускло светит электрическая лампочка без абажура.

Молодежь этого не замечает, для них база — это лишь приют, который они используют для подготовки к походу и для отдыха после него, а люди пожилые, которые и составляют так называемые радиальные группы, живут на базе все 12 дней. Ведь радиальные маршруты не в счет, потому что за этим пышным термином скрываются обыкновенные прогулки.

Нет, зимний отдых нуждается в безукоризненной организации, в гармоничном сочетании снежного простора и домашнего уюта. Вот о чем мы думали, прощаясь и с восторженными питомицами Семенова и с «радикулистами». А разве не должны быть в равной степени довольны зимним отдыхом как те, так и другие?

«ИРИАН БАРАТ

Президент Индонезии Сукарно выступает на митинге в Джокьякарте 19 декабря 1961 года. На этом митинге он объявил свой приказ об освобождении Западного Ириана.

Здесь размещается администрация будущей провинции Индонезии — Западного Ириана.

Боец индонезийской армии.

Олег СКАЛКИН Фото автора.

Индонезия переживает время суровых испытаний. Поэт С. Анатнагуна, воспевая сегодняшний день своей родины, видит ее «с лопатой в одной руке и с винтовкой — в другой». И само название стихотворения, которое недавно было опубликовано газетой «Харнан Ракьят», наполнено глубоким смыслом: «Брат, нам вместе идти...» Единство так же необходимо сейчас стране, как лопата строителя, как винтовка солдата. Потому что Индонезия напрягает силы для укрепления независимости, дает отпор жестокому и коварному империализму, своему извечному врагу.

На первый взгляд жизнь в Джакарте идет обычным чередом. Еще до наступления рассвета оживают стройки на улице Тамрина, открываются ставни магазинов. Утром на улицах больше всего школьников в опрятных белых костюмчиках. Они торопятся, размахивая сумками, набитыми книгами и тетрадями.

С восходом солнца на флагштоках правительственных зданий поднимаются государственные флаги республики. Они развеваются на площадях и чуть ли не над каждой крышей. Всюду в солнечных лучах — красно-белое знамя независимости...

В конце января по всей стране три дня флаги свисали с середины мачт, словно у них не хватило силы подняться выше. Это был знак скорби. Индонезия склонила голову перед памятью своих сыновей, павших жертвами злобной вылазки колонизаторов. Речь идет о пиратском налете голландских морских разбойников на небольшой отряд индонезийских сторожевых кораблей в Арафурском море, близ островов Ару. Воспользовавшись перевесом сил, голландцы безжалостно расстреляли и потопили один из торпедных катеров. Погибло много моряков. Их трагическую судьбу разделил заместитель начальника штаба военно-морских сил республики коммодор Джос Сударсо.

Это был лишь один эпизод в наступлении, которое развернул против Индонезии международный империализм. Гром выстрелов из голландских пушек раздался тогда, когда в стране еще не улеглось гневное эхо от взрыва гранаты, брошенной наемными бандитами в президента Сукарно на улице Чандраваси в Макассаре. Только что в Джакарте объявлено о раскрытии подрывной организации врагов республики и аресте заговорщиков. Среди них двое голландцев. Скоро состоится суд. Мир узнает не только исполнителей преступления, но и действительных организаторов черного дела, находившихся на безопасном расстоянии от улицы Чандраваси.

Провокации следовали одна за другой в течение недели. Но дело не в хронологии, а в политике. По существу, это ответ империализма на стремление индонезийского народа окончательно вымести колониальную нечисть со своей земли, вызволить Западный Ириан из голландского плена.

За воссоединение Западного Ириана с Индонезией стоят все патриотические партии и общественные организации, весь 96-миллионный индонезийский народ.

Еще в 1949 году на конференции круглого стола Голландия торжественно заверила индонезийских представителей в том, что всего через год Западный Ириан будет возвращен Индонезии. Если проследить змеиные зигзаги голландской дипломатии за этот период, получится длинная цепочка бесконечных обманов, предательств, вероломства. Последнее изобретение — «независимое государство Папуа», которое голландцы предлагают создать путем так называемого «самоопределения» населения Западного Ириана.

Недавно Западный Ириан посетил голландский государственный секретарь по делам Новой Гвинеи Тео Бот. Он открыл там первую сессию марионеточного «совета Папуа», созданного колонизаторами. На утверждение этого эмиссара из Гааги была представлена «программа» создания «независимого государства Папуа». Она полностью раскрывает планы и надежды колонизаторов. В соответствии с этой «программой», в 1963 году на территории Западного Ириана намечаются выборы в «совет Папуа» нового состава, который будет расширен. Но лишь небольшая часть этого совета должна избираться; в основном он будет составлен по назначению колониальных властей. На 1964 год предусматривается расширение представительства местных жителей в административном аппарате; в 1967 году предполагается создать первый полк папуасской армии. В 1968 году место «совета Папуа» должен занять парламент. Еще через год — президентские выборы. И, наконец, в декабре 1970 года Папуа становится «совершенно независимым» государством.

Всего какие-нибудь десять лет! А тем временем продолжается разгул иностранных грабителей в стране. Западный Ириан превращается в военный плацдарм СЕАТО. С его территории в Индонезию засылаются диверсанты, провокаторы и убийцы. Между прочим, расследование покушения на президента Сукарно в Макассаре показало, что часть преступников была специально для этой цели заслана в Индонезию из Западного Ириана.

На Западе немало яростных защитников узаконения колониального гнета в Западном Ириане. Некоторое время назад газета «Нью-Йорк таймс» выдвинула «теорию», согласно которой «чернокожие ирианцы» относятся к тихоокеанским народам и не имеют ничего общего с «коричневыми индонезийцами». Вывод? Их необходимо «самоопределить» по рецепту колонизаторов из Голландии. Еще более откровенно, без теоретических выкрутасов, выразил свои симпатии «Лайф», который в одном из последних номеров потребовал использовать седьмой флот США для помощи Голландии против Индонезии.

Чаша терпения индонезийцев переполнена. В одном из последних номеров газета «Индонезиан геральд» предложила своим читателям подумать над следующими словами президента Сукарно, поместив их в рубрике «Важные мысли на темы дня»: «Мы не хотим воевать. Нас знают как миролюбивый народ. Некоторые писатели даже характеризуют индонезийцев как наиболее мягкий народ на свете. Да, мы не любим войну, но могут сложиться условия, в которых у нас не останется иного выбора».

Вся жизнь Индонезии сегодня пронизана боевым духом приказа президента Сукарно, отданного им

Добровольцы.

Индонезия готова к борьбе против колонизаторов.

Фото В. Володкина.

в Джокьякарте 19 декабря минувшего года: сорвать голландские планы создания так называемого государства Папуа и водрузить красно-белый национальный флаг Индонезии над Западным Ирианом. Сукарно призвал весь народ крепить единство и быть готовым ко всеобщей мобилизации для защиты независимости своей страны.

И народ повышает боевую готовность. Недавно я побывал в армейском штабе Центральной Джакарты. В эти дни он также служит одним из пунктов, где производится регистрация добровольцев, откликнувшихся на приказ президента. Нас встретил капитан Сухартоно. Он объяснил порядок регистрации. Каждого добровольца осматривает врач, заполняется анкета. В числе других в ней предлагаются такие вопросы: «Какую цель вы ставите, записываясь добровольцем?»

Выходим во двор штаба. Его заполнили сотни юношей и девушек. У многих в руках газеты, и по их названиям можно судить, что здесь собрались люди различных взглядов.

Моим первым собеседником оказался типографский рабочий Х. С. Суванди. Он старше большинства своих товарищей. Ему тридцать восемь лет.

— Я поставил свое имя в списках добровольцев потому, что считаю естественным своим долгом быть готовым к защите родины и бороться за цели, поставленные нашей революцией. Западный Ириан является частью отечества, и до тех пор, пока эта земля остается под голландским господством, мы не можем считать себя полностью независимыми. Я счастлив, что могу внести свой вклад в общее дело нации.

Потом я разговорился с девушкой по имени Вагием. По профессии она текстильщица и ровно вдвое моложе Суванди. Черные, как смоль, волосы, живые глаза, серьезное, даже суровое выражение лица. Вагием говорит:

— Я думаю, что борьба за освобождение Западного Ириана касается каждого. Вместе с моими подругами я записалась в добровольцы. Я готова сделать все, что смогу, для своей страны.

Продавец лимонада Раис убежден в правоте слов президента Сукарно о том, что Западный Ириан будет скоро освобожден, и горит желанием, если возможно, приблизить это время.

— Только медицинский осмотр благополучно бы пройти, а там...

Раис не докончил фразы. Его фамилию выкликнул сержант, и он поспешил внутрь здания. Потом я сфотографировал группу добровольцев. Увидев объектив, они быстро поднялись, выпрямились и, подняв вверх сжатые кулаки, прокричали мне: «Ириан Барат — мердека!» Я ответил им теми же словами. Так сейчас принято в Индонезии.

«Мердека!» — «Свобода!» Сейчас это заветное слово как бы стало неотделимым от двух других: Ириан Барат — Западный Ириан. Вместе они лозунг, призыв. Джакартские мальчишки, увидев иностранца, нередко кричат ему вслед: «Ириан Барат — мердека!» Кое-кто принимает это на свой счет, как обиду. Но мальчишки ни при чем. Как всюду на земле, они стремятся вести себя, как взрослые. А взрослые решительно требуют свободы для Западного Ириана.

Недавно слово «мердека» неожиданно вызвало международную сенсацию. В январе президент Сукарно совершил поездку по Сулавеси. Вместе с ним в путешествии участвовали главы дипломатического корпуса в Джакарте. На многих митингах президент представлял иностранных послов народу. Их встречали словами «Ириан Барат — мердека!» и ждали ответа: «Мердека!».

Дошла очередь до представителя Соединенных Штатов Ховарда Джонса. Многотысячная толпа встретила его словами «Свободу Западному Ириану!», прозвучавшими, как вызов. У бывалого дипломата не хватило присутствия духа и честности сказать «нет». По притихшей площади микрофон разнес ответ: «Мердека».

Сообщения об этом инциденте разлетелись по свету. Разразился дипломатический скандал. Гаага заявила протест. Представитель государственного департамента, выгораживая своего сотрудника, не нашел ничего лучшего, как выдать пламенное слово «мердека» за обычное приветствие, своего рода «Хау ду ю ду». Собственно, старался госдепартамент напрасно. В Индонезии отлично знают о позиции США в вопросе о Западном Ириане. Знают и гневно осуждают ее.

В своих выступлениях президент Сукарно подчеркивает намерение Индонезии вернуть народу его землю в течение нынешнего года. Планируется образование новой провинции — Западный Ириан. Уже назначен генерал-губернатор провинции — ирианец по рождению. Имя его пока сохраняется в секрете. Этого требуют интересы безопасности. В Джакарте начали действовать курсы административных работников для Западного Ириана.

Администрация новой провинции пока размещается в особняке на одной из центральных улиц столицы. Но все готово к тому, чтобы быстро наладить местное управление и установить демократические порядки в самой восточной части страны. В другом доме по соседству находится штаб-квартира Движения народа Западного Ириана — боевой массовой организации. Там я встретился с генеральным председателем движения господином Димара. Его имя хорошо известно в Индонезии. С молодых лет он бесстрашно боролся против чужеземных захватчиков. Семь лет провел Димара в голландском застенке. В настоящее время он состоит членом Совета обороны, который создан по инициативе Сукарно для руководства борьбой за Западный Ириан.

— Колонизаторы, — говорит Димара, — стремятся навечно сохранить свою власть в Западном Ириане. Для этого и предпринимаются попытки создать государство Папуа. Голландцы идут на все, чтобы добиться хотя бы видимости поддержки своего плана населением Западного Ириана. Они широко используют подкуп, щедро раздают ордена и медали своим прихвостням. Но ничто им не поможет. Само слово «папуа» оскорбительно и ненавистно нашему народу. Его значение: «человек, не имеющий родителей». Пришло оно на нашу землю с завоевателями. Мы не папуасы, мы индонезийцы, сыны и дочери независимого индонезийского государства. Мы хотим быть свободными. Мы требуем, чтобы колонизаторы убрались с нашей земли.

Жизнь в Джакарте течет своим чередом. И все же большой город стал как-то суровее, строже. Не раз уже в обыденную городскую сутолоку врывались пронзительные сигналы сирен воздушной тревоги. Это учебные тревоги. Ежедневно газеты печатают сообщения об охватившем всю страну движении добровольцев. Число их уже перевалило за пять миллионов.

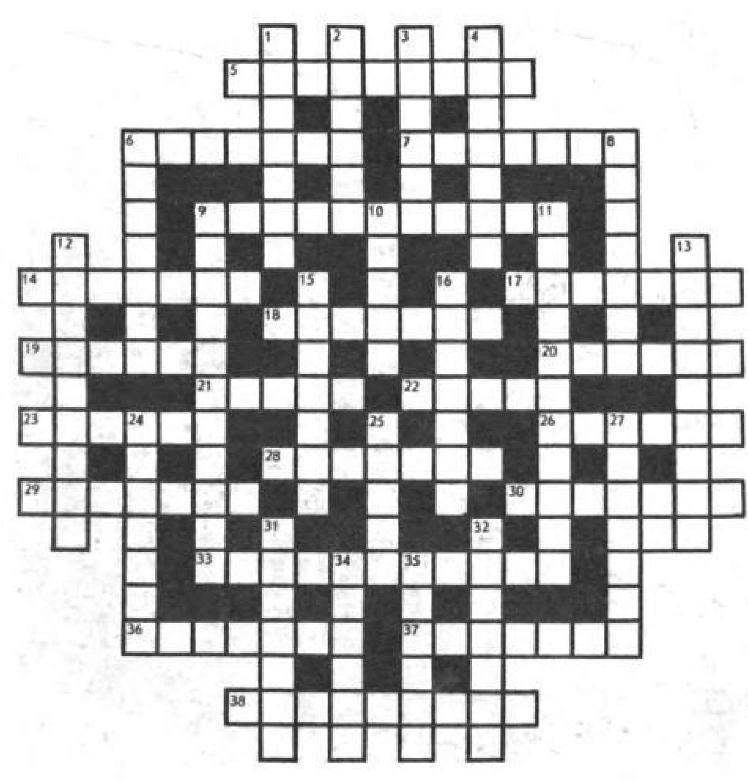
Недавно на площади Бантенг в Джакарте состоялся парад добровольческого корпуса народной обороны. Учащаяся молодежь, рабочие столичных предприятий показали, что они умеют держать в руках оружие.

Занятая мирным трудом, страна готова и к борьбе.

...Своими руками мы куем
историю,
Укрепляем независимость,
Возвеличиваем славу страны.
Нам идти вместе, брат. Вперед!

Джакарта, январь.

— МЕРДЕКА!»

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Заместитель руководителя высшего учебного заведения. 6. Морское животное. 7. Автор острых, обличительных произведений. 9. Вид загадки, задачи. 14. Очень маленькая птица. 17. Восточная фантазия М. А. Балакирева. 18. Южное лиственное дерево. 19. Государство на побережье Средиземного моря. 20. Стебель растения в самом начале его развития. 21. Залив, отделенный от моря косой. 22. Мужская одежда. 23. Пьеса М. Горького. 26. Тяжелый металл. 28. Горячий ветер. 29. Мощный прокатный стан. 30. Редкое, необычное явление. 33. Мелодия, звучащая одновременно с музыкальной темой. 36. Перерыв между отделениями концерта. 37. Хлопчатобумажная ткань. 38. Раздел медицины.

По вертикали:

1. Подземный гриб. 2. Советский писатель. 3. Химическое соединение. 4. Учреждение связи. 6. Железнодорожная тележка. 8. Угольный бассейн в СССР. 9. Спортсмен. 10. Насыпь из пустых пород. 11. Подбор различных видов и сортов товаров. 12. Рычаг, применяемый в весах. 13. Двухколесная машина. 15. Один из старейших курортов Забайкалья. 16. Герой произведения Г. Николаевой «Битва в пути». 24. Оценка знаний учащихся. 25. Рыба-наживка при лове трески. 27. Бег лошади. 31. Большая звезда. 32. Роман Ф. Гладкова. 34. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 35. Подставка для нот, книг.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

5. Чайковский. 7. Контроллер. 10. Силосопогрузчик. 12. Аромат. 13. Кибрик. 14. Парашют. 17. Каучуконос. 18. Мотороллер. 19. Астров. 20. Женева. 25. Яровизация. 26. «Молодежная». 29. Словаки. 31. Тундра. 32. Гранит. 33. Консервирование. 34. Монограмма. 35. Декламация.

По вертикали:

1. Мадагаскар. 2. Виноградов. 3. Добролюбов. 4. Дебаркадер. 6. Вулкан. 8. Речник. 9. Форзац. 10. Соотечественник. 11. Кораблевождение. 15. Шоколад. 16. Донегол. 21. Архитектор. 22. Миллиграмм. 23. Полководец. 24. Расстояние. 27. Овация. 28. Тренер. 30. Гранка.

На первой странице обложки: Они отдыхают в Ясине (Закарпатская область).

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Веселое катание.

Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00422. Подписано к печати 7/II 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 7. Заказ № 261.

Ордена Ленина типография газеты «Правда».
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

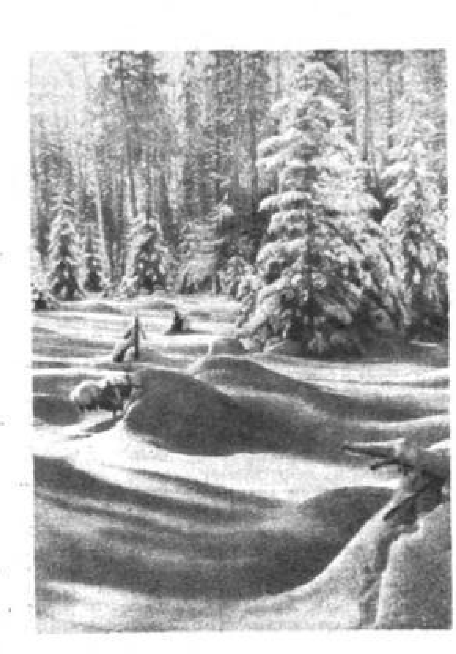
«ОГОНЕК» У ТУЛЬСКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ

Тепло и сердечно прошла очередная встреча огоньковцев с читателями. Более 300 человек собрались 26 января во Дворце культуры тульских оружейников.

Главный редактор А. Софронов рассказал о работе редакции, о планах журнала на 1962 год. Читатели инженер Ю. Ворожцова, преподаватель А. Оржеховский, почтальон В. Семичева, комсомольский работник В. Пономарев, пенсионер Д. Морозов поделились своими мыслями об «Огоньке», высказали много дельных предложений и пожеланий.

Во встрече приняли участие ответственный секретарь редакции Г. Боровик, заведующая отделом писем Л. Мурашова, поэт С. Смирнов, писательница В. Карбовская, художник Ю. Черепанов, кроссвордист С. Егоров.

Песни молодого композитора А. Аверкина исполнила артистка Антонина Сметанкина.

Снежно

Снег. Лучей перебеги
По пихтовым усам.
Нет пушистее снега,
Чем в прикамских лесах.

Нет вихрастее елок.
Их смирила зима.
Путь спокоен и долог.
Манит чаща сама.

Легким стелется слоем
И молчит белизна.
Едут по лесу двое
Рядом — он и она.

Не стреляют. Забыли.
Снежно. Блестки. Слюда.
Снег сверкающей пылью.
И четыре следа.

Борис МИХАЙЛОВ
Фото Юрия МИХАЙЛОВА.

Пермь.

Отцы и дети
— Ну как, детки, все развлекаетесь? А мы прошлись по-стариковски.

Рисунок Н. Лисогорского.

Врачи прописали собаку. Теперь он дышит свежим воздухом.

Рисунок А. Зубова.

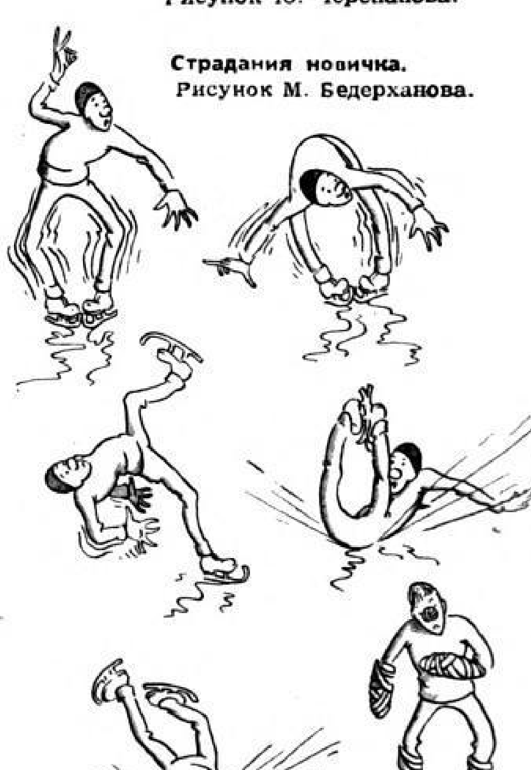

Без слов.

Рисунок Ю. Черепанова.

Страдания новичка.

Рисунок М. Бедерханова.

В воскресное утро.
Рисунок М. Ушаца.

Стоит ли рисковать?
Рисунок В. Драгалина.

— Я это уже третий день слышу...
Рисунок М. Ушаца.

— Теперь, кажется, модно.
Рисунок М. Ушана.

Сила коммунальной привычки.
Рисунок Л. Самойлова.

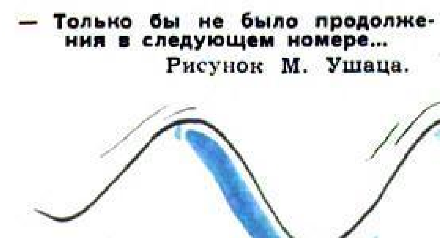
С портретным сходством.
Рисунок Л. Самойлова.

Галантность.
Рисунок Ю. Черепанова

Его взгляд на отдых.
Рисунок Ю. Черепанова.

— Только бы не было продолжения в следующем номере...
Рисунок М. Ушаца.

Каждый сам себе турбаза.

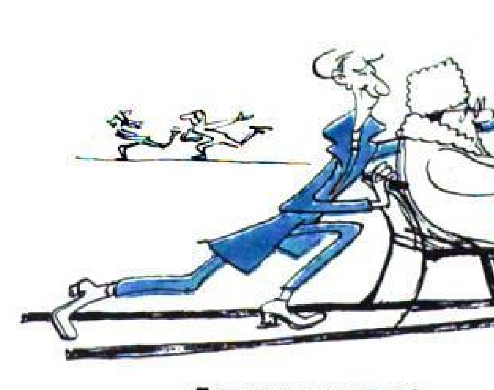
Лыжник-автомобилист.

Без слов.

— А брусника в ста шагах, на болоте.
Рисунки Е. Ведерникова.

«Толкач» на отдыхе.
Рисунки Ю. Черепанова.

Цена номера 30 коп.